

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

5
1989

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ

5

1989

СОДЕРЖАНИЕ

ДИСКУССИИ

- Политический кризис 1939 г. и страны Центральной
и Юго-Восточной Европы 3

СТАТЬИ

- Поп Ю. И.* Борьба марксизма против оппортунизма
в чешском рабочем движении 70—80-х годов
XIX века 35
Бялокозович Б. (ПНР). Николай Янчук — исследо-
ватель польско-восточнославянского пограничья 47
Цеткова М. Л. О выражении темпоральной харак-
теристики средствами двух языковых уровней
в польском и болгарском языках 60
Шаламова А. Н. Старорусское *допома* и его связи 67

СООБЩЕНИЯ

- Медушевский А. Н.* Великая Французская револю-
ция и славяноведение на современном этапе 79
Липатов А. В. «Господь сотворил тебя писателем» 85

НАЙДЕНО В АРХИВАХ

- Макаров В. И.* О проблеме славянской прародины.
Письма академика А. А. Шахматова академику
Ф. Е. Коршу 88

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Хееролина В. М.* Л. И. Ровнякова. Борьба южных
славян за свободу и русская периодическая пе-
чать (50—70-е годы XIX в.) Очерки 94
Котова М. Ю. А. Г. Машкова, Я. Штевчек, В. Пет-
рик, И. Сулик. Словацкая литература (1945—
1985). Проза 96
Гугнин А. А. В. А. Моторный, К. К. Трофимович.
Серболужицкая литература. История. Сове-
ременность. Взаимосвязи 98

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Титова Л. Л. Klosová. Život za divadlo</i>	100
<i>Орел В. Э. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 15 (*lětina — *lokažь)</i>	102

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

<i>Станчев М. Г., Тодорова Е. Н. Сотрудничество советских и болгарских ученых</i>	104
<i>Онучин А. Н. M. Sába, V. Dolínek, J. Dundík. Vzácné zbraně a zbroj: Ze sbírky vojenského muzea v Praze</i>	105

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Северная О. А. Культура социалистической Болгарии — общие закономерности и специфические черты развития</i>	107
<i>Юбилей</i>	110

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. ПОП (и. о. главного редактора), В. К. ВОЛКОВ, Р. П. ГРИШИНА,
 А. А. ГУГНИН, В. А. ДЬЯКОВ, А. А. ЗАЛИЗНЯК, М. С. КАШУБА,
 В. П. КОЗЛОВ, М. Н. КУЗЬМИН, Г. Г. ЛИТАВРИН (зам. главного редактора),
 Г. Ф. МАТВЕЕВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ, Ю. С. НОВОПАШИН, А. Ф. НОСКОВА,
 Л. Н. СМИРНОВ (зам. главного редактора), Л. А. СОФРОНОВА, Б. Н. ФЛОРЯ

Адрес редакции: 121069, Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30а

Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1939 Г. И СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Ниже публикуются материалы «круглого стола», проведенного 15 февраля 1989 г. по инициативе сектора Истории международных отношений Института славяноведения и балканистики АН СССР (ИСВ). Обсуждавшиеся проблемы имеют особую актуальность в связи с 50-летием второй мировой войны; высказанные участниками «круглого стола» мнения, естественно, не претендуют «на истину в последней инстанции». Скорее, их можно рассматривать как своего рода развитие опубликованного в газете «Правда» 25 мая 1989 г. материала «Канун и начало второй мировой войны. Тезисы, подготовленные Комиссией ученых СССР и ПНР по истории отношений между двумя странами».

В. К. ВОЛКОВ, д-р ист. наук, директор Института славяноведения и балканистики АН СССР

У нашего «круглого стола» есть свой специфический угол зрения, а именно — роль стран Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ) в период политического кризиса 1939 г. Хронологически мы хотим уделить внимание событиям, имевшим место в период с марта 1939 г. до начала советско-финского конфликта. Этот короткий отрезок времени до предела насыщен драматическими событиями и страны ЦЮВЕ неизменно стояли в их эпицентре. Именно вокруг них и в связи с ними шла основная политическая и дипломатическая борьба между великими державами. В позиции самих стран этого региона отразились все особенности международной обстановки того времени.

Однако несмотря на то, что эти малые и средние европейские страны играли в международных делах столь большую роль, она не получила в исторической литературе адекватного освещения. Чаще всего упоминается позиция Польши, главным образом, в связи с ее отказом разрешить проход советских войск в случае заключения тройственного англо-франко-советского союза, либо аналогичная позиция Румынии. Все другие страны — Болгария, Югославия, Греция, Турция, Венгрия — фактически выпадали из общего кругозора историков. Политика названных стран в основном исследуется их национальной историографией. В итоге отсутствует полная и взаимоувязанная картина всех политических процессов, происходивших в Европе в тот период. Постараться воссоздать эту картину — наша сегодняшняя задача.

Предвоенный политический кризис в Европе открылся событиями 14—15 марта 1939 г., когда по нацистскому сценарию была провозглашена «независимость» марионеточной Словакии, а германские войска захватили Прагу. Уже тогда было ясно, что эти новые агрессивные действия гитлеровской Германии, приведшие к ликвидации чехословацкого государства, затрагивали в первую очередь интересы западных держав. Они перечеркнули договоренности, которые были достигнуты в Мюнхене, в частности обязательство гарантировать Чехословакию неприкосновенность ее оставшейся территории. В политическом плане это был удар по позициям западных держав в мировой политике: дальнейшее их бездействие могло привести к установлению полной германской гегемонии

в Европе и сползанию западных держав на второстепенные позиции. В экономическом плане захват гитлеровской Германией чешской промышленности, в первую очередь ее развитой военной индустрии, резко усиливал военный потенциал Германии. Наконец, в военно-стратегическом плане в Восточной Европе произошли радикальные изменения: вступление немецких войск на чешскую и часть словацкой территории привело к военно-стратегическому окружению Польши, что сразу создало для нее особую ситуацию.

Решительно изменилась обстановка в Юго-Восточной Европе. Скачкообразно обострились и подошли к грани войны отношения между Румынией и Венгрией (последняя захватила Закарпатскую Украину). «Аллергически» реагировали на происшедшие изменения Югославия и Болгария. Последующий захват Италией Албании (7 апреля 1939 г.) привел к тому, что и южный фланг Юго-Восточной Европы (а именно Греция и Турция) был также охвачен политической лихорадкой. Все эти события послужили исходным пунктом начавшейся «политики гарантий» западных держав.

В нашей исторической литературе получил распространение тезис, что «политика гарантий» являлась продолжением мюнхенского курса, только другими средствами. Думается, что эта характеристика нуждается в уточнении, особенно с позиций сегодняшнего дня. Хотя говорить о «дипломатической революции», как иногда именовали «политику гарантий» в западных публикациях, не приходится, тем не менее нельзя считать, будто ничего не изменилось. Об этом говорят факты. 31 марта была предоставлена английская гарантия Польше, позднее превращенная в соглашение о взаимной помощи. Начались переговоры об английской гарантии Греции, а также переговоры о заключении договора с Турцией (в мае 1939 г. опубликована декларация о намерениях сторон). Наконец, 13 апреля были предоставлены гарантии не только Греции, но и Румынии, причем к английским гарантиям присоединилась и Франция. Таким образом, был создан некий «пакет» обязательств западных держав в отношении ряда стран ЦЮВЕ.

Что же представляла из себя та система гарантий? Прежде всего следует констатировать, что она не составляла чего-то единого целого. Гарантии отдельным странам не были увязаны друг с другом, не были подкреплены военно-стратегическими выкладками или соответствующими мероприятиями. Между самими странами, которые получили эти гарантии, тоже не существовало каких-то договорных обязательств. Характерны «люки» (или брешы), которые оставила эта политика гарантий. Так, помимо Польши, наибольшая угроза нависла над Югославией. Но Югославия не получила гарантий, а британская дипломатия сделала все от нее зависящее, чтобы уйти в сторону даже от обсуждения этого вопроса. Такая тактика не была случайной. Великобритания в тот период преследовала цель расколоть «ось», не допустить заключения союза между Италией и Германией. Поставленная задача, по мнению британских стратегов, была несовместима с политикой создания какого-либо блока в Юго-Восточной Европе. Более того, существовали расчеты столкновения германских и итальянских интересов из-за Югославии. Именно по этим причинам английская дипломатия и не предоставила гарантий Югославии. Тем не менее «политика гарантий» связывала определенными обязательствами западные державы, ставила рамки их политическому курсу. Была ли она альтернативной политике «умиротворения» агрессии? Думаю, что в известной степени была. Обе эти тенденции — к нарастанию конфронтации между западными державами и фашистскими государствами и к политике «умиротворения» — сохранялись в тот момент, существовали параллельно, хотя и боролись одна с другой.

Невозможно в полной мере оценить эту политику без анализа отношения западных держав к Советскому Союзу. После 15 марта 1939 г. они неоднократно отклоняли советские предложения о совместных действиях. Из обнародованных британских документов с полной очевидностью предстают причины такой тактики. После сталинских «чисток», считали за-

падные политики, военная сила СССР сомнительна, а сотрудничество с ним принесет больше неудобств, чем выгод. В частности, полагали они, союз с СССР может оттолкнуть от западных держав такие страны, как Польша и Румыния, а Германия получит огромный пропагандистский козырь. Только под влиянием общественных настроений они приступили к переговорам с СССР, да и то лишь после завершения создания системы гарантий. Естественно, что их позиция накладывала печать на отношения стран ЦЮВЕ к Советскому Союзу. Последний находился в состоянии изоляции, его искусственно оттирали от участия в решении европейских дел. Готовность к равноправному сотрудничеству с ним у западных держав отсутствовала. Последовавшие же с их стороны после завершения «политики гарантий» предложения были таковы, что М. М. Литвинов, который находился уже последние дни на посту наркома иностранных дел, назвал их «издевательскими».

Эти особенности международной обстановки следует иметь в виду при обсуждении политики стран ЦЮВЕ в период предвоенного политического кризиса. На «круглом столе» предполагается обсудить следующие вопросы: ликвидация Чехословацкой Республики в марте 1939 г. и страны ЦЮВЕ; итальянская агрессия в Албании в апреле 1939 г. и положение на Балканах; английская политика гарантий и страны ЦЮВЕ; советские предложения по совместной обороне и реакция стран ЦЮВЕ; политика стран ЦЮВЕ в начальный период предвоенного кризиса; англо-франко-советские переговоры 1939 г. и страны ЦЮВЕ; советско-германский договор от 23 августа 1939 г. и страны ЦЮВЕ; начало второй мировой войны; характер нейтралитета стран ЦЮВЕ; англо-франко-турецкий договор от 19 октября 1939 г. и страны ЦЮВЕ; великие державы и страны ЦЮВЕ в первые месяцы второй мировой войны (до советско-финской войны 1939—1940 гг.).

И. И. ПОП, д-р ист. наук, ст. научн. сотр. (ИСБ)

15 марта 1939 г. «странный мир», который, как обещал англичанам Чемберлен, должен был длиться после подписания Мюнхенского соглашения на протяжении жизни целого поколения, — кончился. То, что происходило между 15 марта и 1 сентября 1939 г. «миром» уже назвать нельзя. В этот период практически шло группирование «военных колонн», в которые так или иначе были втянуты все европейские страны. Расчленение Чехословакии и создание протектората Чехия и Моравия воспринято было в регионе ЦЮВЕ по-разному, но большой неожиданностью ни для кого не явилось. Слишком очевидной была агония нежизнеспособной после Мюнхена и Венского арбитража Второй Чехословацкой Республики. Но самый парадоксальный, на первый взгляд, факт, что оккупация Чешских земель после первого потрясения принесла полную определенность для чешского общества. После глубочайшего морального упадка так называемой Второй Республики, отрицания и буквально оплевывания даже светлейших сторон своей национальной истории, от которого одни замыкались в себе, другие бежали в эмиграцию, а такие, как К. Чапек, воплощавшие демократические традиции Первой Республики, умирали в расцвете лет, — каждый чех с душевной болью думал о необходимости малой нации приспособляться в столь отчаянной ситуации, как это делают по отношению к Германии гораздо более сильные, экономически независимые и геополитически находящиеся в более выгодном положении государства. Такие настроения стали основой для возникновения специфической ситуации, когда коллаборационистское правительство сотрудничало с зарождавшимся движением Сопротивления. «Странному миру» и «странному миротворчеству» одних соответствовала «странная» до поры до времени оккупационная система со «странным» коллаборационизмом. В широких кругах чешской нации после 15 марта преобладало всеобщее стремление к общенациональному единству в создавшихся условиях. Полная безучастность окружающего мира к судьбе их страны, страх перед возможным ударом оккупантов, которые еще только приме-

рялись к своей роли, заставляли многих чехов видеть своим даже беспомощное протекторатное правительство. В результате возникла еще одна парадоксальная ситуация, когда германская оккупация улучшила положение «гаховской гарнитуры», привела к возникновению общенационального оппозиционного единства. Образование такой оппозиции оккупантам в Чешских землях после 15 марта является основной особенностью чешского общества, без понимания которой невозможно объяснить и дальнейший путь чешского Сопротивления, которое должно было разбить это единство, чтобы вывести народ из летаргии. Для того, чтобы впредь объединиться, нужно было разъединиться в этой первой оппозиции 15 марта 1939 г.

Иная ситуация была в Словакии, формально ставшей независимой республикой, а фактически существовавшей только по воле «третьего рейха». Оформление независимости словацкими клеро-фашистами проведено было без проявления какого-либо энтузиазма со стороны широких масс. Сама формула независимости как альтернативы возможной оккупации хортистской Венгрией носила какой-то извиняющий характер.

Трагичной была судьба самой восточной части Чехословацкой Республики — автономной «Карпатской Украины», ставшей «яблоком раздора» между соседними государствами в период агонии Второй Республики. 15 марта хортистская Венгрия с разрешения Берлина приступила к оккупации Карпатской Украины и завершила ее спустя три дня.

Несколько слов о возможности помощи странам ЦЮВЕ со стороны Советского Союза. С получением известной телеграммы Форин Оффис по поводу Румынии (15—16 марта 1939 г.) СССР сразу предложил организацию международной конференции. Это была не новая политика — ее Советский Союз придерживался уже с весны 1938 г. (т. е. еще с чехословацкого кризиса), когда в Москве была принята линия коллективных мер, а не одностороннего ангажирования. На мой взгляд, такая политика была обусловлена провалом проводившейся Советским Союзом политики чрезмерного ангажирования в Испании. Встает вопрос и о реальности пропуска войск Советского Союза через территорию Румынии или через территорию Польши с целью оказания помощи этим государствам в случае нападения на них. Не только политические, но даже и художественные журналы Польши и Чехословакии того периода детально описывали происходившие в СССР процессы. Их оценки событий не отличались от тех, которые мы находим сейчас в большинстве наших журналов. Поэтому ответ на вопрос о доверии к Советскому правительству в плане его возможной помощи мог быть однозначно только негативным. Свою роль в этом сыграло и заявление К. Е. Ворошилова весной 1938 г. в довольно узком кругу в Кремле (оно быстро стало известно германским дипломатам и предано гласности) о том, что скоро в Европе опять будет война, а советские войска окажутся на Висле и произойдет революция (т. е. состоится второй тур всемирной революции).

Н. Д. СМЕРНОВА, д-р ист. наук, ведущий научн. сотр. (Ин-т всеобщей истории АН СССР)

Еще 16 октября 1938 г. в беседе с французским послом в Москве Кулондром М. М. Литвинов назвал случившееся в Мюнхене «катастрофой для всего мира». Он считал, что «вероятнее всего Германия пожелает уничтожить Британскую империю и стать ее наследницей. Менее вероятно нападение на нас, более для Гитлера рискованное» (СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. М., 1971, с. 45). Посол в Великобритании И. М. Майский замечал 25 февраля 1939 г., что в английской и французской печати сразу же после Мюнхена началось усиленное муссирование слухов о том, что Гитлер теперь пойдет на Восток. «Некоторые крупные деятели, — сообщал Майский, — прямо нашептывают Гитлеру эту восточную авантюру. Но Гитлер обнаружил меньше всего желания идти на Восток. На самом же деле Гитлер сразу же после Мюнхена начал нажим против Запада» (там же, с. 208). В том же донесении он отмечал,

что линия Чемберлена на умиротворение остается генеральной линией британской внешней политики. Аналогичная оценка ситуации давалась в отчетном докладе ЦК ВКП(б) на XVIII съезде партии в марте 1939 г. В нем подчеркивалось, что западные демократии отдали немцам районы Чехословакии как цену за обязательство начать войну против Советского Союза, но просчитались, ибо началась борьба за новый передел мира и сфер влияния за счет интересов неагрессивных государств. Эта характеристика укладывалась в сталинскую теорию о том, что межимпериалистические противоречия сильнее и гораздо более чреваты войной, чем противоречия между капитализмом и социализмом. Таковы были оценки советской дипломатией и партийным руководством общеполитической обстановки в Европе, когда 7 апреля 1939 г. итальянскими войсками была оккупирована Албания. Муссолини пытался волевыми решениями навязать старшему партнеру по «оси» свою точку зрения, свое понимание раздела сфер влияния. Оккупация Албании была заявкой на безраздельное господство Италии на Балканах, чему в Берлине негласно сопротивлялись. Так, уже сразу после заключения итало-германского договора в итальянских дипломатических и правительственных кругах возникло опасение, что это будет не «ось Рим — Берлин», даже не «ось Берлин — Рим», а «ось Берлин — Берлин». Италия даже не была поставлена в известность о намерениях своего союзника захватить Чехословакию (хотя по условиям союза Германия обязывалась консультироваться по всем военным вопросам). Несмотря на официальные правительственные заявления о солидарности с политикой Германии, в верхах итальянской фашистской партии существовало недовольство ею. Так, посол в Берлине Аттолико жаловался 18 марта 1939 г. своему министру Чиано на немцев, которые стремятся не только устранить с Балкан Великобританию и Францию, но и вытеснить Италию, «оставив ей одну лишь средиземноморскую воду» (Н. Д. Смирнова. Балканская политика фашистской Италии. М., 1969, с. 92). В МИД Италии считали, что «ось» стала орудием одной лишь Германии и захват Албании должен был стать своего рода заявкой на равноправие в блоке. И действительно, нельзя не признать того, что весной 1939 г. Албания стала своего рода платой за ту поддержку, которую клика Муссолини оказывала германским фашистам в наиболее критические для них моменты.

Стремление Италии воспротивиться диктату союзника по «оси» (подталкивавшего Муссолини в Африку и резервировавшего за собой Балканы, которые должны были послужить сырьевой базой для обеспечения немецких планов по захвату территорий на Западе и Востоке) привело к возникновению теории «параллельной войны», согласно которой Италия должна была вести параллельные с Германией войны, но в своих интересах. Оккупация Албании и стала одной из таких «параллельных» акций. И хотя она шла вразрез с намерениями Гитлера в этом регионе, он ее одобрил. В этот период у Гитлера была совершенно четкая ориентация на сохранение мира и стабильности на Балканах в том виде, как это сложилось к весне 1939 г.: продолжение экономического проникновения Германии в эти страны, окончательное отстранение Франции как покровительницы Балкан, разрушение союзов малых стран. Оккупация Албании имела серьезные и далеко идущие последствия для судеб мира в целом. Соглашательская политика западных держав, поощрявших фашистских агрессоров, оборачивалась трагедией для народов малых государств, служивших «разменной монетой» в глобальных комбинациях крупных империалистических хищников.

В. В. ЗЕЛЕНИН, д-р ист. наук, ведущий научн. сотр.-консультант (ИСБ)

В марте — апреле 1939 г. ряд фактов свидетельствовал о том, что в итальянской политике планы агрессии против Югославии встали «на повестку дня». После раздела Чехословакии Чиано в марте 1939 г. предупредил германского посла в Риме о том, что Италия не может безраз-

лично относиться к дальнейшей судьбе Югославии, и вновь напомнил о давних претензиях итальянских фашистов считать Адриатическое море «Итальянским морем». В мае того же года, после оккупации Италией Албании, Риббентроп сообщил Чиано, что, если Югославия распадется в силу внутренних причин, Германия будет согласна на то, чтобы Италия проводила намеченную ею в отношении Югославии политику. В июне 1939 г. Югославия имела немало оснований опасаться агрессии как со стороны Италии, так и со стороны Германии, незадолго перед этим ставшей ее непосредственным соседом после аншлюса Австрии. Поэтому «узкий кабинет» в принципе принял решение о визите принца-регента Павла Карагеоргиевича в Германию и затем в Великобританию для выяснения положения Югославии в связи (как считали в югославских правящих кругах) с постоянной угрозой для нее со стороны Италии. В ходе переговоров в Берлине Югославии предложили выйти из Лиги Наций и тем самым продемонстрировать свою солидарность с Германией, а также присоединиться к «антикоминтерновскому пакту». Принц Павел на это не пошел. По возвращении в Белград он доложил «узкому кабинету» (или «коронному совету») о переговорах с Гитлером. Было решено, что он поедет в Великобританию, а представитель Генерального штаба генерал П. Пешич направится во Францию и в Великобританию. В Лондоне, куда он прибыл в конце июня, Павел имел беседы с министром иностранных дел Галифаксом и с другими деятелями британского правительства по вопросу о британо-югославских отношениях. И хотя, как потом он докладывал на «коронном совете», было заметно известное отрезвление после Мюнхена и особенно после раздела Чехословакии, тем не менее чувствовался холодок по отношению к Югославии. Одной из причин этого холодка была неудача состоявшейся незадолго до этого миссии в Югославию наследника английского престола герцога Кентского, который, в частности, передал югославскому регенту и правительству секретную просьбу о предоставлении англичанам военно-морской базы в Которском заливе (на что югославы не пошли). Визит Павла в Лондон принес только один результат: югославам стало ясно, что Великобритания не в состоянии оказать Югославии какую-либо военную помощь в случае нападения на нее Германии.

Несколько слов о миссии генерала Пешича, отправившегося в июне сначала во Францию, а затем в Великобританию. Во Франции он имел беседы с начальником Генерального штаба генералом М. Гамеленом. Впечатления Пешича о готовности Франции к ведению войны с фашистской Германией были самыми восторженными. Как понял Пешич, во Франции мнение о немецкой армии было весьма низким. Несколько иные впечатления вынес Пешич из своего визита в Лондон, где он беседовал с начальником штаба генералом Гортом. Пешич пришел к выводу, что Великобритания готова к обороне своих островов, но к наступательной войне пока что у нее готовности нет. И в Париже и в Лондоне Пешич заявил, что в случае возникновения войны Югославия останется нейтральной.

На заседании «узкого кабинета» в конце июля был сделан вывод, что Югославии не от кого ждать помощи, поэтому нужно форсировать собственную оборону, усиливать пограничные укрепления, приобретать новые вооружения и т. д. Одновременно «узкий кабинет» констатировал необходимость решения ряда внутренних (в первую очередь «хорватского вопроса») и внешнеполитических (улучшения отношений с Болгарией) проблем. Известно, что «хорватский вопрос» удалось в какой-то мере решить: 26 августа 1939 г. правительством Д. Цветковича было заключено соглашение с председателем Хорватской крестьянской партии В. Мачеком о предоставлении значительной внутренней автономии Хорватской бановине. Мачек занял пост вице-премьера; министром иностранных дел был назначен занимавший до этого пост посланника Югославии в Берлине А. Циндар-Маркович, известный своими симпатиями по отношению к Германии и Италии.

Попытка улучшить отношения с Болгарией успеха не принесла.

Встреча югославских руководителей с председателем Совета министров Болгарии Г. Кюсеивановым, состоявшаяся 10 июля 1939 г., проходила в сдержанной атмосфере, так как болгары были недовольны несговорчивостью югославов по поводу территориальных претензий Болгарии (за свое вступление в Балканский пакт болгары требовали от всех его членов территориальных компенсаций).

Следуя своей политике лавирования между двумя империалистическими блоками, Югославия 5 июля 1939 г. подписала секретное экономическое соглашение с Германией, положившее начало превращению экономики страны в сырьевой придаток военной экономики «третьего рейха». Начало второй мировой войны Югославия встретила во враждебном окружении, без союзников, перед лицом угрозы агрессии со стороны фашистских держав.

В. В. МАРЬИНА, д-р ист. наук, ведущий научн. сотр., зав. сектором (ИСБ)

Подписание Гахой ультимативных условий оккупации Чехословакии представляется мне логическим следствием политики правительства Берана, попиравшего принципы буржуазной демократии и взявшего курс на постепенную фашизацию страны, все более шедшего на сближение с гитлеровской Германией и подчинение ей своей внешней и внутренней политики. Любопытная трактовка ликвидации Чехословацкого государства содержится в коммюнике для прессы, подготовленном спустя несколько дней после этого события польским Генеральным штабом. Вопрос в этом документе ставится следующим образом: по-существу, оккупация Чешских земель и их включение в состав «третьего рейха» являлись заранее спланированной и подготовленной акцией, которая была осуществлена некоторыми членами чехословацкого правительства (конкретно указывается министр обороны генерал Сыровы) по согласованию с Берлином. В документе обозначены и цели, которые якобы преследовало чехословацкое правительство, ведя такую игру и исходя из постулата, сформулированного чешскими политическими деятелями еще в период Мюнхена, а именно — «мы недостаточно сильны, чтобы защищать себя, но достаточно сильны, чтобы развязать мировую войну». Говорится в документе о фиктивном и временном включении Чешских земель в состав «третьего рейха», определяются цели, которые при этом преследовались: отомстить Великобритании и Франции за их вероломство и предательство в период Мюнхена; отомстить Польше, присоединившей к себе в период Мюнхена часть чехословацких земель; наконец, воспользоваться высшими политическими успехами «третьего рейха» в своих интересах и к своей выгоде, а именно — учитывая неизбежность обращения германских взоров на Восток, оказать содействие фашистской Германии в оккупации Советской России. Пока что остается вопрос: только ли это частное мнение одного из представителей польского Генерального штаба?

А. Я. МАНУСЕВИЧ, д-р ист. наук, ведущий научн. сотр.-консультант (ИСБ)

Мы привыкли нарушение гарантий, взятых западными странами в Мюнхене в отношении границ урезанной Чехословакии, относить к весне 1939 г. Мне представляется, что не следует забывать о неразрывной связи этих «гарантий» с поощрением к дальнейшему разделу Чехословакии, которое получили в том же Мюнхене «санационная» Польша и хорватская Венгрия. По сути дела, нарушение гарантийных обязательств произошло одновременно с их принятием.

В. И. БЕЛЯЕВА, канд. ист. наук, научн. сотр. (ИСБ)

Хочу остановиться на вопросе о тех гарантиях, которые действительно были предоставлены странам Восточной Европы в марте — апреле 1939 г. Оккупация Чехословакии для европейских дипломатов большой нежиз-

данностью не была, но она явилась своеобразным шоком для европейской общественности. И настолько сильным, что это существенно воздействовало на изменение ситуации в Европе, в частности, заставило британское правительство, как главного инициатора политики умиротворения, срочно менять свою политику. Отношения между Польшей и Великобританией после 15 марта 1939 г. носили несколько странный характер. Точных сведений о том, в каком состоянии находятся польско-германские отношения, у британского правительства на этот момент не было. Польские дипломаты и Ю. Бек не распространялись особенно о требованиях гитлеровцев, в достаточно грубой форме выдвинутых в адрес Польши. Более того, в своем выступлении в Палате общин 31 марта 1939 г. Чемберлен вообще возложил на Великобританию одностороннюю гарантию, сформулировав ее довольно странным образом: вопрос об угрозе независимости Польши решало польское правительство, и лишь в соответствии с его решением начинало действовать британское. То есть вопрос о вступлении в войну Великобритании становился прерогативой правительства иностранной державы. Кроме того, в этой гарантии содержалась еще одна очень существенная формулировка: Великобритания гарантировала независимость Польши, но не ее национальную территорию. Почему же Великобритания пошла на заключение с Польшей договора о взаимных гарантиях? Говорить о том, что такой убежденный «умиротворитель», как Чемберлен вдруг отказался от своей политики, нет достаточных оснований. И документы говорят о том, что он от этой политики не отказался до конца своего пребывания на посту британского премьер-министра. Более того, в период чехословацкого кризиса британское правительство приложило максимум усилий, чтобы не допустить военного конфликта между Чехословакией и Германией, потому что в этом случае автоматически вступал в действие франко-чехословацкий договор и Франции в этой ситуации было бы очень трудно отказаться от своих обязательств. В свою очередь это повлекло бы участие в конфликте Великобритании (в силу договора с Францией). В Великобритании прекрасно отдавали себе отчет в значимости именно двусторонних договоров. Представляется, что в марте 1939 г. британское правительство предоставлением гарантий Польше пыталось воздействовать на Гитлера с тем, чтобы он осознал опасность для Германии в случае развязывания войны против этой страны, поскольку наличие англо-польского договора делало практически неизбежным участие Великобритании в возможной германо-польской войне. Британские гарантии, на мой взгляд, это не готовность Великобритании дать вооруженный отпор агрессии, а попытка оказать давление на Германию с целью заставить ее согласиться на переговоры, которые виделись британской стороне скорее всего в духе Мюнхена. Активный политический курс на противодействие агрессорам вплоть до вооруженной борьбы с ними был глубоко чужд Чемберлену. Политика гарантий, по моему, была лишь модификацией мюнхенской политики. Британское правительство в данном случае использовало другой метод для той же цели: не допустить именно вооруженного отпора эвентуальной агрессии. Но в результате оно само угодило в ловушку, и 3 сентября Чемберлен был вынужден сделать то, что противоречило всей его политике — объявить войну Германии. Если бы не было двустороннего договора с Польшей, события, возможно, могли бы пойти и по другому пути.

Несколько слов относительно советских предложений от 18 марта 1939 г. о созыве международной конференции с целью обсуждения ситуации в Европе. Мне они представляются не отвечающими сложившейся в тот момент европейской ситуации. В конце 30-х годов стало особенно ясно, что отношения между европейскими странами основываются на такой степени взаимного недоверия и даже враждебности, что международные конференции вряд ли могли привести к какому-нибудь позитивному итогу. Тем более, что к тому моменту у Советского Союза не было практически ни одного дружественно настроенного к нему соседа (кроме разве что Монголии).

Что же дает анализ ситуации весны 1939 г. в ЦЮВЕ для более глубокого понимания, с одной стороны, хода переговоров Советского Союза с западными державами, и с другой — для понимания проблемы генезиса советско-германского договора о ненападении? В конце апреля — начале мая первый заместитель наркома иностранных дел В. П. Потемкин посетил Анкару, Софию, Бухарест и Варшаву. В это время Турция вела переговоры с Великобританией о заключении союзного договора. По условиям советско-турецкого договора 1925 г. он мог быть заключен только с согласия СССР. И Советский Союз дал такое согласие (что показательно для общего направления советской политики в тот период). 12 мая была опубликована англо-турецкая декларация; выяснилось, что она распространяла свое действие на все Балканы. И Советский Союз одобрительно прокомментировал это соглашение. В этот же момент турецкие правящие круги сделали предложение СССР о заключении турецко-советского договора (мыслившегося как дополнение к турецко-английскому договору, а в более широком плане примыкавшего к англо-франко-советской военно-политической комбинации, переговоры о которой уже начались), охватывавшего также регион Черного моря, части Балкан и проливов. Это тоже было принято Советской стороной. Наконец, ряд балканских компартий выступил весной 1939 г. с инициативой создания балканского блока обороны против фашистской агрессии. Как же в эти факты укладывается генезис советско-германского договора о ненападении? Его концептуальную подготовку многие ныне связывают с докладом Сталина на XVIII съезде партии, в котором фактически был провозглашен принцип верховенства национально-государственных интересов. Из практических шагов следует отметить следующие. Когда 17 апреля Советский Союз устами М. М. Литвинова ответил на сделанное западными державами предложение о переговорах, то в тот же день наш посол в Берлине Мерекалов в беседе с одним из руководителей германского МИД затронул вопрос о возможности улучшения советско-германских отношений. Наконец, крупной акцией в этом плане была отставка 3 мая Литвинова с поста наркоминдела. Обрушившийся на МИД новый шквал репрессий фактически завершил его ликвидацию. Дальнейшие переговоры велись новым руководством советской дипломатии.

А. И. НЕДОРЕЗОВ, д-р ист. наук, ведущий науч. сотр.-консультант (ИСБ)

Март 1939 г. — следствие Мюнхенского соглашения. Но правительство Чехословакии виновно в том, что в конечном счете не пошло на оказание отпора агрессии, будь то с помощью Советского Союза или Франции. На мой взгляд, мы не должны забывать и о той ответственности, которую в конечном счете несло польское правительство Ю. Бека за развязывание второй мировой войны. Это проявилось в том, что оно отказалось участвовать в конференции (с инициативой созыва которой 18 марта выступило британское правительство) для рассмотрения нависшей над Польшей угрозы, оно отказалось затем пропустить советские войска и т. д.

Данные правительством Великобритании гарантии действительно в какой-то мере намечали определенный поворот в его политике, но это был очень непоследовательный поворот. Черчилль назвал его политикой с позиции слабости, а не с позиции силы. Британское правительство пыталось оказать давление на Германию, но политика Мюнхенского соглашения с Германией продолжалась. Это проявилось в начавшихся англо-германских переговорах об экономическом соглашении, в подписании англо-германской и франко-германской деклараций о ненападении и т. д. В конечном счете политика Мюнхена привела к тому, что у Советского Союза появилось недоверие к великим державам, заставила Советское правительство думать о том, какими путями ему идти дальше.

Остановлюсь на вопросах советско-польских отношений накануне сентября 1939 г. Оказавшись фактически изолированной после Мюнхена, Польша (в поисках союзников в условиях открытого покушения Германии на целостность страны) обратилась и к Востоку. Возникла своеобразная дилемма: СССР был готов пойти даже на заключение с Польшей военного союза против Германии; Варшаве необходимо было определить пределы возможного сотрудничества с Советским Союзом. Определенное негативное воздействие на поиски путей возможного сотрудничества оказали общий «синдром 1920 г.», чрезвычайная идеологизация межгосударственных отношений, боязнь Польши утратить свой суверенитет в результате ввода советских войск на ее территорию для предотвращения или отпора гитлеровского нашествия. Самое большее, на что «санационное» руководство Польши оказалось согласно в отношениях с СССР — экономическое сотрудничество во время войны (транзит военных материалов от союзников, поставки советского сырья в Польшу и др.). После заключения 23 августа 1939 г. советско-германского договора отношения между СССР и Польшей внешне не изменились. Заместитель наркома иностранных дел С. А. Лозовский заявил 26 августа, что договор о ненападении 1932 г. с Польшей остается в силе. 2 сентября советский посол в Польше Н. И. Шаронов в ходе визита к Ю. Беку спросил его: почему Польша не обращается за помощью к СССР? Лишь 5 сентября, когда немецко-фашистские войска подошли к Варшаве, польский посол в СССР В. Гжибовский сделал это, подтвердив заявленную ранее позицию Польши об отношениях с СССР. В работах советских историков приводилась часть ответа В. М. Молотова послу: советская сторона намерена в точности выполнять предписания Торгового договора. Однако далее Молотов продолжал: что касается поставок из СССР в Польшу военных материалов, транзита и т. д., то это маловероятно в нынешних создавшихся условиях, когда в войне уже участвуют Польша, Германия, Великобритания и Франция. А Советский Союз не хочет быть втянутым в войну на той или другой стороне. И должен в свою очередь принимать меры для своей безопасности (См., например: Севостьянов П. П. Перед великим испытанием. М., 1983, с. 25). Таким образом, Польша в итоге получила отказ в советской помощи.

В. М. КУЛИШ, д-р ист. наук (пенсионер)

Касаясь вопросов англо-франко-советских переговоров и заключения советско-германского договора о ненападении, на мой взгляд, необходимо прежде всего осмыслить и понять интересы участвовавших в этих дипломатических «играх» государств. Это в значительной степени прояснит обстановку того времени, вскроет истинные мотивы тех или иных действий разных сторон. Сегодня историков беспокоят многие сюжеты этих переговоров. Например, почему переговоры с Великобританией и Францией (по существу начавшиеся еще в 1935 г.) не привели к заключению военной конвенции, а переговоры с Германией (с мая 1939 г.) завершились подписанием договора? Утвердившаяся в советской историографии точка зрения известна: Великобритания и Франция не хотели заключать с нами военной конвенции (хотя также известно, что в последний момент Франция дала своему представителю на переговорах разрешение согласиться на конвенцию), в то же время СССР — в силу сложившейся международной ситуации (определяемой сейчас как ситуация Брестского мира) — был вынужден пойти на подписание договора с Германией.

Каковы же были истинные интересы участвовавших в переговорах государств? Еще на Пленуме ЦК РКП(б) в январе 1924 г. Сталин высказал некоторые положения, впоследствии сыгравшие определенную роль в выработке внешнеполитических акций нашего государства. В частности, он говорил о том, что если начнется война между империалистическими державами, то нам не удастся отсидеться в стороне. Мы будем втянуты

в эту войну. Но задача состоит в том, чтобы мы вступили в эту войну как можно позже и положили свою гирию на чашу весов. И эта гирия должна сыграть решающую роль. В марте того же года Н. А. Скрышник на Пленуме ЦК требовал решить, наконец, вопрос о присоединении к Советскому Союзу Буковины, восточных областей Польши и Карпатской Украины (или Карпатской Руси). Корректируя позицию Скрышника (с учетом возможных впоследствии на международной арене обвинений СССР в территориальных претензиях, в империалистической политике), Г. В. Чичерин предложил поставить и проводить в жизнь этот вопрос на принципиальной основе — воссоединения этнически близких народов. Наконец, в 1934 г. в докладе на XVII съезде партии, Сталин заявил, что Прибалтика — это именно тот плацдарм, который Германия хотела бы захватить для действий против Советского Союза. Эти одновременные высказывания нашли свое отражение и в переговорах 1939 г. Уже в мае, в оккупированной фашистами Праге на встрече Г. Астахова с Ю. Шнурре (в связи с торговыми переговорами) последний заявил, что Германия не имеет таких интересов в Прибалтике, которые бы противоречили интересам Советского Союза. Позже Германия дала СССР подобные гарантии в отношении Восточной Польши и Буковины. Ничего подобного на переговорах с Великобританией и Францией быть не могло, поскольку являлось нарушением международного права и права прибалтийских народов, зафиксированного в договорах (в свое время подписанных Советским правительством).

Необходимо отметить и особенность международных отношений этого времени: они шли как бы на двух уровнях. Первый уровень — отношения между великими державами, второй — более низкий — отношения великих держав с малыми государствами. Для всех великих держав эти малые государства были не более, чем фишки в игре. Сталин признавал не дипломатию слова, а дипломатию силы. Заинтересованность Германии в заключении договора с СССР определялась прежде всего ее стратегическими планами. К этому времени правящие круги Германии уже решили вопрос о нападении на Польшу, о войне с Францией и др. И самое главное — Германия добилась заключением договора устранения СССР от вмешательства в эту войну. Более того, в 1940 г. Германия благодаря этому договору (который Гитлер называл не иначе как перестраховочным) смогла сосредоточить около 140 дивизий против Франции и Великобритании (оставив на новой границе с СССР лишь 3 полевых и 7 охранных дивизий). В январе 1941 г., продолжая играть на заинтересованности Советского Союза в решении своих территориальных вопросов (т. е. воссоединении народов в исторически сложившихся границах бывшей Российской империи), фашистское руководство устами Шуленбурга заверило Молотова, что Германия ни в коем случае не будет захватывать Черноморские проливы и не будет угрожать интересам СССР в этом районе.

Существенное значение в определении внешнеполитических акций советской дипломатии и способов их осуществления играла и сложившаяся у партийно-государственного руководства оценка (как только враждебного) капиталистического окружения, что, кстати, вполне оправдывало и политику «игры на противоречиях» в достижении своих целей. Делавшиеся при этом неоднократные заявления о необходимости сохранения мира носили, скорее, декларативный характер. Немалую отрицательную роль сыграла и ошибочная оценка (вошедшая в советскую военную доктрину) революционной ситуации в западных странах, необоснованные ожидания революционного взрыва в них. Эту точку зрения Сталина и его окружения образно выразил в докладе на XVII съезде партии Д. З. Мануильский, когда заявил, что Германия и Япония, развязывая войну, роют могилу для всего капитализма.

М. Д. ЕРЕЩЕНКО, канд. ист. наук, ст. научн. сотр. (ИСБ)

Рассматривая хронику событий середины марта 1939 г., нельзя обойти вниманием «дело Тили» (румынского посланника в Лондоне), выявившее тот самый узел интересов европейской дипломатии, которые переплелись

тогда между столицами великих держав и стран Восточной Европы, определили расстановку сил в последующие месяцы до начала второй мировой войны.

Уже 15 марта в Праге появились первые приказы и объявления германского военного командования. Часть из них была на румынском языке: румынскому населению предлагалось подчиняться приказам германских властей. 16 марта в ходе визита (по-видимому, по указанию из Бухареста) в Форин Оффис В. Тили поставил вопрос о прояснении позиции Великобритании в отношении Румынии в случае угрозы ей со стороны Германии. При этом Тили пояснил, что в ходе ранее состоявшихся румыно-германских переговоров по экономическому соглашению Берлин уже предъявил Бухаресту буквально кабальные условия. Информация о встрече Тили с лордом Галифаксом сразу же появилась на страницах ведущих западных изданий. На заседании Британского кабинета 18 марта Галифакс изложил информацию Тили, уточнив, что Румыния рассматривает экономические претензии Германии «как очень похожие на ультиматум», поэтому есть необходимость прояснить позицию Великобритании в том случае, «если Румыния стала бы жертвой германской агрессии». Галифакс предложил информировать правительства Франции, США, СССР, Польши, Турции, Греции и Югославии о демарше румынского дипломата и определить их реакцию на германский «ультиматум Румынии» (Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third ser., t. IV. London, 1968, dok. 389, 395, 454). Британское правительство обратилось к СССР с предложением обсудить этот вопрос, но уклонилось от определения своих позиций. СССР, а не Великобритания, как утверждал здесь А. И. Недорезов, предложил срочно созвать конференцию заинтересованных государств для «совместных консультаций». Однако Бухарест дезавуировал своего дипломата, отказался подтвердить, что ему давались какие-либо поручения ставить вопрос об опасности Румынии и что никакого германского ультиматума не было. Кстати, ни в одном из ответов запрошенных Лондоном столиц слово «ультиматум» также не употреблялось. Польша проявила полное безразличие к румынской ситуации. Франция выдвинула предположение, что в данный момент Румынии вряд ли грозит война, скорее речь идет об урегулировании германо-румынских экономических отношений. Советское предложение о созыве конференции не было принято ни в Лондоне, ни в Бухаресте.

В своих неопубликованных мемуарах Тили намекает, что фраза об «ультиматуме» Румынии исходила не от него — это была позиция британского кабинета. Вероятнее всего, «румынский вопрос» действительно мог послужить для британского правительства тем «пробным камнем», на котором оно могло проверить (и проверило) реакцию возможных партнеров по своей внешнеполитической деятельности. Представляется, что во многом эта реакция помогла британскому кабинету скорректировать свои дальнейшие внешнеполитические шаги.

Т. Ю. ГРИГОРЬЯНЦ, канд. ист. наук, научн. сотр. (ИСБ)

Решив для себя весной 1939 г. вопрос о войне с Польшей, Гитлер вплоть до начала октября не мог окончательно определить судьбу польского государства. Определенную роль в этом, по расчетам фашистских стратегов, должна была сыграть позиция советского руководства в отношении будущего Польши. До осени 1939 г. германские дипломаты в переговорах с СССР оперировали в основном понятием «остаточная» Польша («Reststaat»), предполагавшим сохранение в какой-то форме польской государственности. При этом нацистское руководство учитывало в «дипломатических играх» буквально малейшие нюансы в ответных «ходах» противоположной стороны. Так, Шуленбург, сообщая в Берлин о речи Сталина 10 марта 1939 г. на XVIII съезде партии, подчеркнул, что ирония и критика Сталина значительно острее обращена против Англии, чем против так называемых государств-агрессоров и, особенно, Германии. Важным этапом в зондаже позиций СССР и подготовки «плана Вайс»

(нападения на Польшу) явились для фашистской Германии начавшиеся 27 июля переговоры о заключении экономического соглашения с СССР, завершившиеся 19 августа его подписанием. В ходе их посланник Ю. Шнурре уже 27 июля заявил советскому поверенному в делах Г. Астахову и торгпреду в Берлине Е. Бабарину: «При всем различии нашего мировоззрения в идеологии Германии, Италии и Советского Союза есть одно общее — наше противостояние капиталистическим демократиям. Поэтому мне кажется удивительно парадоксальным, что Советский Союз как социалистическое государство хочет выступить исключительно на стороне западных демократий» (Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1915—1945. Aus dem Archiv des Deutschen Auswärtigen Amtes (далее — ADAP). Baden—Baden, 1956—1961. Ser. D, Bd. VI, S. 847). 10 августа Шнурре, выясняя позицию СССР в конфликте Германия — Польша, явно по указанию сверху, посулил «куда более весомые, чем английские» гарантии безопасности Советскому Союзу, заявил «об обеспечении гарантий советских интересов в Польше» и «о возможности советско-германского соглашения на этой основе» (Ibid., Bd. VII, S. 15). Договор 23 августа в определенной степени предопределил будущую политику нацистов на территории Польши и судьбу польской государственности, хотя в секретном протоколе формулировка этого сюжета и была недостаточно определенной: «Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого польского государства и каковы будут границы этого государства может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития». При этом Сталин, получив равные с Гитлером права решать вопрос об устройстве Польши, не вполне учитывал существенное обстоятельство: стратегические планы нацистского руководства по установлению «нового порядка» предусматривали в ближайшем будущем захват всей территории СССР.

Объявление Великобританией и Францией 3 сентября войны Германии заставило нацистское руководство «подстраховать» договоренность со Сталиным о разделе Польши. В тот же день Риббентроп официально призвал Советский Союз к военному вторжению в Польшу — к занятию своей зоны интересов. Сталин и Молотов заняли выжидательную позицию. 10 сентября в беседе с Шуленбургом Молотов говорил, что Красной Армии необходимо для подготовки похода на Польшу от двух до трех недель. Ввод советских войск 17 сентября в Польшу значительно уменьшил вероятность создания «остаточного» польского государства. В своей речи в Данциге 19 сентября Гитлер еще раз подтвердил, что «окончательная форма государственности» занятых польских областей зависит в первую очередь от Германии и России. 20 сентября Шуленбург сообщил в Берлин, что Сталин выступил решительно против создания «остаточного» польского государства, предпочел окончательный раздел Польши по линии Писа — Нарев — Висла — Сан и пожелал быстрее окончательного определения и оформления разграничения польских областей (Ibid., Bd. VIII, S. 82). 25 сентября Сталин (в ответ на просьбу Берлина уступить Виленскую область) предложил Германии Люблинское воеводство и восточную часть территории Варшавского воеводства в обмен на Литву, используя в качестве границы р. Буг. Это предложение было реализовано в договоре от 28 сентября. Таким образом решение вопроса о судьбе «остаточного» польского государства целиком предоставлялось Германии. 6 октября Гитлер заявил, что целью имперского правительства на «новых территориях» является также восстановление польского государства, которое будет гарантировать, что там не возникнет ни очага пожара против Германской империи, ни центра интриг против России и Германии. Однако спустя неделю в Польше была установлена германская гражданская администрация, перечеркнувшая идею «государственности».

И. И. КОСТЮШКО, д-р ист. наук, ведущий науч. сотр.-консультант (ИСБ)

Существует мнение, что вторая мировая война была порождена межимпериалистическими противоречиями. Вначале она имела империалисти-

ческий характер; с участием в ней Советского Союза ее характер изменился. Следует квалифицировать как предпосылку войны, быть может, важнейшую, противоречие между капиталистической и социалистической системами.

С приходом Гитлера к власти ярко проявились захватнические устремления Германии в отношении как западных держав, так и Советского Союза. Западные державы видели в Германии своего противника, но несмотря на это, едва ли по недомыслию, так или иначе содействовали ее укреплению (аншлюс Австрии, ликвидация Чехословакии и т. д.), поощряли экспансию на восток. Такая экспансия, по их расчетам, должна была привести к столкновению Германии с СССР, ликвидации социалистической системы, к возможному ослаблению противника или уменьшению его претензий. С этой целью, хотя ситуация несколько изменилась, они, по-существу, пожертвовали и Польшей.

В. М. КУЛИШ.

Складывается впечатление, что мы не боялись войны. Более того, что она нам нужна была с точки зрения разжигания революции в Европе. Идея мировой революции проходит через многие документы Коминтерна.

С. З. СЛУЧ, ст. научн. сотр. (ИНИОН)

Прежде всего некоторые соображения по поднятым дискуссионным вопросам. Я далек от мысли трактовать происшедшие на Даунинг-стрит перемены в духе концепции «радикального поворота» во внешней политике Великобритании после исчезновения Чехословацкого государства с политической карты Европы. Приоритетным в тот период для британской внешней политики было стремление во что бы то ни стало остаться вне надвигавшейся войны, и при этом как можно дольше (что позволило бы увеличить военную мощь страны для предстоящей схватки с державами фашистского блока). Предоставление «необеспеченных гарантий» Польше (столь очевидное для всего мира), на мой взгляд, серьезный аргумент в пользу версии о стремлении Чемберлена подчеркнуть взаимозависимость политики Варшавы и Лондона, создать состояние неуверенности в Берлине относительно ближайших намерений западных держав, исключить возможность нового польско-германского соглашения и, наконец, переклЮчить германскую агрессию с запада на восток. Однако в 1939 г. Чемберлен, как и Сталин, допустил грубый просчет, игнорируя глубокий смысл предложенной М. М. Литвиновым формулы о «неделимости мира» и стремясь обеспечить мир исключительно для Западной Европы. Развитие событий после 31 марта так или иначе свидетельствует о серьезном воздействии этого шага главы британского кабинета в купе с предшествующей ему позицией польского правительства на внешнеполитические решения Гитлера. В августе 1939 г. последний убедил командование вермахта в реально существующей «связке» Польша—Запад, в которой Варшава, по его мнению, представляла собой слабое звено. Действия Чемберлена объективно дали Гитлеру как бы последний толчок для принятия решения о разгроме Польши — повороте агрессии с запада на восток.

Думаю, что утверждения о нараставшей в 1939 г. международной изоляции СССР требуют корректировки. Изоляция СССР достигла своего пика именно в период Мюнхенской конференции, но после марта 1939 г. она вплоть до 23 августа объективно уменьшалась: вряд ли обоснованно говорить о возрастающей изоляции государства, к переговорам с которым стремятся с самых различных сторон.

Относительно упоминавшегося заявления Н. Шаронова в Варшаве и последовавшей затем встрече в Москве В. Гжибовского с В. М. Молотовым. Действительно, Шаронов сделал заявление по поводу того, почему Польша не получает от СССР то сырье и военные материалы, которые 27 августа ей были обещаны К. Е. Ворошиловым. 8 сентября Молотов

заявил Гжибовскому, что вмешательство Великобритании и Франции в войну создало совершенно новое положение, исключая возможность поставки военных материалов в Польшу, сообщил также о прекращении транзита их в Польшу через территорию СССР. Последнее являлось прямым нарушением статьи 2-й советско-польского договора о ненападении 1932 г. Еще более грубым нарушением этого договора явилось разрешение советским руководством использования радиостанции г. Минска в качестве радиомаяка германскими ВВС, выполнявшими боевые задания над территорией Польши.

Естественно, западные страны на переговорах с СССР в 1939 г. не могли пойти на предоставление ему «свободы рук» в Прибалтике, что означало бы гипертрофированное переиздание Мюнхенского договора, не мотивированное даже никакими этническими «зацепками». Но советское руководство в ходе переговоров и не ставило этот вопрос перед западными державами в столь откровенной форме, как это имело место на переговорах с Германией (раздел сфер влияния). Переговоры между СССР и западными державами натолкнулись на такое препятствие, как определение понятия «косвенная агрессия». Для Сталина это был тот самый «троянский конь», с помощью которого он пытался открыть дорогу в Прибалтику, прикрываясь необходимостью обеспечения «государственных задач в районах западных границ» СССР, на что, как известно, Запад не пошел.

В проекте договора о ненападении, представленном советской стороной германским дипломатам 19 августа, содержалась приписка: «Настоящий договор вступает в силу только в случае одновременного подписания специального протокола по внешнеполитическим вопросам, представляющим интерес для высоких договаривающихся сторон» (ADAP, ser. D, Bd. VII, S. 126). Это и был тот секретный протокол, существование которого до сих пор отрицается официальными инстанциями в СССР. Попытки некоторых историков противопоставить договор о ненападении от 23 августа и договор «О дружбе и границе» от 28 сентября (первый — «хороший», второй — «нехороший») — безосновательны и несерьезны. Все основные компоненты самого настоящего договора между Сталиным и Гитлером содержались уже в договоре от 23 августа, причем не только в секретном приложении, но и в основной части. В тексте договора отсутствовала статья, которая предусматривала бы право денонсировать договор в случае, если бы одна из договаривающихся сторон предприняла агрессию против третьего государства. Подобную статью в возглавляемом М. М. Литвиновым Наркоминделе традиционно считали «неизменной частью всякого пакта о ненападении». Отсутствие ее в договоре от 23 августа автоматически превращало его в соглашение с неограниченным нейтралитетом его участников. В результате Гитлер не только обезопасил Германию с востока от любых неожиданностей вне зависимости от развития международной обстановки, но при этом еще и заручился благожелательным нейтралитетом со стороны СССР, добившись от последнего „свободы рук“ в отношении третьих стран (большинства европейских государств), в том числе и в отношении тех, с которыми Советский Союз имел договоренности, исключавшие возможность подобного соглашения с нацистским агрессором. Таким образом, договор от 23 августа не только не ограничивал нацистскую агрессию, но всячески способствовал ее расширению. Наличие секретных приложений к договорам от 23 августа и 28 сентября подтверждается прежде всего конкретной политикой СССР в согласованных с «третьим рейхом» сферах влияния. Поэтому ставить под сомнение факт четвертого раздела Польши, осуществленный в результате советско-германских договоренностей, — означает входить в противоречие с исторической реальностью.

С точки зрения ревнителей стерильности советской внешней политики, Молотов, выступая 31 октября 1939 г. на V внеочередной сессии Верховного Совета СССР, сказал немало «лишнего», в частности, по отношению к Польше. По меньшей мере странно было бы утверждать, что заявления Председателя СНК не всегда могут рассматриваться в качестве аргумента для оценки политики Советского государства в тот или иной период. По-

смотрим, кстати, как освещала политику советского руководства германская сторона. 10 сентября германский посол в Москве Ф. фон Шуленбург доносил в Берлин: «Советское правительство намеревалось воспользоваться дальнейшим продвижением германских войск и заявить, что Польша разваливается на куски и вследствие этого Советский Союз должен прийти на помощь украинцам и белорусам, которым „угрожает“ Германия» (Ibid., Bd. VIII, S. 35). Однако под давлением германской стороны первоначальный текст ноты был изменен. 17 сентября Шуленбург так описывал заключительный этап согласований: «Сталин в присутствии Молотова и Ворошилова принял меня в 2 часа ночи и заявил, что Красная Армия пересечет советскую границу в 6 часов утра на всем протяжении от Полоцка до Каменец-Подольска... Сталин зачитал мне ноту, которая будет вручена уже этой ночью польскому послу и конец которой в течение дня будет разослан всем миссиям, а затем опубликован... Зачитанный мне проект содержал три пункта для нас неприемлемых. В ответ на мои возражения Сталин с предельной готовностью изменил текст так, что теперь нота вполне нас удовлетворяет». (Ibid., S. 62). Из ноты «выпало» всякое упоминание о германской угрозе украинцам и белорусам, проживающим на территории Польши; она как бы подразумевалась, вытекая из содержания этого документа. Однако опубликованное спустя два дня в «Правде» германо-советское коммюнике уже по иному высвечивало уровень сотрудничества между двумя государствами: «Во избежание всякого рода необоснованных слухов насчет задач советских и германских войск, действующих в Польше, правительство СССР и правительство Германии заявляют, что действия этих войск не преследуют какой-либо цели, идущей вразрез интересам Германии или Советского Союза и противоречащей духу и букве пакта о ненападении, заключенного между Германией и СССР. Задача этих войск, наоборот, состоит в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенные распадом польского государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования». Таким образом, на одну доску недвусмысленно поставлены действия вермахта и Красной Армии на территории Польши. В совместном протоколе, принятом по итогам состоявшихся в Москве 20 сентября секретных военных переговоров между советскими и германскими представителями, подтверждалась необходимость координации действий вооруженных сил обоих государств при занятии ими согласованных ранее сфер влияния на территории Польши. Вермахт брал на себя обязательство принять «необходимые меры» для воспрепятствования «возможных провокаций и актов саботажа со стороны польских банд и тому подобных» в передаваемых Красной Армией городах и деревнях. Командование Красной Армии обязывалось в случае необходимости выделить «силы для уничтожения частей польских войск или банд» на направлениях отвода германских войск в оккупируемую ими зону. Этот документ с советской стороны подписали нарком обороны Ворошилов и начальник Генштаба Б. М. Шапошников. (Цит. по: *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd. 4. Stuttgart, 1983, S. 84). Своего рода апогеем военного сотрудничества советских и германских войск в период польской кампании явился их совместный парад в Брест-Литовске 22 сентября 1939 г., который с германской стороны принимал генерал Гудериан, а с советской — комбриг Кривошеин.

Поскольку речь идет о сталинском руководстве, то альтернативы советско-германскому договору о ненападении не было. Объективно же, исходя из национально-государственных интересов Советского Союза, — альтернатива была. Причем, она могла быть связана как с достижением соглашения с западными державами, так и с сохранением «свободы рук» до определенного периода (этот вариант практически никогда не рассматривается). Научая разработку альтернативного развития советской внешней политики в 1939—1940 гг. позволила бы четко разграничить национально-государственные интересы СССР и интересы сталинского руководства.

Остановлюсь на некоторых поднятых здесь вопросах. Первое. Мне кажется, категория «вины», употребляемая А. И. Недорезовым для характеристики позиций тех или иных стран, в частности западных держав или Польши, вряд ли плодотворна с точки зрения понимания причинно-следственных связей исторического процесса, реальных интересов, лежавших в основе внешней политики. Ведь если идти по цепочке «кто в чем виноват», то ретроспективно она границ не имеет. Допустим, как выяснить «вину» в советско-польских отношениях, где были и поход на Варшаву в 1920 г., и на Киев в 1919 г., а корни неотделимы от всей предшествовавшей истории русско-польских отношений? Идти по этому пути — значит, по-моему, опять сбиваться на пропаганду, которая много лет подменяла историю.

Второе — о тезисе И. И. Костюшко, что все определяло противостояние двух систем. Но ведь это самая общая постановка. А каково ее конкретное преломление в истории? Двух систем — значит двух политик? Но тогда давайте зададим вопрос: а была ли на протяжении всего периода между двумя мировыми войнами внешняя политика одной системы, т. е. Советского государства, всегда одной и той же? Или на разных этапах это были разные политики, с разными целями? Разве можно целиком оторвать внешнюю политику от тех процессов социальной дезориентации, деформации социализма, которые имели место внутри страны? Необходимо ведь поставить вопрос о том, чьи интересы выражала внешняя политика СССР в конце 30-х годов. Социалистической системы, социалистического государства? Или правящей группы, которая олицетворяла собой это государство, но действовала вразрез с идеалами социализма? Без ответа на эти вопросы, тезис о противоречиях между двумя системами лишается реального социального наполнения, превращается в абстракцию.

Третье — по вопросу об «антикоминтерновском пакте» могу сказать: те, кто с советской стороны подписывал договор 23 августа, видимо, рассчитывали, помимо прочего, таким образом разбить пакт. 25 и 26 августа возник правительственный кризис в Японии и кабинет ушел в отставку, поскольку японское правительство заявило Германии протест против заключения ею договора с СССР. Дальнейшее развитие событий показало, что если были расчеты на развал пакта, они оказались неосновательны.

Наконец, об основном. Здесь уже говорилось о выступлении Сталина на XVIII съезде партии, где содержалась довольно хитрая формула, представлявшая собой, по сути, сигнал немцам о готовности к возможному изменению враждебных до того времени отношений с Германией. В дальнейшем последовала, хотя и постепенно разрывавшаяся, в сущности, классическая «игра на двух столах»: с одной стороны — то прерываемые, то возобновляемые переговоры с Великобританией и Францией, с другой — с Германией, носившие поначалу как бы экономический характер. По своей сути — это классическая политика буржуазной дипломатии, обслуживавшая интересы того правящего слоя, который выступал от имени социалистического государства. На IV внеочередной сессии Верховного Совета СССР 31 августа 1939 г. Молотов отдал должное обоим сторонам: и гениальному Сталину, осуществившему такой замечательный ход на XVIII съезде партии, и сообразительному немецкому руководству, должным образом оценившему этот шаг. Конечный результат — договор от 23 августа, ратификация которого производится как раз накануне 1 сентября. В своем сообщении от правительства СССР 31 августа Молотов говорил: «Различие в мировоззрениях и в политических системах не должно и не может быть препятствием для установления хороших политических отношений между обоими государствами, как подобное же различие не препятствует хорошим политическим отношениям СССР с другими несоветскими, капиталистическими странами. Только враги Германии и СССР могут стремиться к созданию и раздуванию вражды между народами этих стран. Мы стояли и стоим за дружбу народов СССР и Германии, за развитие и расцвет дружбы между народами Советского Союза и герман-

ским народом. (Бурные продолжительные аплодисменты)» (Известия, 1939, 1 IX). Таким образом, в речи при ратификации договора глава правительства и народный комиссар иностранных дел провозглашает положение о «дружбе» народов СССР и народа Германии, в которой правит возглавляемая Гитлером национал-социалистская партия. Так закладывается перспектива Договора о дружбе и границе между СССР и Германией от 28 сентября 1939 г. В конце своего выступления Молотов заявил, что в результате договора «поле возможных военных столкновений в Европе суживается. Если даже не удастся избежать военных столкновений в Европе, масштаб этих военных действий будет ограничен. Недовольными таким положением дел могут быть только поджигатели всеобщей войны в Европе, те, кто под маской миролюбия хотят зажечь всеевропейский военный пожар» (Там же). Это говорится в адрес противостоящей Германии англо-французской коалиции и этим определяется полная солидарность с тем, что произойдет на следующий день, фактически провозглашается альянс между Советским Союзом и Германией.

В. Г. СИРОТКИН, д-р ист. наук, профессор (Дипломатическая Академия МИД СССР)

Рекомендую посмотреть документальный фильм В. Познера «Свидетель» — запечатлевший беседу с переводчиком В. М. Молотова в ноябре 1940 г. в Берлине В. Бережковым. В этом фильме, в частности говорится и о таком факте: в обмен на присоединение СССР к «антикоминтерновскому пакту» Сталину предлагалось объявить войну «плутократам» (Великобритании, Франции, США) и за это, в дополнение к Западной Украине, Западной Белоруссии, Прибалтике и Бессарабии получить военно-морские базы в Черноморском проливе, в Персидском заливе, «сферу влияния» в Индии и т. д. И Молотов согласился, но Гитлер, подчинив к началу 1941 г. всю Европу, передумал.

Здесь важен принцип подхода к «белым (темным) пятнам» нашей истории. Во внутренней политике — сегодня полный разрыв со сталинизмом. А во внешней — по-прежнему континуитет, от мирного сосуществования Ленина к «За Родину! За Сталина!» в 1934—1941 гг. Отсюда — попытки обелить внешнюю политику Сталина в 1938 — мае 1941 гг. Не лучше ли, как и во внутренней политике, раз и навсегда отмежеваться от Сталина и в политике внешней, что уже и сделали дипломаты (см. доклад Э. А. Шеварднадзе на научно-практической конференции МИД СССР в июле 1988 г., опубликованный в журнале «Международная жизнь», 1988, № 9), а вот наши идеологи и некоторые ученые все еще стоят на позициях 40-летней давности, по сути перепевая имперский лозунг справки «Фальсификаторы истории»: «Права или не права, но это моя страна!» Полагаю, что дискуссия о соглашениях 1939 г. между Сталиным и Гитлером должна вестись не по тупиковому пути — найдем или не найдем оригинал документа, а по пути анализа причин и условий, в которых стал возможен беспрецедентный сговор Сталина с Гитлером.

Многое здесь помогут понять опубликованные документы Коминтерна (а их и сегодня историки игнорируют, ибо это ... «не внешняя политика СССР»). С 1927 г. Сталин начал нагнетать синдром военного нападения на СССР как психологическую установку для ликвидации нэпа, укрепления власти аппаратчиков и своей лично. VI конгресс Коминтерна в 1928 г. выдвинул тезис о новом туре войн и мировых пролетарских революций, о «двойном» капиталистическом окружении — внешнем и внутреннем (вредители, кулаки, спецы). X пленум ИККИ (доклад Молотова, 1929 г.) объявил правых и левых социал-демократов социал-фашистами и предложил считать экономический кризис 1929—1933 гг. ... началом «второй мировой революции». Но сначала надо было довершить эту «вторую революцию» в СССР — ликвидировать кулака как класс (а под видом этого и наиболее трудоспособную часть крестьянства), разгромить нэповскую беспартийную интеллигенцию и т. д., что и было сделано.

XI пленум ИККИ (1931) уже назначил «срок» военного нападения —

нет, не Германии, а... Франции и Великобритании на СССР, причем основным для этого утверждения (доклад М. Кашена) послужили судебные протоколы по делу «Промпартии» в 1930 г.: подсудимые были якобы связаны с французским генеральным штабом. Как известно из недавней публикации в журнале «Огонек», «Промпартия» была выдумана профессором Рамзиным в результате его стовора с ОГПУ и лично Сталиным.

Тем не менее утверждения о скором нападении Франции и Великобритании в 1931 г. на СССР из протоколов процесса «Промпартии» кочуют вот уже более 50 лет из одного нашего учебника по внешней политике в другой (см. История внешней политики СССР, т. I, 1917—1945. Под ред. А. А. Громько и Б. Н. Пономарева. Изд. 5-е, переработанное и дополненное. М., 1986, с. 255).

«Правда» в недавней статье к 70-летию Коминтерна в марте 1989 г. (И. Ф. Фирсов и др.) сообщила, что Г. В. Чичерин еще в 1929 г. призывал Сталина не путать интересы его борьбы в партии за власть с реальной международной обстановкой, а мы ищем «оригиналы» документов о нападении Франции и Великобритании.

Уверен, что Сталин ничего не понимал ни в дипломатии, ни в международных делах, но ловко использовал синдром «осажденной крепости» для борьбы за власть и весьма в этом преуспел. Вместе с Коминтерном сталинсты проморгали приход фашистов к власти, а когда Гитлер растоптал Версальский договор, тут уж было не до журу — возобладали принципы: «спасайся, кто может и как может!» Запад спасался при помощи Мюнхена № 1 (1938), Сталин — Мюнхена № 2 (1939), и обе стороны проиграла: Гитлер обманул и Чемберлена с Даладьё и Сталина.

Нельзя во имя ложно понятого государственного престижа обелять Сталина: надо раз и навсегда от него и от его внешней политики отмежеваться, как сделали ГДР и ФРГ в отношении внешней политики Гитлера. Давно пора отделить Сталина и его группу от всей остальной страны. Думаю, что следует восстановить и оценки так называемых троцкистов (Х. Г. Раковский, В. Коссиор, Н. Муралов и др.) за 1929 г., когда они из ссылки направили в президиум XI съезда партии (1930) декларацию, где квалифицировали внутреннюю и внешнюю политику сталинской группы как головотяпскую, безграмотную и абсолютно некомпетентную (см. также письмо Раковского за 1930 г. «На съезде и в стране», опубликованное в «Неделе» в мае 1989 г.).

А. И. ПУШКАШ, д-р ист. наук, ведущий научн. сотр. (ИСБ)

Прежде всего остановлюсь на выступлении Сталина на XVIII съезде партии по вопросу о Закарпатской Украине. Действительно, такое представление в дипломатии Советского Союза присутствовало примерно с осени 1938 г. Протицирую запись беседы венгерского посланника в Москве М. Юнгерта-Арноти с Потемкиным: «Что касается Закарпатья, то Потемкин знает, что Гитлер против присоединения этой территории к Венгрии, ибо он хочет создать там нацистский центр в интересах своих восточных планов, в частности против Польши. Он хочет будоражить соседних Закарпатья галицких украинцев, чтобы было легче осуществить свои планы в отношении требований к Польше» (Orszgos Levantar, FT, № 36202). Известно, что в январе 1939 г. этот вопрос для Гитлера был решен: Закарпатскую Украину он пообещал Венгрии за совместные с Германией действия.

Небольшой штрих к сюжету о договоре 23 августа. 9 сентября Риббентроп позвонил на квартиру министра иностранных дел Венгрии К. Кани (отдыхавшего в Германии в июле — августе 1939 г.) и поинтересовался отношением венгерского правительства к его просьбе. Как выяснилось позже, просьба заключалась в следующем: Венгрия должна была разрешить пропуск немецких войск через территорию Закарпатской Украины в Восточную Галицию для удара в тыл отступающим польским войскам. Однако решение Коронного Совета, созданного Хорти, было не в пользу Германии. Необходимо пояснить, что Хорти был в хороших

отношениях с поляками и 30 августа даже информировал польского посланника в Будапеште о предстоящем нападении Германии, он обещал также, что Венгрия не предпримет со своей стороны в отношении Польши никаких предосудительных шагов. Более того, 10 сентября Венгрия уже принимала польских беженцев именно через те перевалы, прохода через которые требовала для себя Германия. В связи с этим, мне кажется, что вопрос о развитии отношений между Советским Союзом и Германией между 1 и 17 сентября требует более тщательного и углубленного изучения. Возможно, тогда мы узнаем и причины, побудившие Германию спешить с захватом упомянутой территории.

Н. Д. СМЕРНОВА

На мой взгляд, неверно утверждение, что политика Великобритании в отношении Италии в 1939 г. была направлена на то, чтобы вытащить Италию из «оси». Как оправдание политики соглашательства этот тезис выдвигался. На самом деле никакой отрыв после 1936 г. был невозможен. Эфиопия, испанская война и заключение «оси» Берлин — Рим сделали процесс необратимым. Тогда же произошла сдача позиций в связи с аншлюсом. Итальянцы же пытались спекулировать на этом. Заигрывание с западом использовалось в качестве давления на Германию. Муссолини и Чиано опасались, что в определенной ситуации Германия может предпочесть Италии Великобританию. Кроме того, у итальянских политиков наблюдался своеобразный комплекс неполноценности, а отсюда стремление доказать своему более сильному и удачливому сопернику, что и они что-то значат.

В 1939 г. все, кроме Гитлера, стремились повторить Мюнхен. Такой вариант не исключался. Но вот что сказал Гитлер о своих планах, выступая 22 августа перед руководством вермахта: «Решение сначала выступить против Запада, а только потом против Востока было принято еще весной..., я боюсь лишь того, что в последний момент какая-нибудь свинья подсунет мне свое предложение о посредничестве» (В. И. Дашичев. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. I. М., 1973, с. 348). Такой персонаж возник: им оказался Муссолини, который повел переговоры с англичанами ради нового Мюнхена. 1 сентября, как известно, началась война.

В. К. ВОЛКОВ

Я не разделяю мнение о том, что советско-германский договор от 23 августа был «Мюнхен № 2». Эти явления очень разные, хотя причинно-следственная связь между ними присутствует: без Мюнхена не могло быть договора. Говоря о договоре, важно разобраться в следующем: во-первых — вскрыть причины, которые побудили к такому широкомасштабному маневру, завершившемуся заключением договора; во-вторых — в самой форме этого соглашения и последующем его воплощении в жизнь. В генезисе советско-германского договора сплелись и внутривнутриполитические, и внешнеполитические причины. Из внутривнутриполитических причин следует назвать в первую очередь складывание командно-административной системы, которая деформировала социалистический строй и оказала огромное влияние на внешнюю политику Советского Союза. В период становления единовластия Сталина внешняя политика окончательно превратилась в домен очень узкой группы политических деятелей, группы, у которой имелись также и свои собственные интересы, не остававшиеся к тому же неизменными. Это, по-видимому, самая сложная для изучения проблема, которую мы сегодня, в силу объективных причин, только обозначаем. Во-вторых, те эксцессы, которые произошли в Советском Союзе (методы коллективизации, массовый террор — от первых показательных процессов до безумных репрессий 1937—1938 гг.), привели к резкому падению международного престижа СССР, подрыву веры в его политическую стабильность и военную

силу, нараставшей в конце 30-х годов его международной изоляции. Эта изоляция стала заметной в период гражданской войны в Испании. Для Советского Союза, принявшего активное участие в связанных с нею событиях, она обернулась размыванием его международных позиций, в частности — выхолащиванием союзных договоров с Францией и Чехословакией. Этот региональный конфликт внес свою лепту в складывание «политики невмешательства». Что я имею в виду под конкретными проявлениями изоляции СССР? В период Мюнхена она стала очевидной. И хотя с СССР другие страны поддерживали дипломатические отношения и вели переговоры, последние не дали результатов. Есть такое понятие как союзоспособность, введенное в практику исследовательской работы теорией международных отношений. Этот термин обозначает привлекательность той или иной страны в качестве союзника для других государств, их готовность вступать с нею в договорные отношения, что отражает их доверие к ее внешнеполитическим целям, готовность связать с ее судьбой свою собственную судьбу и безопасность. По всем этим параметрам союзоспособность нашей страны к концу 30-х годов была близка к нулю. И это сказалось в период предвоенного политического кризиса в Европе. Переговоры с СССР были для западных держав средством перестраховки, преследовали цель сорвать возможность советско-германского сближения.

Теоретически возможность такого сближения всегда учитывалась в правящих кругах Запада. Обсуждалась она и руководством стран Центральной и Юго-Восточной Европы (в частности, весной 1939 г. турецкой дипломатией в ходе контактов с Польшей). Однако в возможность такого поворота летом 1939 г. мало верили. Доминирующим было нежелание идти на сотрудничество с СССР, что особенно ярко проявлялось в позиции Польши и Румынии. Советская сторона отдавала себе отчет в сложившейся ситуации, хотя и по-своему трактовала ее причины. У Сталина все более росло убеждение, что эти переговоры велись западными державами только для того, чтобы связать руки советской дипломатии и лишить ее возможности маневра. К тому же реальная оценка возможностей СССР должна была привести его к выводу, что страна не готова к большой войне. Поиски выхода из создавшегося положения приводили к выводу, что возможность даже плохого сближения с Германией сулила гораздо больше, чем перспектива сотрудничества с западными державами. Отсюда рождались идеи альтернативного курса: любое соглашение с Германией сразу выводило страну на позиции нейтралитета в условиях нараставшей возможности военного столкновения между западными державами и Германией. Предполагалось, что это будет длительный конфликт. Поэтому, когда мы говорим о возможности большого политического маневра, то, принимая во внимание состояние наших внутренних дел, особенности сталинской политической элиты и образ ее мышления, необходимо признать, что никакой другой реальной альтернативы для Советского Союза не было.

Каковы же были формы реализации такой альтернативы? Прежде всего надо учитывать исключительно высокую степень информированности Сталина и его ближайшего окружения. Поступавшая достоверная информация говорила о нежелании западных держав идти на сотрудничество с СССР, о готовности гитлеровцев к столкновению с западными державами и подготовке агрессии против Польши. Огромную роль играли страхи оказаться перед лицом нового сговора западных держав и фашистских государств («новый Мюнхен» за счет Польши).

Первые зондажи в отношениях между СССР и Германией начались весной 1939 г., шли они параллельно переговорам СССР с западными державами. Контакткам с СССР германская сторона довольно быстро придала форму диничного торга. Особенно отличался в этом плане германский дипломат Шнурре, о позиции которого уже говорилось.

Характерная деталь: чем больше западные державы становились в позицию противостояния Германии, тем больше ослабевала готовность Советского Союза идти на соглашение с ними. Такая тенденция подогревалась и кунштаторской тактикой английской и французской дипломатии.

Реальный сдвиг в контактах с СССР произошел где-то на рубеже июня — июля 1939 г.

Другая характерная особенность того времени: каждая из трех заинтересованных сторон была достаточно полно и достоверно информирована о состоянии дел на двух других сторонах треугольника. Так, о советско-германских переговорах английская разведслужба знала вполне достаточно уже в середине июля 1939 г. (см. мемуары руководителя чехословацкой разведки в эмиграции генерала Моравца).

Но было и другое: цейтнот, в обстановке которого оформлялось советско-германское соглашение. Оно носило на себе неизгладимые черты импровизации, усугублявшиеся тем, что соглашение готовилось с советской стороны людьми, которые не были профессионалами в области внешней политики. Отсюда масса грубых ошибок и просто противоправных формулировок вследствие их незнакомства с нормами международного права. И хотя многие документы о действиях советской стороны отсутствуют, уже сейчас ясно, что подготовка заключения советско-германского пакта велась очень узкой группой лиц. Помимо Сталина и Молотова прослеживается участие Ворошилова и, может быть, Буденного. Многие детали его подготовки вообще не документированы, а причастные к нему лица (например, Астахов и Мерекалов) вскоре были репрессированы.

Окончательное решение о заключении пакта с Германией, судя по имеющимся данным, было принято буквально в последний момент, а именно 19 августа 1939 г. Все последующие шаги делались в спешке: ряд косвенных данных свидетельствует, что многие предпринимаемые действия совершались без достаточной проработки, без серьезного взвешивания ожидаемых выгод и вероятных издержек. В самый последний момент, уже в ходе выработки текста документов и при их подписании (если судить по опубликованным германским материалам) наблюдалась эскалация ожиданий, причем в степени, близкой к утрате чувства реальности. Это «головокружение от успехов» еще более усилилось после заключения договора «О дружбе и границе» от 28 сентября 1939 г.

Последнее обстоятельство позволяет высказать сомнение в появившихся в нашей публицистике утверждениях, что договор о ненападении от 23 августа 1939 г. и договор «О дружбе и границе» от 28 сентября 1939 г. представляют собой единое целое, один «пакет» договорных обязательств. Несмотря на их хронологическую близость и даже переключку в содержании их секретных протоколов, между ними лежит целая эпоха, а заодно — решительная смена вех во внешнеполитическом мышлении и концепциях сталинского руководства.

Секретные дополнительные протоколы к пакту от 23 августа 1939 г. (хотя они и не обнаружены в советских архивах, у нас нет оснований считать их фальсификатом) носят на себе следы спешки и непродуманности в определении «зон интересов». За очевидными огрехами (что частично было следствием низкой компетентности лиц, ответственных за выработку принявшихся решений) скрывался не только импровизационный характер выработанных формул, но и значительная доля неясности относительно форм и методов осуществления достигнутых соглашений, неуверенность в развитии событий в ближайший период, в частности в позиции западных держав, а также недоверие к истинным намерениям Германии.

Напротив, к 28 сентября многие неизвестные величины были уже определены. За фактом частичного изменения «зоны интересов» (в германскую сферу отходили чисто польские области западнее линии Керзона, хотя последняя и не была упомянута, а в советскую — Литва, так что отныне она охватывала всю Прибалтику) скрывалось завершение первого этапа выработки новой внешнеполитической концепции. Она исходила из стремления не иметь внутри страны «польского вопроса», а также установить стратегический контроль над Прибалтикой, исключить здесь германское влияние. Характерно, что такое разграничение совпадало с границами России накануне первой мировой войны.

Заключение договора 28 сентября 1939 г. сопровождалось другими договоренностями. В секретных протоколах, приложенных к нему, говори-

лось, в частности, что ни одна из сторон не допустит на своей территории польской агитации, направленной против территории второй стороны.

В промежутке между двумя договорами лежали такие громадные события, как германское нападение на Польшу и объявление западными державами войны Германии, т. е. начало второй мировой войны, а также вступление Красной Армии на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. Обозначилась новая расстановка сил на мировой арене, при которой резко возросла враждебность западных держав к СССР, но одновременно была снята напряженность в отношениях между СССР и Германией. Анализ событий убеждает в том, что сталинское руководство восприняло произошедшие перемены односторонне, не заметило их преходящего характера, перенесло положения договора «о ненападении» на сферу идеологии (антифашистская пропаганда на два года сошла с повестки дня), а руководство Коминтерна, расценив войну как империалистическую с обеих сторон (т. е. уравнив западные державы с гитлеровской Германией), сосредоточило пропагандистские усилия на разоблачении политики Великобритании и Франции, на которых стала возлагаться ответственность за продолжение войны вследствие их отказа заключить мир с Германией.

В послесловии к материалам встречи с представителями польской интеллигенции в Варшаве 14 июля 1988 г. М. С. Горбачев расценил договор от 23 августа 1939 г. как «неизбежный», но в то же время резко осудил договор от 28 сентября 1939 г. Последний, вместе с заявлениями Молотова, связанными с этим договором, был охарактеризован как «политическая ошибка с тяжелыми последствиями» для СССР и для других стран, а также для коммунистического движения, как «прямое и вызывающее отступление от ленинизма, попрание ленинских принципов».

Мне кажется, что такая трактовка оправдана. В основе ее лежат, на мой взгляд, разграничение необходимости крупного внешнеполитического маневра и попытки остаться в стороне от конфликта, от конкретных форм и методов, которые были применены в практических шагах сталинского руководства. И дело не в существовании секретных протоколов к заключенным договорам (без разграничения «зон интересов» пакт о ненападении, например, терял всякий смысл и был бы непригоден как реальный инструмент внешней политики). На практике политика Сталина вышла далеко за рамки, очерченные этими договорами. Следует учитывать, что Советский Союз разбил ту экономическую блокаду, которая была организована западными державами вокруг Германии. Было положено начало сотрудничеству между службами безопасности обоих государств. Дело дошло до чудовищных фактов: выдачи в руки гестапо немецких антифашистов и коммунистов, арестованных в годы сталинского террора.

Неоднозначный подход к советско-германскому договору о ненападении проявился со стороны балканских государств. На практике только они реально ощутили такое его последствие, как колебания в отношениях между фашистскими Италией и Германией, временное ослабление для них угрозы со стороны Италии, агрессивности которой особенно опасались тогда Югославия и Греция, а также Турция. Это сказалось и на характере их нейтралитета, о котором они заявили после начала войны. Пожалуй, только одна румынская дипломатия расценила договор однозначно — как полное обесценивание гарантий, которые страна получила от Великобритании и Франции. В целом балканские страны подходили к нему с той точки зрения, что он облегчал их задачу остаться в стороне от начавшегося мирового конфликта. Их позиция прослеживалась в контактах балканских дипломатов с советскими. В частности, советский посол в Лондоне И. М. Майский подробно обсудил связанные с договором проблемы с югославским поверенным в делах В. Милановичем. Уже в начале сентября 1939 г. Майский развивал ту аргументацию, которая впоследствии легла в историческую справку «Фальсификаторы истории». Не поступившись против истины, он заверил югославского собеседника, что никакого дележа сфер влияния на Балканах (о чем тогда писала западная пресса) между СССР и Германией не было. Такая информация имела значительную ценность для ориентации югославского правительства.

В Болгарии большинство политических течений (кроме крайних антисоветских сил) весьма позитивно откликнулись на заключение пакта. Его политическое воздействие выразилось в заметном падении британского, а равно и французского влияния на болгарскую политику. По этому поводу имеется свидетельство посла Великобритании в Софии Дж. Ренделя, болезненно реагировавшего на это обстоятельство.

Особого рассмотрения заслуживает позиция Турции. Известно, что Советский Союз еще в мае 1939 г. дал согласие на заключение англо-франко-турецкого политического договора. В сентябре, накануне заключения этого договора, министр иностранных дел Турции Ш. Сараджоглу приехал в Москву. 26 сентября 1939 г. состоялась его первая встреча с Молотовым. Но в связи с приездом Риббентропа в Москву их переговоры прервались на два дня. Когда они возобновились 30 сентября, в них участвовал лично Сталин. Он предложил турецкому министру заключить широкий политический договор, который в условиях существования пакта о ненападении с Германией становился известной альтернативой англо-франко-турецкому договору. Во-вторых, Сталин предложил заключить новую конвенцию о режиме проливов (хотя бы на время войны), что было сразу же отклонено турецким министром. Трудно сказать, рассчитывала ли советская сторона на принятие таких предложений Турцией или, может быть, это было формой зондажа турецких намерений. В пользу последнего предположения говорит тот факт, что советская сторона в соответствии со сложившейся ранее практикой советско-турецких отношений высказала одновременно пожелание: если Турция будет заключать англо-франко-турецкий договор, то она должна сделать так называемую «советскую оговорку», смысл которой сводился к тому, что этот договор не вступает в силу, если он может привести к столкновению Турции с Советским Союзом.

С временной дистанции в 50 лет советская позиция представляется чрезмерно усложненной, временами нелогичной и рассчитанной на достижение нестыкующихся целей. Только этим можно объяснить, например, тот факт, что Советский Союз в свое предложение о союзе с Турцией включал так называемую «германскую оговорку». Дело заключалось в том, что переговоры Советского Союза с Турцией привлекли особое внимание германской дипломатии, и Риббентроп во время пребывания в Москве в конце сентября 1939 г. поднимал этот вопрос в беседах с Молотовым и Сталиным. Поэтому Советский Союз и занял такую несколько своеобразную позицию. Дипломатическая игра сводилась к тому, что СССР не собирался выполнять роли «загонщика» Турции в германские воды. Советско-турецкие переговоры, протянувшись несколько недель, закончились ничем. Но Советский Союз дал согласие на заключение англо-франко-турецкого договора, который и был подписан 19 октября 1939 г. В целом такая игра не принесла какой-либо пользы советской дипломатии. Начавшийся же в конце ноября 1939 г. советско-финский конфликт нанес серьезный ущерб советским позициям на Балканах.

В. М. КУЛИШ

Когда историк оценивает решение, принятое тем или иным правительством, руководителем страны он зачастую не имеет достаточно четкого представления о восприятии этим лицом или группой лиц действительного положения дел. Еще в марте 1924 г. М. В. Фрунзе говорил, что нашим главным аргументом, определяющим наши дипломатические успехи, является Красная Армия. В начале 1930-х годов Сталин, Ворошилов и другие руководители страны были уверены, что мы сильны в военном отношении. После репрессий 1937—1938 гг. Ворошилов заявил, что «репрессировав, уничтожив этих мерзавцев, мы укрепили нашу оборону. Мы отсрочили возможность войны, предупредили ее» (Архив Генерального штаба, оп. 796, д. 74, л. 497). И эта уверенность была у нашего руководства до войны с Финляндией. Только после нее Сталин увидел нашу слабость. Но ее увидел и Гитлер и использовал, чтобы скорее напасть на нас. После

падения Франции Сталин был в шоке. Почувствовав, насколько мы слабы, он просто лебезил перед Гитлером, чтобы не спровоцировать его нападение. Об этом определенно высказывался Василевский, говорит в мемуарах Жуков. Этот момент при оценке возможностей нашей внешней политики мы обязаны в должной степени учитывать.

Г. М. СЛАВИН, канд. ист. наук, ст. научн. сотр. (ИСБ)

Следует сказать и о том, как отнеслись к договору от 23 августа компартия Югославии (КПЮ) и ее руководство. Подобно другим партиям, входившим в Коминтерн КПЮ одобрила этот шаг советского правительства. На этот счет есть свидетельство генерального секретаря ЦК КПЮ И. Б. Тито, прибывшего из Франции в СССР 2 сентября 1939 г. В Коминтерне Тито получил задание от члена Секретариата ИККИ В. Пика написать отчет о политическом положении в стране, о деятельности КПЮ и ее задачах в новой ситуации, возникшей в связи с началом второй мировой войны. Как позднее утверждал Тито, положение было деликатным, щекотливым, поскольку возникал вопрос и о политике Коминтерна в Югославии с учетом заключенного СССР договора с Германией. С одной стороны, речь шла о развязывании новой войны, с другой — о наличии договора между социалистическим и фашистским государствами. По словам Тито, это у многих вызвало замешательство. Он сообщает, что тогда секретарь Президиума ИККИ Д. З. Мануильский собрал группу представителей компартий и дал им задание: каждому написать для своей страны воззвание с учетом сложившейся обстановки, определить в нем главные направления деятельности партии. В марте 1977 г. Тито отмечал в лекции для слушателей Политической школы в Кумровце, что для него принципы решения поставленной Мануильским задачи были тогда достаточно ясными. Он считал, что Гитлер с помощью договора хотел нейтрализовать СССР на время предстоявшего завоевания Европы, Советский Союз надеялся обеспечить себе мир на длительный период. Тито полагал, что все это не должно существенно повлиять на политику компартий и исходил, по его словам, из того, что фашизм продолжал представлять главную опасность для прогрессивного человечества.

Когда на следующий день представители компартий пришли к Мануильскому, то оказалось, что лишь у одного Тито был готов текст воззвания (другие набросали тезисы или ничего не написали): никто не знал, как сформулировать текст, касающийся заключения советско-германского договора. Мануильский одобрил подготовленное Тито воззвание. Тито считал, что коммунисты не должны сейчас упоминать в своих воззваниях СССР. Это им говорил и Мануильский, подчеркивая: пишите об опасности для вашего народа и ведите подготовку на случай фашистского нападения; вы должны вести борьбу, а не заниматься теперь тем, что предпринял Советский Союз; договор является делом политики и тактики.

Сообщая обо всем этом своим слушателям, Тито особо отмечал, что тогда в Коминтерне не требовалось, чтобы все партии неукоснительно проводили политику, учитывавшую договор между СССР и Германией. По словам Тито, для него это являлось наилучшим показателем того, что у Советского Союза были причины заключить такой договор, чтобы на длительное время отодвинуть грозившую ему опасность. Однако, отмечал Тито, позднее выяснилось, что это было иллюзией.

Руководство КПЮ в первые месяцы войны оценивало ее как империалистическую с обеих сторон. Политика КПЮ была направлена на то, чтобы не допустить присоединения Югославии ни к одному из блоков воюющих держав. Партия призывала трудящихся города и деревни, все народы Югославии добиваться установления дипломатических отношений с СССР, подчеркивала, что только союз с ним и опора на него могут обеспечить Югославии мир.

Определяя стержневое противоречие советской внешней политики последних предвоенных лет, В. К. Волков сказал, что государственные интересы СССР требовали остаться в стороне от конфликта, в то время как Коминтерн стоял на позиции борьбы против фашизма, т. е. выражал несколько другой интерес. Думаю, что здесь в наши рассуждения вкрадывается не только терминологическая, но и смысловая неточность. Национально-государственные интересы СССР, как и любой другой страны, — это по своему содержанию совокупность направленных в сферу межгосударственных отношений потребностей развития; это обусловленное всей данной совокупностью потребностей Советского Союза объективное отношение правящего рабочего класса к соответствующим международным условиям жизнедеятельности социалистического государства и всего общества. Национально-государственные интересы представляют собой весьма сложный комплекс интересов: интернациональных и национально-специфических, политических и экономических, долговременных и текущих, общенародных и групповых, в том числе элитарных, и т. д. Разумеется, если налицо узурпация классового господства партийно-государственным аппаратом, — а в предвоенном Советском Союзе так оно, несомненно, и было, — то вся иерархия интересов на общегосударственном уровне смещается в сторону резкого повышения удельного веса элитарно-групповых интересов правящего слоя парт- и госаппаратчиков в ущерб общенародным, подлинно национальным интересам. Таким образом, национально-государственные интересы предвоенного Советского Союза — это не та же самая категория, что интересы бесконтрольно правившей в то время в нашей стране сталинской группы большевистских перерожденцев и узурпаторов воли партийных масс, рабочего класса и всех трудящихся, воли многочисленных наций и народностей СССР, их суверенных прав. Не считаю, что действительные национально-государственные интересы Советского Союза требовали в тот период любой ценой «остаться в стороне от конфликта». А вот что касается интересов тогдашних кремлевских временщиков, вполне допускаю, что они заключались именно в этом.

После войны наша официальная история пыталась доказывать своему народу и всему человечеству, что-де Советскому Союзу удалось умело использовать советско-немецкий пакт в целях укрепления своей обороны, что ему удалось раздвинуть свои границы далеко на запад и преградить путь беспрепятственному продвижению немецкой агрессии на Восток. Если кому и удалось умело использовать советско-немецкий пакт, так это руководителям фашистской Германии, а не аппарату бездарной сталинской диктатуры. Что же касается раздвигания границ далеко на Запад, молотовской похвалы насчет территориальных, людских и прочих приобретений, включая военные трофеи в двухнедельной наступательной войне с буржуазной Польшей («финскую кампанию», в которой начавший первым военные действия Советский Союз просто опозорился на весь мир, Председатель СНК СССР в хвалебном тоне никогда не характеризовал), то не будет ли это яркой иллюстрацией полнейшего выхолащивания социально-классового, социалистического элемента из содержания советской внешней политики последних предвоенных лет? Одним словом, если бы социалистический элемент был определяющим в содержании предвоенных национально-государственных интересов СССР, то он требовал бы не оставаться во что бы то ни стало в стороне от конфликта, навязанного Европе и всему миру агрессивной фашистской политикой, а решительно встать в этом конфликте на сторону антифашистских сил, требовал бы не издеваться с глубокомысленностью идиотов над заявлением британского правительства, что целью войны против Германии является «уничтожение гитлеризма», а присоединиться к этому заявлению тогда же, в начале сентября 1939 г., а не два года спустя, когда нацистская военная машина якобы внезапно обрушила свою мощь на СССР с целью искоренения навечно советского коммунизма.

Каким образом можно было в тех условиях интенсифицировать борьбу против гитлеризма не пропагандистски, а на государственном уровне?

Ю. С. НОВОПАШИН

Позиция, что-де просто не было другого пути у руководства СССР, чем подписание договора о ненападении, бессмысленного и просто недействительного без секретного к нему протокола о разделе сфер влияния, прежде всего о разделе территории Польского государства, — это стремление тем или иным способом, но все-таки оправдать в конечном счете предвоенную политику сталинского руководства, политику недальновидную, беспринципную, если хотите, антисоциалистическую. Как тут не вспомнить строки Ф. Ф. Раскольникова из его Открытого письма Сталину от 17 августа 1939 г. «В грозный час военной опасности, — писал он, — когда острие фашизма направлено против Советского Союза, когда борьба за Данциг и война в Китае — лишь подготовка плацдарма для будущей интервенции против СССР, когда главный объект германо-японской агрессии — наша Родина, когда единственная возможность предотвращения войны — открытое вступление Союза Советов в Международный блок демократических государств, скорейшее заключение военного и политического союза с Англией и Францией, вы колеблетесь, выжидаете и качаетесь, как маятник между двумя осями» («Неделя», 1988, № 26, с. 7).

В этих провидческих словах, мне кажется, во многом ответ на заданный вопрос. Надо также сказать и о деятельности Коминтерна. Кое-что он мог бы сделать полезного для нашей внешней политики, если бы эта политика сама была полезной социализму, коммунистической идеологии, советскому народу, т. е. если бы она не порывала путем заигрывания с нацистами со своей революционной социально-классовой сутью. Но, будучи чрезвычайно ослабленным массовыми репрессиями советской охранки против коминтерновских кадров и полностью дезориентированным идеологически и политически беспрецедентным поворотом политики СССР к союзу и дружбе с нацистской Германией, в 1939 г. Коминтерн был уже совершенно не тот, что раньше: он оказался под полным контролем Сталина и органов НКВД, превратился, образно говоря, еще в один отдел этих охранно-репрессивных «органов», стоявших отнюдь не на страже интересов социального прогресса, мира и демократии, а исключительно на службе советской тоталитарной административно-командной системы — антипода социализма.

Е. К. ЖИГУНОВ, канд. ист. наук, ст. научн. сотр. (ИСБ)

Среди источников, отражающих сложности развития европейских событий весны — осени 1939 г., определенный интерес представляют статьи бывшего председателя Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкого — «Двойная звезда: Гитлер — Сталин» (декабрь 1939 г.) и «Сталин после Финляндского опыта» (март 1940 г.). Обе работы отличает всесторонний аналитический анализ политических, социально-экономических и нравственных (точнее — безнравственных) сторон созданных в Германии и СССР тоталитарных режимов, нелицеприятная, уничтожающая критика их вождей. Для Троцкого причина союза Сталина с Гитлером однозначна: Германия оказалась по оценке сталинского окружения сильнее своих западных противников. Переговоры с военными делегациями Великобритании и Франции послужили не только прикрытием переговоров с Гитлером, но и прямой военной разведкой — Генеральный штаб убедился в неподготовленности западных держав к мировой войне. Купить же благожелательность Германии можно было только путем содействия ее планам. Орбиты Гитлера и Сталина, утверждает Троцкий, связаны какой-то внутренней связью. И действительно: «Когда Гитлер молниеносно вторгается в Польшу с Запада, Сталин осторожно, крадучись, вступает

в Польшу с Востока. Когда Гитлер, задушив 23 миллиона поляков, предлагает прекратить „бесполезную войну“, Сталин через свою дипломатию и свой Коминтерн восхваляет преимущества мира. Когда Сталин занимает стратегические позиции в Прибалтике, Гитлер услужливо вывозит оттуда своих немцев. Когда Сталин наступает на Финляндию, печать Гитлера — единственная в мире — выражает Кремлю свою полную солидарность» (Л. Троцкий. Портреты. Нью-Йорк, 1984, с. 65).

Национал-социализм вырос на проповеди войны против Советского Союза и Сталин, естественно, не мог поверить Гитлеру «на честное слово». Переговоры между ними велись в «реалистических» тонах: Гитлер предложил гарантии и Сталин их взял. Полученные им выгоды, безусловно, были значительны: половина Польши (по числу населения — около трети), господство над восточным побережьем Балтийского моря, открытая дорога на Балканы и др. Однако окончательный счет в их «игре», заявляет Троцкий, еще не подведен: Германия начала борьбу мирового масштаба и выйдет из нее либо хозяином Европы и всех ее колоний, либо раздавленной (при участии Америки и западных держав). Обеспечить же свою восточную границу накануне такой войны было для Гитлера вопросом «жизни и смерти». И он сделал это, заплатив Сталину частями бывшей Российской империи. Насколько же дорога эта плата? Утверждать, что новая граница навсегда преградит Гитлеру путь на Восток — значит впадать в глубокое заблуждение. Германия решает свою задачу по этапам: в порядке дня стоит уничтожение Великобритании и ради достижения этой цели Гитлеру можно кое-чем поступиться. Дорога на Восток предполагает новую большую войну между Германией и СССР. Когда же очередь дойдет до нее, как бы подытоживает Троцкий, то вопрос о том, на какой черте начнется столкновение, будет иметь второстепенное значение.

Ф. Г. ЗУЕВ, д-р ист. наук, ведущий научн. сотр. (ИСБ)

Несколько слов по поводу польского сопротивления, именно — коммунистов и левых социалистов, после сентябрьской катастрофы. Польские коммунисты оказались в состоянии двойной изоляции: и перед гитлеровцами, оккупировавшими страну, и перед собственным народом. Возникла теория «двух врагов», в основе которой лежал аргумент, что Польша уничтожена совместно гитлеровской Германией и советскими войсками. Но среди польских коммунистов появилось стремление сгруппироваться, возникли первые организации. Обсуждались два центральных вопроса: о характере войны и о текущей деятельности коммунистов.

Касаясь характера войны, часть коммунистов считала, что необходимо руководствоваться в оценке войны оценками ИККИ. Другие в то же время считали, что характер войны должен в ближайшем будущем претерпеть изменения. Среди коммунистов существовало мнение, что договоры 1939 г. — конъюнктурное явление, что в конечном итоге между СССР и Германией неизбежна вооруженная схватка.

В текущей деятельности коммунисты считали необходимым вести подготовку к восстановлению партии. Однако в определении конкретных направлений этой работы они не были едины: одни считали, что необходимо вовлекаться в подпольную борьбу; другие допускали только возможность разведывательной деятельности, заявляя при этом, что пока существует договор между Германией и СССР, всякое выступление против немецких оккупантов может дать Германии повод для обвинений в адрес Советского Союза. В реализации курса на разведывательную деятельность было создано значительное количество ячеек, поставлявших информацию в Советский Союз. Многие коммунисты погибли при переходе границы с этой информацией, многие из приходивших на территорию СССР рассматривались соответствующими органами как провокаторы. В сложный и ответственный момент польские коммунисты не смогли выдвинуть никакой программы организации борьбы своего народа.

После оккупации страны Польская социалистическая партия (ППС) прекратила существование. Но возникла ППС — ВРН, стали группо-

ваться и не вошедшие в эту партию левые социалисты. Группировки создавались вокруг Барлицкого, Курловича, Гаевского, Дюбуа, Прухника. Одновременно польские социалисты стали вырабатывать программные положения социалистического движения и перспективы борьбы, разворачивали практическую деятельность, исходя в ней из положения (выдвинутого Прухником), что советский строй — это своеобразная форма государственного капитализма, при которой капиталистическая собственность экспроприрована, но государство выполняет роль крупнейшего капиталиста. Недоверие к Советскому Союзу обращалось у них и в недоверие к польским коммунистам. В то же время левые социалисты считали СССР тылом западноевропейского пролетариата в революционной борьбе, не сомневались, что антифашистская борьба в поработенной Европе неизбежно развернется, что разгром фашизма будет неизбежен.

В. В. МАРЬИНА

За ходом англо-франко-советских переговоров с большим вниманием следили не только в Чешских землях, но и в зарубежной чешской эмиграции, поскольку в случае их успешного завершения обозначались определенные перспективы и в решении чехословацкого вопроса. Авторитет СССР в чешском общественном мнении внутри страны в летние месяцы 1939 г. был весьма высок.

Заключение советско-германского договора 23 августа вызвало в чешском общественном мнении шоковое состояние (более — своей неожиданностью). Однако уже в сентябре — ноябре 1939 г. оно было, в общем, сведено на нет. Об этом свидетельствуют и документы немецкой службы безопасности, и материалы сторонников Э. Бенеша, направившиеся из страны в Лондон. В одном из таких сообщений, полученных Бенешем в ноябре 1939 г., говорилось: «Вопреки пакту с Германией, Россия пользуется у нас большой любовью. Пакт рассматривается как ловушка, подготовленная Гитлеру русской стороной» (Janaček F. Dva směry v začiatkoch národného odboja. Br., 1962, s. 216).

Компартия Чехословакии (КПЧ) свое отношение к договору выразила уже 24 августа: правильность действий СССР не подвергалась сомнению. Представляют интерес интерпретация договора и выводы из него для КПЧ и движения Сопротивления в стране: «Мы усматриваем в этом поступке СССР решительный призыв ко всем народам освободиться и бороться за прочный мир, а также призыв к чешскому народу усилить свою борьбу против нацистских оккупантов и вести ее вплоть до свержения гитлеровского режима и восстановления Чехословацкой республики» («Rude právo». 1939—1945. Praha, 1971, s. 32). Также оценивало договор и руководство компартии Словакии. Однозначно положительным было отношение к договору чешских коммунистов-рабочих, в основном дезориентированным — коммунистов из числа интеллигенции (многие из них отошли от активной деятельности), неоднозначным — в среде чехословацкой коммунистической эмиграции на Западе. Свое несогласие с ним выразил, например, В. Клементис, исключенный в связи с этим из партии.

Позиции некоммунистических кругов отражает, пожалуй, оценка договора чехословацким послом в Москве З. Фирлингером: видя его недостатки, возможность негативных последствий в международном плане, он вместе с тем считал договор тактическим маневром Советского государства, полагал, что в подходящий момент СССР вступит в войну. Весьма сдержанной была реакция на договор Бенеша, хотя он и писал Фирлингеру 28 сентября: «Немецко-советский пакт создал здесь тяжелую обстановку и вызвал своего рода революцию против Советов». В сообщении начальника канцелярии Бенеша на родину 24 августа отмечалось: «...Мы смотрим на новую ситуацию весьма спокойно и полагаем, что этот договор является выражением недоверия Советского Союза к западным державам после мюнхенского опыта» (Křeň J. V emigraci. Západní zahraniční odboj. 1939—1940. Praha, 1969, s. 49). В одном из посланий Бенеша в страну в конце октября подчеркивалось, что отношение к Советскому Союзу сохраняется

в русле последних лет, выражалась надежда на то, что в своих внешнеполитических действиях СССР не предпримет чего-либо, что нанесет вред чехословацким интересам. Однако в среде чехословацкой эмиграции на Западе раздавались и голоса, имевшие антисоветскую направленность.

В Протекторате коллаборационистское правительство Гахи воспользовалось договором, чтобы в очередной раз призвать чешский народ к лояльности в отношении «третьего рейха» и послушанию ему.

И. И. ПОП

По словам Ю. Фучика, произнесенным им 22 июня 1941 г., компартия Чехословакии после 23 августа 1939 г. находилась в «подполье перед собственным народом».

Е. Л. ВАЛЕВА, канд. ист. наук, ст. научн. сотр. (ИСБ)

Для болгарского правительства Г. Кьосеиванова советско-германский договор от 23 августа не явился полной неожиданностью (еще в июне 1939 г. оно получило информацию от своего посла в Берлине о возможности его заключения). В заключении договора прогерманское правительство Кьосеиванова видело весьма благоприятное для себя решение, предоставлявшее Болгарии возможность сближения и сотрудничества с обеими странами, от которых, по его мнению, зависело разрешение некоторых важных для Болгарии внешнеполитических вопросов. Немецкие наблюдатели сообщали в донесениях из Софии, что договор был восторженно воспринят и болгарским населением.

Болгарская рабочая партия (БРП), следуя указаниям ИККИ, с самого начала выступила в поддержку этого шага Советского правительства. В специальном письме, распространенном среди населения, ЦК БРП разъяснял позицию партии в связи с заключением договора. В сентябрьском номере нелегального органа БРП газеты «Работническо дело» была опубликована передовая статья «Германо-советский пакт о ненападении» (также распространявшаяся в виде отдельной листовки по всей стране). ЦК БРП разъяснял, что заключение договора не означает поворота в политике Советского правительства, так как этот шаг является продолжением его миролюбивой политики в отношении всех стран, готовых проводить такую же политику по отношению к нему.

Положительно восприняло договор и подавляющее большинство рядовых коммунистов. Однако отдельные члены и сочувствующие БРП испытывали растерянность и недоумение, имелись колебания в рядах партийной интеллигенции.

Реакция различных политических деятелей и группировок на договор показывает, что его заключение внесло смятение в ряды антифашистов, вызвало кризис в движении Народного фронта. Многие деятели БЗНС, БРСДП, Демократической, Национально-либеральной партии отказались от установленного в предвоенные годы сотрудничества с коммунистами. Наиболее правые буржуазные лидеры вышли из оппозиции и открыто перешли на сторону правительства. Большая же часть нефашистских буржуазных деятелей оставалась в оппозиции властям с позиций защиты буржуазной демократии. Они выступали за нейтралитет Болгарии, не одобряли советско-германский договор и обвиняли СССР в том, что он предал Великобританию и Францию, чью войну против Германии они считали справедливой.

Л. Я. ГИБИАНСКИЙ

Прежде всего хотел бы остановиться на вопросе о Коминтерне. Наибольший шок и тяжелые последствия заключение договора вызвало в компартиях тех стран, которые вступили в войну с Германией или оказались жертвами фашистской агрессии. В Париже, например, многие коммунисты приходили к зданию ЦК партии и жгли свои партийные билеты. На Балканах (в частности, в Югославии) немалая часть коммунистов в этот момент просто отошла от деятельности, не зная, что им делать. И еще один

момент, касающийся Балкан, в частности, в связи с прозвучавшим здесь выступлением Г. М. Славина. С самого начала политика Советского Союза в данном регионе была иной, нежели в Центральной Европе: это была политика противостояния тому, чтобы Юго-Восточная Европа стала германской зоной. Отсюда и существенно отличная линия Коминтерна в отношении Балкан, определившая особенности политики балканских компартий (наиболее ярко она проявилась в 1940 г., когда непосредственно столкнулись интересы СССР и Германии).

Теперь по вопросу об альтернативе. Представляется, что главной целью британской и французской дипломатии на переговорах с СССР было не стремление вести войну с Германией с двух сторон, а достижение самого факта подписания военной конвенции, чтобы остановить Германию у границ Польши. Все ли сделала тогда советская сторона для достижения соглашения? И обязателен ли был договор с Германией? Советский Союз, как уже справедливо отмечалось, был несоюзоспособен. И причина этого лежала в самом Советском Союзе, руководство которого свергло страну в жесточайший внутривластный и внутриаقتصاديкий кризис. Договором оно толкнуло страну в жесточайший внешнеполитический кризис; пытаюсь как бы компенсировать им внутривластный. Правомерно, в свете этого, задаться вопросом о задаче СССР как государства. Естественно, первейшая внешнеполитическая задача — обеспечить свою безопасность, в том числе дипломатическим путем, созданием системы договоров. Но разве безопасность СССР была создана системой советско-германских договоров, подписанных в августе и сентябре? Просто Германия тогда еще не могла воевать с СССР. А когда смогла, — напала и при договорной системе.

Думаю, оформление этой системы во многом неотделимо от определенных интересов тогдашнего советского руководства. Обратимся к опубликованным документам, в частности, к договору от 28 сентября. В его преамбуле говорится, что «Правительство СССР и Германское Правительство после распада бывшего Польского государства рассматривают исключительно как свою задачу восстановить мир и порядок на этой территории и обеспечить народам, живущим там, мирное существование, соответствующее их национальным особенностям». В статье I фиксируется установленная граница обоюдных интересов: к западу их будет обеспечивать Германия, к востоку — Советский Союз. В статье II определяется: «Обе Стороны признают установленную в статье I границу обоюдных государственных интересов окончательной и устранят всякое вмешательство третьих держав в это решение» (Известия, 1939, 29 IX). В приложенном к договору заявлении советского и германского правительств формулировка уже идет несколько дальше. Здесь говорится, что «Германское Правительство и Правительство СССР подписанным сегодня договором окончательно урегулировали вопросы, возникшие в результате распада Польского государства, и тем самым создали прочный фундамент для длительного мира в Восточной Европе» (Там же). Тут уже от Польши это урегулирование как бы распространяется вообще на Восточную Европу. А 29 сентября в заявлении Риббентропа (перед отлетом из Москвы) корреспонденту ТАСС прямо говорилось: «Обе страны никогда не допустят вмешательства третьих держав в восточноевропейские вопросы» (Там же, 30 IX). 30 сентября заявление с этой чеканной формулой было опубликовано центральной советской печатью на первых полосах. Причем не последовало никаких корректирующих комментариев, т. е. эта формула тем самым разделялась и советской стороной. В свете этого какой же конкретный интерес, кроме стремления избежать войны, руководил теми людьми, которые решили с советской стороны заключить не только первый, но и тем более второй договор? Совершенно очевидно, что вопрос о влиянии на судьбу Восточной Европы, к сожалению, играл тут первостепенную роль. В понимании тех времен Восточная Европа охватывала и Прибалтику, и Финляндию. Нужно ли было в этой связи с точки зрения интересов СССР как интересов социалистического государства вступать в такие отношения с Германией? Думается, здесь имело место то явление, которое я бы назвал потерей со-

циального ориентира. Так же как он был потерян во внутреннем развитии страны и от социалистического социального ориентира правящая верхушка, узурпировавшая власть, стала нацеливаться на некий иной — квазисоциалистический, явно противостоящий основам представлений о социализме, то такой же курс определился и во внешней политике. Главным стал вопрос о территориях, о влиянии в определенных регионах Европы.

Для уяснения характера установившейся системы отношений между СССР и Германией вернемся к уже упоминавшемуся заявлению советского и германского правительств от 28 сентября. В нем говорилось, что «оба Правительства направят свои общие усилия, в случае нужды в согласии с другими дружественными державами» (кстати — какими же?), чтобы «возможно скорее» достигнуть цели прекращения войны между Великобританией и Францией, с одной стороны, и Германией, с другой. «Если, однако, эти усилия обоих Правительств останутся безуспешными, то таким образом будет установлен факт, что Англия и Франция несут ответственность за продолжение войны, причем в случае продолжения войны Правительства Германии и СССР будут консультироваться друг с другом о необходимых мерах» (Там же, 29 IX). Другими словами — это явный документ политической поддержки. Еще дальше эта формулировка «протянута» в докладе Молотова при ратификации договора от 28 сентября на пятой внеочередной сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г., где он говорил об изменении содержания понятий «агрессия» и «агрессор» (прежде, когда об этом говорилось, то имелась в виду Германия). Молотов заявил: «Теперь, если говорить о великих державах Европы, Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция, вчера еще ратовавшие против агрессии, стоят за продолжение войны и против заключения мира. Роли, как вы видите, меняются» (Внеочередная пятая сессия Верховного Совета СССР. 31 окт. — 2 нояб. 1939 г. Стеногр. отчет. М., 1939, с. 9). В том же докладе говорится: «Наши отношения с *Германией*, как я уже сказал, улучшились коренным образом. Здесь дело развивалось по линии укрепления дружественных отношений, развития практического сотрудничества и политической поддержки Германии в ее стремлениях к миру» (Там же, с. 11). Так квалифицируется фашистский агрессор, ведущий войну и только что уже расчленивший Польшу. Это трудно охарактеризовать иначе, как нарочито не совсем четко сформулированную установку на политический союз или политический альянс в условиях уже начавшейся войны.

Наконец, о некоторых противоречиях, которыми оказался полон этот доклад Молотова. В нем есть явные вставки, отличающиеся по своему стилю от стиля, присущего наркоминделу. Любопытно, что в этих местах возникают противоречия с тем, что сказал Молотов в другом месте того же доклада. Например, Молотов, повторяя заявление, сделанное 17 сентября 1939 г., говорит, что мы не могли оставить в беде братьев украинцев и белорусов, но вступили на территорию польского государства только после его распада 17 сентября (Там же). Однако перед этим идет вставка совсем в ином духе: «Правящие круги Польши немало кичились „прочностью“ своего государства и „мощью“ своей армии. Однако оказалось недостаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем — Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения непольских национальностей» (Там же, с. 8). В этих формулах все достаточно ясно и без каких-либо секретных протоколов. Я думаю, что не социалистическая цель определила в тот момент выбор людей, потерявших социальный ориентир социализма.

В. К. ВОЛКОВ

Выражаю большую благодарность всем, кто принял участие в «круглом столе». Думаю, что в ближайшем будущем мы сможем продолжить нашу дискуссию и обсудить события, происшедшие в регионе ЦЮВЕ в период между осенью 1939 г. и июнем 1941 г.

БОРЬБА МАРКСИЗМА ПРОТИВ ОПОРТУНИЗМА В ЧЕШСКОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ 70—80-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

Во второй половине XIX в. в Чешских землях процесс индустриализации проходил быстрее и интенсивнее, чем в других частях монархии Габсбургов, что обеспечило им исключительное положение. Их экономический потенциал составлял около двух третей всего потенциала австрийской части монархии, хотя они занимали всего четверть территории Цислейтании. Самая густая сеть железных дорог также покрывала Чешские земли [1]. Чешские сахароваренные заводы (40 тыс. рабочих) в 1871 г. перерабатывали 9/10 свеклы, выращиваемой в австрийской части империи. В 1857 г. из 35 крупных предприятий Чешских земель 15 находилось в Праге; здесь производились станки, котлы, турбины, вагоны, различное оборудование (более подробно см. [2]).

В промышленности все большее распространение стали получать акционерные компании, к 1873 г. только в Чешских землях их насчитывалось уже около 300, т. е. почти половина всех существовавших в Цислейтании (682 в 1873 г.) [3, с. 63].

Формирование промышленных районов Праги, Брно, Либерца, Остравы, Жладно, Пльзенья и строительство железнодорожной сети в 60-х годах способствовали росту и концентрации основных отрядов рабочего класса. Характерной чертой рабочего класса Австро-Венгрии был его многонациональный состав. В Вене наряду с немцами трудились чехи и тысячи рабочих других национальностей. В Чешских землях — чехи и немцы работали на одних и тех же предприятиях. На первых порах они составляли большинство квалифицированных рабочих в разных частях империи. Рабочие организации, возникавшие с конца 60-х годов XIX в., как правило, имели многонациональный состав. И по этой причине, и в виду общей политической обстановки национальная проблема была важна как для австрийского, так и для чешского рабочего движения [4, с. 496—520].

С другой стороны, условия труда и жизни рабочих толкали их на борьбу за свои права, за увеличение заработной платы, улучшение условий жизни. Зарплата взрослого рабочего была мизерной — от 3 до 5 злотых в неделю, еще ниже оплачивался труд женщин и детей. Силы рабочих истощались уже в 25—35 лет, а рабочий в 50 лет был редкостью [1, с. 286—289].

Великая идея пролетарского интернационализма, сформулированная основоположниками научного социализма К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии», практически начала осуществляться в чешском рабочем движении на рубеже 60—70-х годов XIX в. В этот период рабочий класс Австро-Венгрии достиг в своем развитии значительных успехов. Благодаря неустанному труду его передовых представителей, решающему влиянию идей I Интернационала революционное, интернационалистское течение становится господствующим. Этот факт был высоко

Поп Юрий Иванович — канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Винницкого педагогического института.

оценен руководством Интернационала, считавшим, что рабочие Австрии «с самого начала вступили под знамена социализма и Интернационала» [5, s. 12]. В конце 60-х годов секции Интернационала или группы, разделявшие его идеи, имелись в Праге, Брно, Аше [6, т. I, с. 522—523].

Брно стал одним из первых центров социалистического рабочего движения в Чешских землях. Брненский рабочий просветительный союз взаимопомощи, который возник в 1869 г., объединял немецких и чешских рабочих. Союз поддерживал тесные связи с Веной и руководством I Интернационала. В своем воззвании брненские социалисты провозглашали идеи интернациональной солидарности и сплочения рабочих всех национальностей, призывали к организации подобных союзов в других местах Моравии и чешской Силезии [7, s. 818].

В начале июня 1869 г. в Брно началась стачка рабочих 21 текстильной фабрики. Борьба продолжалась более двух недель и только репрессии властей заставили рабочих отступить [8, s. 22]. Через месяц в районе Брно на митинг (табор) собралось 4 тыс. рабочих — чехов и немцев, — которые заявили о солидарности с социалистами Вены, провозглашались лозунги братства народов. Через неделю массовая демонстрация рабочих Брно была разогнана войсками, причем 8 человек было убито и много ранено. События «кровавого вторника» в Моравии отметил Маркс в отчете Генерального Совета Интернационала Базельскому конгрессу в 1869 г. [7, s. 820—821].

Вторым крупным центром социалистической агитации в Чешских землях был Либерец. Здесь объединялись главным образом немецкие рабочие Северо-Чешской промышленной области, к которым примыкали и рабочие-чехи. Летом 1869 г. в Либереце был основан Всеобщий рабочий союз. И именно события в Либереце в начале 1870 г. дали толчок акциям пролетарской солидарности во всей Австрии. Ответом на арест полицией венского социал-демократа А. Шоя и руководителей местного пролетариата Й. Кроша и Й. Шиллера были крупные демонстрации рабочих. Новым значительным шагом в укреплении солидарности чешских и немецких пролетариев была стачка весной 1870 г. в Сварове в Северной Чехии. В борьбу против снижения заработной платы вступило несколько тысяч чехов и немцев. Стачка завершилась расстрелом забастовщиков. Произвол правительства возмутил рабочих внутренних областей Чешских земель, был организован сбор средств в пользу жертв террора, с протестами выступили представители демократической общественности [7, s. 829]. Под влиянием Сваровской стачки правительство вынуждено было пойти на уступки и принять 7 апреля 1870 г. коалиционный закон, согласно которому в дальнейшем не все стачки автоматически считались незаконными, ограниченно допускалось образование рабочих союзов.

Новым проявлением пролетарской солидарности стали митинги и демонстрации в Праге, связанные со смертью арестованного Й. Кроша. На похороны прибыли делегации из Вены, Брно, Либереца, Силезии (как чехи, так и немцы). И, несмотря на репрессии правительства, рабочая солидарность продолжала укрепляться. Свидетельством этого явился митинг, состоявшийся 7 августа 1870 г. на горе Ештед между Ческа-Липой и Либерецем. 30 тысяч рабочих обеих национальностей выступили на нем за равноправие чехов и немцев на демократической основе, осудили национальную вражду и подчеркнули необходимость сотрудничества рабочих чешской и немецкой национальностей в борьбе за свои права [9, s. 44—46].

На рубеже 60—70-х годов Прага становится третьим важным центром рабочего движения в Чешских землях, характерной особенностью которого было стремление к единству рабочих организаций, образованию профсоюзов. До середины 1870 г. здесь было образовано 40 профессиональных союзов. А малостранский и смиховский рабочие союзы выступили с инициативой объединения всех рабочих союзов Праги в единую пролетарскую организацию. Это со всей определенностью показал четырехтысячный митинг пражских рабочих 27 марта 1870 г., которые в единогласно принятой резолюции записали: «Мы, рабочие, видим, в единой организации

главное условие к решению рабочего вопроса, успешного развития нашего класса» [9, s. 40]. Укреплялась солидарность и тесное сотрудничество рабочих разных национальностей не только в отдельных промышленных центрах, но и в рамках всей империи. Например, с начала 1870 г. были установлены прямые связи между пражскими и венскими социалистами, и в венской газете «Volkswille» Я. Баворский написал: «Надеемся, что в Праге скоро увидят красный флаг, под которым, подав друг другу руки, пойдут вместе чешские и немецкие социал-демократы в борьбе против общего врага» (цит по: [10, s. 95]).

Массовые выступления рабочих Чешских земель на рубеже 60—70-х годов имели историческое значение. Во всех предшествующих политических движениях, включая и 1848—1849 гг., рабочий класс всегда был главной движущей силой, но выступал в союзе и под руководством буржуазии за ее непосредственные интересы. Теперь же произошло качественное изменение: рабочий класс превращался в самостоятельную политическую силу. Эта перемена была не однозначной, прямой, а сложной и долговременной.

Формирующееся рабочее движение могло только временно и с определенными условиями взять в качестве своей идейной опоры политическую платформу радикальных демократов. И не только потому, что преследования после поражения революции нарушили всякие контакты. Ряд видных представителей радикальной демократии, как, например, Е. Арнольд, отошли от политической деятельности; многие из них во главе с К. Сладковским перешли вправо на позиции младочешского радикализма и легального парламентаризма. Ни один из старшего либо младшего поколения радикалов не переступил классово расплывчатые идейные позиции абстрактного «освобождения человечества» и не перешел ясно на позиции научного социализма. Ближе всего к этому подошли К. Сабина и в определенной мере Й. Барак, но ни первый ни второй по различным причинам не стали и не могли стать теоретиками революционного социализма в рабочей среде. В отличие от Германии или России, зарождающееся чешское рабочее движение не могло рассчитывать на помощь и участие революционной интеллигенции; которая в большинстве случаев происходила из радикально-демократической среды [1, s. 266—267].

Под влиянием Парижской Коммуны в чешском рабочем движении углубились классовая дифференциация, его связи с международным рабочим движением, создались предпосылки для утверждения идей социализма. Под влиянием Коммуны начала проводить более интенсивную деятельность среди пражских рабочих социал-демократическая группа во главе с известным пропагандистом социализма Й. Б. Пецкой. Отвергая клеветнические измышления буржуазной прессы о Коммуне, Й. Б. Пецка в брошюре «Парижское восстание» писал: «Если победят коммунары, не надо думать, что будет господствовать анархия. Не верьте этому. Победители установят порядок в государстве и обеспечат безопасность личности. Если победит революция, народ сделает огромный шаг вперед по пути общественного прогресса» (цит. по: [7, s. 833]).

Провозглашение Коммуны активизировало рабочее движение в Австро-Венгрии. Рабочие единым фронтом выступили в защиту коммунаров, газеты печатали статьи и воззвания, в которых горячо приветствовалась борьба французского пролетариата. Под воздействием Парижской Коммуны состоялись демонстрации и митинги в Праге, Либерце, Брно, Вене, Пльзене, Градец Кралове, стачки горняков в Кладно и Моравской Острове. В июне 1875 г. в Брно началась стачка рабочих 24 фабрик, в которой приняло участие более 4 тыс. человек. Рабочие писали, что провозгласят Коммуну, как в Париже, если их требования не будут выполнены. Только усилив репрессии, правительство подавило стачку [8, s. 30—31].

Под влиянием Парижской Коммуны пионеры социализма в Чешских землях Й. Б. Пецка и Л. Запотоцкий начинают осознавать необходимость самостоятельной тактики рабочих и ее пропаганду через свою газету. Но социалистическая группа в этот период еще не была достаточно сильной, чтобы основать такую газету. Поэтому Й. Пецка и Л. Запотоцкий

стали участвовать в издании рабочей газеты «*Dělnické listy*», которая была под влиянием младочехов. Это был важный шаг, но он еще не означал начало политической организации в собственном смысле слова. Посредством рабочей прессы можно было проводить неоценимую агитационную, пропагандистскую и просветительную работу. Однако рабочее движение не могло остаться раздельным на отдельные союзы и иметь разные печатные органы, а должно было образовать массовую единую партию, имеющую ясную программу, цели и методы борьбы.

Хотя поражение Коммуны, преследования со стороны властей ослабили рабочее движение в монархии Габсбургов, тяга рабочих к единству усилилась. Именно в чешском рабочем движении в 1870—1873 гг. образовалась группа рабочих социалистов, которая имела большое влияние на дальнейшее развитие движения не только в Чешских землях, но и во всей Австрии. В результате широкой работы среди рабочих обеих национальностей последние все более убеждались в том, что успеха в борьбе можно добиться только в единстве своих рядов, в образовании рабочей партии на принципах интернационализма и справедливого решения национального вопроса.

Среди чешских рабочих укреплялось влияние социал-демократов, идей интернационализма. Газета «*Dělnické listy*» писала, что интернационализм требует «взаимного уважения прав всех национальностей» и критиковала тезис, будто национальный вопрос не касается рабочих. В декабре 1873 г. в этой же газете указывалось: «Оторванность друг от друга, отсутствие единства и национальные распри были до сих пор главной причиной того, что несмотря на все наши усилия и неутомимую деятельность мы не добились в нашей борьбе лучших результатов (...) Австрийские рабочие должны объединиться для единых действий, для достижения общей цели, вне зависимости от национальности, вероисповедания, языка, занятий» (цит по: [11, с. 202—203]).

В эти же годы большой вред социал-демократическому движению в Австрии нанесли глубокие разногласия между оппортунистическим, националистическим течением, во главе которого стоял Г. Обервиндер, и революционным марксистским течением, которое возглавлял А. Шой. Сторонники революционного направления в рабочем движении выразили свое несогласие с оппортунистами уже в июне 1873 г. в специальном «Программном заявлении рабочей партии Австрии». В основу этого заявления были положены решения Гаагского конгресса I Интернационала и Эйзенахской программы немецкой социал-демократии. Обосновывалась там и необходимость создания самостоятельной революционной рабочей партии. Эта идея получила значительную поддержку в среде чешских рабочих в Вене, которые выступили с предложением созвать съезд рабочих всех национальностей и разработать общую программу, в особенности по национальному вопросу [7, с. 840—841].

В Праге в 1873 г. чешскими рабочими группами был создан комитет с целью сотрудничества с социалистами австро-немецких земель в подготовке социал-демократического съезда. В комитет вошли К. Коула, М. Гомола, Й. Б. Пецка, Й. Пейша, Й. Дробный, Л. Заптоцкий [7, с. 841]. За участие в съезде высказались рабочие Брно, Либерца, Кладно и других городов Чехии. «*Dělnické listy*» подчеркивали необходимость «созыва съезда представителей рабочих всех национальностей, живущих в Австрии, и принятия на нем программы, в том числе и в очень важном национальном вопросе» [12, с. 84].

Рабочие Северной Моравии активно поддержали предложение о созыве съезда партии. В связи с этим, а также выступая против политических действий и тактики Г. Обервиндера, Г. Ванке, Й. Йиндра и Захариас осуществили агитационную поездку по Моравии, побывали в городах Простейов, Оломоуц, Шумперк, Римаржов, Рапотин. Рабочий просветительный союз в Шумперке стал связующим звеном между рабочими Северной Моравии и Западной Силезии [13, с. 61—67].

Опыт рабочих передовых в социально-экономическом отношении районов по созданию единой партии имел исключительное значение для всего рабочего движения Австро-Венгрии. Проблема, с которой столкнулось

рабочее движение Чехии и Моравии, была актуальна и в других землях монархии: повсюду представители национальной буржуазии, мелкобуржуазной интеллигенции или клерикалов стремились подчинить себе зарождавшееся рабочее движение. Повсюду насущной задачей рабочих организаций было идейно-политическое и организационное размежевание с национальной буржуазной демократией. В Австро-Венгрии в 1873—1874 гг. такое размежевание произошло и подготовка съезда партии продолжалась.

Идейной и политической основой для создания единой организации рабочих всех наций и национальностей в рамках империи стали главные принципы I Интернационала, принятые всеми основными центрами рабочего движения в Австрии.

Общеавстрийский съезд социал-демократической рабочей партии Австрии состоялся нелегально 5—6 апреля 1874 г. в Нойдорфле. 74 делегата представляли 25 тыс. рабочих. Во главе чешской делегации, представлявшей 21 организацию, стоял Й. Б. Пецка (цит по: [9, s. 68]). В результате взаимодействия немецких и чешских рабочих на съезде были выработаны и приняты организационные принципы и общая программа. Съезд зафиксировал победу социалистических сил над либерально-националистическими. Он показал зрелость многонационального рабочего класса Австро-Венгрии и в национальном вопросе, провозгласив не только образование общей интернационалистской партии обширного государства, но и включив в программу партии принцип права наций на самоопределение.

В программе, соответствовавшей принципам I Интернационала, в частности говорилось: «В национальном вопросе рабочая партия выдвигает в качестве принципа право наций на самоопределение и не рассматривает разделение членов партии по национальному признаку как препятствие в их общем стремлении к социальному освобождению, а наоборот, считает, что единственным залогом успеха является братское сотрудничество, основанное на равных правах и обязанностях рабочих всех национальностей» [6, т. 2, с. 304—305]. Этот пункт был включен в программу по предложению А. Шоля, который заявил, что «в программу необходимо включить особый раздел об отношении к славянским рабочим» (цит. по: [14, S. 97]).

Во второй части программы выдвигались конкретные текущие требования рабочих. Съезд определил организационные принципы партийного строительства, избрал Центральный комитет и контрольный комитет.

Трудно переоценить значение Нойдорфльской программы. Впервые в истории международного рабочего движения партия рабочего класса многонациональной страны включила в программу специальный пункт — об отношении к национальному вопросу. Одним из трех председателей съезда был избран рабочий чех, протокол съезда велся на немецком и чешском языках, наконец центральными органами партии наряду с «Gleichheit» были признаны также «Dělnické listy» (цит. по: [9, s. 68—69].)

Итак, чешский рабочий класс стал составной частью единого пролетарского фронта как в рамках монархии, так и в международном масштабе. Чешские делегаты на заседаниях съезда в Нойдорфле внесли свой вклад в разработку позиции по национальному вопросу. Оба печатных органа партии опубликовали о результатах съезда идентичную информацию [15, S. 324].

На съезде в Нойдорфле была создана не новая партия, а воссоздана та, которая фактически уже существовала с 30 августа 1868 г., когда заявила о своем существовании принятием программы и избранием Центрального комитета, — пишет известный чехословацкий историк В. Пеша. Сути дела не меняет и то, что ЦК был распущен и партия не могла работать легально в условиях Австро-Венгрии [7, s. 845]. Это была первая пролетарская партия, созданная в условиях многонационального государства. Несмотря на недостатки и слабости, связанные с организационным и теоретическим уровнем движения, Нойдорфльский съезд явился значительным шагом в развитии рабочего движения в Австрии.

К. Маркс с удовлетворением отметил крупный успех австрийского пролетариата. «В Австрии,— писал он Ф. А. Зорге 4 августа 1874 г.,— люди работают в самых тяжелых условиях; они вынуждены соблюдать

величайшую осторожность; тем не менее они добились большого успеха, — а именно, побудили славянских рабочих в Праге и других местах действовать совместно с немецкими рабочими. В последние годы пребывания Генерального Совета в Лондоне я тщательно пытался добиться такого взаимопонимания» [16]. Австрийское, а вместе с ним и чешское рабочее движение при неустанной помощи К. Маркса и Интернационала впервые решало задачу сплочения рабочих многонационального государства в единой революционной партии.

Для судеб национальных движений в Австро-Венгрии возникновение организованного рабочего социалистического движения имело историческое значение. Впервые здесь появилась общественная сила, призванная возглавить массовое народное движение за политическое и социальное освобождение, противопоставить идеологии национализма интернационалистическую идеологию пролетариата, повести народы на борьбу за социалистическую революцию.

Но против партии ополчились власти. Вследствие репрессий, а также ухудшения положения рабочего класса из-за экономического кризиса, в австро-немецком рабочем движении стали преобладать оппортунистические взгляды, стремление к примирению с Г. Обервиндером. Свидетельством этого являются решения съезда в Винер-Нойштадте в августе 1876 г., который принял новую программу. В ней ничего не говорилось о конечной цели пролетариата, о праве наций на самоопределение; представителей славянских рабочих даже не пригласили [1, s. 346]. Эта программа была полностью отклонена Брюннской организацией. В конце августа в Праге состоялась встреча лидеров чешского рабочего движения, где и был поставлен вопрос о необходимости отмежевания от венских винер-нойштадских руководителей.

И хотя следующий съезд австро-немецких социалистов в 1877 г. отменил оппортунистическую программу, в партии начал дискутироваться вопрос об изменении ее организационной структуры, о более тесной связи с национальным рабочим движением местных партийных организаций. При этом подчеркивалась необходимость интернационального сотрудничества рабочих. В связи с невозможностью работать в Вене Центральный комитет австрийской социал-демократической рабочей партии переехал в Либерец.

Проблемы развития австро-немецкого рабочего движения никак не отразились на позиции лидеров чешской социал-демократии. Во главе с Й. Пецкой они активно выступали за единство партии, за солидарность с Нойдорфльской программой, принимали деятельное участие в работе партийных организаций, в дальнейшем развитии социал-демократического движения в Габсбургской империи, в борьбе против мелкобуржуазного влияния в рабочей среде.

В знак протеста против оппортунистической, националистической линии газеты «Dělnické listy» группа социалистов во главе с Й. Пецкой и Л. Запотоцким вышла из редакции и вместе с М. Гомолой, Я. Гаклом, В. Коулой, А. Косем, Й. Бернашеком начали издавать газету «Budoucnost», которая с 1875 г. стала официальным органом партии [1, s. 347]. Вскоре обстановка в «Dělnické listy» изменилась: уход националистов привел к тому, что Й. Пецка снова возглавил газету. Таким образом, партия имела две газеты. Их страницы — убедительное свидетельство распространения идей социализма среди рабочих, борьбы за принципы единства в их рядах, они сыграли важную роль в укреплении чешско-немецкого сотрудничества через еще одну социал-демократическую газету в Вене «Arbeiterfreund» [9, s. 76—77].

Продолжалось и углублялось сотрудничество лидеров социалистического движения в Чешских землях в повседневной политической и организационной деятельности. Например, Л. Запотоцкий и Й. Пецка установили широкие контакты с лидерами немецких либерецких рабочих Й. Шиллером, Ф. Шварцем и другими социалистами немецкой национальности. Это сотрудничество не прекращалось и в период острых разногласий между чехами и немцами. Взаимное доверие и дружба ведущих пред-

ставителей чешского и немецкого рабочих движений проявилось и в реакции газеты «Arbeiterfreund» на судебный процесс против пражских социалистов в 1876 г., когда Л. Заптоцкий принял на себя удар полиции, предотвратив тем самым арест редактора Р. Вольфа [9, s. 75—79]. Таким образом, несмотря на все трудности, чешским представителям в австрийской рабочей партии удалось отстоять интернациональные принципы построения партии в многонациональной стране, верный подход к решению национального вопроса.

7 апреля 1878 г. в предместье Праги Бржевнове нелегально состоялся съезд чешских социал-демократов. Общеавстрийское руководство представлял Ф. Шварц — социал-демократ из Либерец, рабочих-чехов Вены — Ч. Зих, другие организации Чешских земель — 14 делегатов, в том числе Й. Прохазка, Ф. Хоура, Л. Заптоцкий, Й. Б. Пецка, Ф. Нехвиле. Председателем съезда был избран Ч. Зих.

На съезде после широких дискуссий была принята программа партии, которая явилась результатом творческого анализа, дополнения ряда документов нойдорфльского съезда, использования с учетом собственных условий ряда положений Готтской программы немецкой социал-демократии и Интернационала. В программу были записаны демократические требования, констатировалось, что ЧСДРП образована как составная часть общеавстрийской рабочей партии, провозглашалось право наций на самоопределение с одновременным призывом к рабочим разных национальностей к единству в борьбе за свои права. Был принят организационный устав, избраны Центральный комитет и редакция газеты. Общеавстрийский съезд социал-демократии в августе 1878 г., на котором присутствовали делегаты от чехославянской социал-демократической партии Ч. Зих, Й. Прохазка, К. Дундела, Л. Заптоцкий, утвердил решения съезда в Бржевнове [9, s. 81—89].

Бржевовский съезд партии был одной из наиболее значительных вех современной чешской истории, — подчеркивают в своих исследованиях чехословацкие историки О. Урбан, Р. Волгемутова, Ю. Кржижек и многие другие. Чешский рабочий класс заявил о себе как о наиболее прогрессивной силе общества. Правда, принятая программа не была вполне марксистской, но было бы просто нереально ожидать этого тогда. Тем не менее документы съезда свидетельствуют о том, что чешские социалисты более ста лет назад начали искать пути к единству рабочего движения. Они остались верны принципам социалистического движения, прежде всего пролетарскому интернационализму и классовой самостоятельности политической организации рабочих. Тем самым чешское рабочее движение стало на твердые программные и организационные основы [1, s. 348—349; 9, s. 85—90; 12, s. 84—86].

Бржевовский и Нойдорфльский съезды связаны общей идеей организационного и идейного упрочения социалистической рабочей партии и создания предпосылок для дальнейшего развития социалистического рабочего движения в Австрии. Бржевовский съезд стал важным шагом в укреплении и общеавстрийской партии в духе решения Нойдорфльского съезда из-за условий, создавшихся в этот период в австрийском рабочем движении. Партия объединяла рабочих чехов не только в Чешских землях, но и во всей Австрии и прежде всего в Вене, и поэтому называлась Чехославянская социал-демократическая рабочая партия в Австрии.

Вместе с тем, принятая программа содержала некоторые положения, которые в дальнейшем привели партию к сепаратизму, — пишет известный чехословацкий историк Ю. Кржижек. Прежде всего, это требование о создании самостоятельных национальных партийных организаций. Выдвижение на первое место указанного требования привело в последующем к ревизии подлинного понимания этого положения участниками Бржевовского съезда. Буржуазно-националистическая и реформистская историография, выдвигая национальный вопрос и отрывая его от борьбы за демократизацию общественных отношений в Австро-Венгрии, за революционное преобразование общества, превратила бржевовский съезд в самостоятельную акцию чешского рабочего класса и провозгласила его

началом самостоятельного чешского политического рабочего движения. Тем самым эти историки не только отрицали прежний вклад лидеров социалистического движения в Чешских землях, но и исключили чешское рабочее движение из развития рабочего движения Цислейтании. Это отрицание подлинно интернационального характера политической деятельности ведущих представителей чешской социал-демократии было одновременно попыткой оправдать все усиливавшиеся националистические позиции руководства ЧСДРП со времени ее съезда в Чешских Будейовицах в 1893 г.

Интерпретация бржевновского съезда как националистического и замалчивание роли чешского рабочего класса в общей интернациональной борьбе пролетариата Цислейтании должны были подтвердить установку, будто бы чешский рабочий класс всегда исходил прежде всего из «чешских патриотических интересов» и что его политический путь был специфическим «чешским путем». Но история еще раз подтвердила, что чехославянская социал-демократия несмотря на свой специфический «чешский путь» пошла в дальнейшем таким же реформистским путем как и все остальные партии Западной Европы,— заключает свою работу Ю. Кржижек [12, с. 84—90].

Несмотря на раскольнические действия оппортунистов и анархистов, репрессии правительства (суд над участниками съезда в Бржевнове), в борьбу втягивались все новые отряды рабочего класса, в частности горняки Северной Чехии и текстильщики Северо-Восточной Чехии. Росло количество социал-демократических организаций в Праге и Либереце, где чешские социал-демократы сотрудничали с представителями общеавстрийской социал-демократии и с немецкой либерецкой рабочей организацией. Новые центры социал-демократического движения возникли в Духцове, Усти над Лабой, Пльзене, Кладно, Лоунах, Теплице, Страконице. Пражские социал-демократы поддерживали связи с товарищами в Брно. В первых рядах чешского социалистического рабочего движения были участники съезда в Бржевнове — Й. Гибеш, Ф. Нехвиле, Ф. Хоура, Ч. Зих, Н. Соула, Й. Канька, Ф. Модржачек, Й. Бернашек, В. Черновицкий. Движение же продолжали возглавлять Й. Б. Пецка и Л. Запотоцкий. Тесное сотрудничество было установлено между чешскими и немецкими социал-демократами в Либереце, Духцове и Усти над Лабой [15, S. 328].

Славной страницей пролетарского интернационализма было взаимодействие германской и чехославянской социал-демократических партий. Еще до издания Бисмарком исключительного закона против социалистов, либерецкие социал-демократы поддерживали связи с руководством германской социал-демократической партии. И естественно, что после издания закона, последнее обратилось за помощью к рабочим Либереца. Уже весной 1878 г. Ф. Шварц побывал в Лейпциге и Дрездене. А. Бебель посетил Либерец в начале февраля 1879 г. и там же в июне 1880 г. встретился с представителем либерецких социал-демократов Ф. Нехвиле [9, с. 98—99]. Через Прагу и Либерец в Германию переправлялась революционная литература.

Несмотря на расхождения внутри руководства ЧСДРП партия стремилась расширить идейную и организационную работу среди рабочих. На митингах в Брно и Праге выступал Л. Запотоцкий, в Теплице 16 мая 1880 г. — чех Н. Зоула и немец А. Барг. 30 января 1881 г. рабочие Праги на собрании приняли социал-демократическую резолюцию, а резолюция младочехов собрала ничтожное количество голосов. Руководство партии начало работу и среди крестьянства, а также в профсоюзном и стачечном движении горняков Северной Чехии. И здесь в первых рядах были Й. Б. Пецка, Й. Гибеш, Ф. Хоура, А. Уха, Ф. Главачек [9, с. 100—103].

Деятели ЧСДРП приложили немало усилий для укрепления единства общеавстрийской социал-демократии, поддерживали общеавстрийское руководство в Либереце, были посредниками в решении спорных вопросов между Либерецем и Веной. С этой целью в Вене, Брно и Либереце побывал Л. Запотоцкий, в 1879 г. в Вене — Ф. Нехвиле и А. Хоура.

В начале 80-х годов австрийское правительство по примеру Бисмарка в Германии поставило общеавстрийскую социал-демократическую партию вне закона. Последовали судебные процессы в Праге, Брно, Кладно, Либерце, Силезии, Северной и Северо-Западной Чехии. Среди осужденных были чехи и немцы: Л. Запотоцкий, Й. Б. Пецка, Н. Зоула, В. Ярушек, Ф. Модржачек, Я. Пачеш, А. Радимский, А. Майсснер, В. Коха, А. Барг, Я. Улбрих, Ф. Шварц, Я. Ганних, Я. Шиллер, Ф. Главачек, Ф. Хоура, В. Вайц и др. Только в 1882 г. было осуждено более 100 человек на много недель, месяцев, лет [9, s. 104—105]. Но социалистическое движение продолжало жить, продолжало бороться.

В период жестоких репрессий внутренние противоречия в австрийском рабочем движении еще больше обострились. С конца 70-х годов складывались два течения — «умеренное» и «радикалы». «Радикалы», ратуя за социалистическую революцию, не учитывали внутриполитической обстановки в Австрии и отрывали революционную цель рабочего класса от повседневной борьбы рабочих за достижение экономических и политических прав. Это влекло к изоляции партии от масс, сектантству, проникновению в ряды рабочего класса анархистских теорий. «Радикализм» во многом был обусловлен реформистскими устремлениями «умеренных», которые ограничивали деятельность социал-демократической партии борьбой за осуществление повседневных требований рабочих и теряли революционные перспективы борьбы рабочего движения, что свидетельствовало о глубоком оппортунизме этого движения. Причиной же внутрипартийной борьбы была идеологическая и теоретическая слабость австрийских и чешских социал-демократов. Эта борьба привела к открытому расколу и нанесла большой вред рабочему движению, значительно ослабив его [17, s. 40—42].

Анализ идейных платформ «радикалов» и «умеренных» показывает, что одним из ключевых вопросов единства рабочего движения в Габсбургской монархии были не теоретические споры, а прежде всего практическая проблема, проблема тактики. Нужно было искать некий «третий» путь, который бы возобновил единство рабочего движения.

Так как деятельность партийных организаций в Чехии и Вене была запрещена, центром рабочего движения становится Моравия, именно моравские социалисты должны были сыграть роль посредника в преодолении противоречий и способствовать объединению рабочего движения на базе революционного социализма.

Определенную роль сыграл и тот факт, что такие видные деятели чешского рабочего движения, как Й. Б. Пецка и Ф. Главачек продолжили в Моравии свою пропаганду идей социализма через газету «Duch času» до своего отъезда в 1885 и 1886 гг. в Соединенные Штаты Америки.

Эстафету борьбы за единство рабочего движения взяла новая газета моравских социалистов «Rovnost», первым редактором которой стал Панкрац Кркошка. Именно он сумел понять, что внутренние проблемы социалистического движения возникали в значительной степени из-за недостаточного овладения социалистической теорией и идеологией. Прежде чем объединять рабочее движение, нужно было разъяснить идейные принципы, на которых будет базироваться это единство. Поэтому брненская «Rovnost» под редакцией П. Кркошки главное внимание уделила пропаганде марксистского научного социализма, показывала ошибочность позиций не только псевдорадикального анархизма, но и немарксистских концепций «умеренных», прежде всего лассальянства. П. Кркошка был в чешском социалистическом движении первым, кто попытался теоретически объяснить различие между марксизмом и лассальянством. Это было чрезвычайно важно, ведь интерпретация марксизма Лассалем многими ошибочно считалась за истинный марксизм.

В то же время П. Кркошка сумел остаться «над событиями», а точнее, понять внутреннюю борьбу прошлых лет как естественную и необходимую фазу развития рабочего движения. «Правда, что споры о радикализме и умеренности нанесли значительный урон социал-демократии», — писал он в 1886 г., — «но верно также и то, что преодолением противоре-

чий осуществила социал-демократия крупный шаг вперед... Неправы были „умеренные“, когда утверждали, что рабочих освободит только борьба за реформы, но лишь „законными“ средствами, с согласия правительства; неправы также радикалы, выступавшие за тактику пропаганды действием. Правда же лежит в чем-то третьем. Это третье сегодня в борьбе проявило себя; но оно призвано к тому, чтобы впредь стать лозунгом всего рабочего класса, объединенного и дружественного» (цит. по: [1, s. 402]).

Важную роль в пропаганде марксистских идей, необходимости единства рабочего движения сыграла агитационная поездка Й. Гибеша в Чехию в 1883—1884 гг. Он посетил все важные центры организованного чешского рабочего движения — Пльзенский край, Ниржанский край, Северную Чехию, Младоболеславский край и Прагу. Поездка явилась ярким проявлением солидарности и интернационализма пролетариата [18, s. 141—188]. В июле 1885 г. собрание представителей обоих течений в Брно высказалось за преодоление раскола и восстановление единства рабочего движения [19, с. 26].

Важным шагом на пути преодоления раскола в рабочем движении стало собрание «умеренных» и «радикалов» в Вене 3 апреля 1887 г., созванное В. Адлером. Был принят документ, так называемый «венский компромисс», который сблизил точки зрения двух течений и стал определенным рубежом между анархизмом и революционным социализмом.

Стремление к восстановлению единства социал-демократического движения вызвало отклик среди рабочих Австро-Венгрии. Если социалисты Брно прохладно отнеслись к «венскому компромиссу», то простейовские социалисты во главе с Й. Гибешем поддержали указанную инициативу. И когда стало ясно, что в Вене этот процесс не будет осуществлен в скором времени, Й. Гибеш, переехав в Брно и возглавив редакцию газеты «Rovnost», решил созвать собрание рабочих разных национальностей. 25—26 декабря 1887 г. в Брно состоялся «съезд чехославянских рабочих», на котором присутствовали 73 делегата, а также гости из Праги, Северной Чехии, Градце Кралове, Вены. Хотя принятая программа носила общий характер, в ней указывалось, что главная цель рабочего класса — социализм, и достигнуть этой цели можно только созданием рабочей партии. Съезд принял обширную резолюцию по национальному вопросу, в которой, однако, вместо права наций на самоопределение провозгласил право народов на самоопределение, подтвердив тем самым убеждение социалистов в том, что с победой социализма автоматически будут решены и все национальные проблемы. Несмотря на это собрание в Брно имело большое значение, хотя и носило подготовительный характер.

Вышеуказанные шаги чешских рабочих оказали положительное влияние и на процесс восстановления единства в общевосточном рабочем движении, которое в это время возглавил молодой марксист В. Адлер [15, S. 334]. Решения съезда в Брно были единодушно поддержаны всеми социал-демократическими газетами и членами рабочей партии, в первую очередь редакциями двух социалистических газет — «Gleichheit» (редактор В. Адлер) и «Rovnost» (редактор Й. Гибеш), выходивших в Вене и Брно на немецком и чешском языках.

Объединительный съезд социал-демократов Австрии состоялся 30 декабря 1888 — 1 января 1889 г. в г. Хайнфельд. Принятая им программа определяла и обосновывала революционные цели рабочего движения в Австрии — социализм и организацию в самостоятельную политическую партию. Съезд не принял принципа диктатуры пролетариата, хотя и подчеркнул, что для уничтожения капитализма необходимо использовать все возможные средства, в том числе и борьбу за всеобщее, равное и прямое избирательное право, которое вместе с тем не следует переоценивать. В программе не был решен вопрос о союзниках рабочего класса, не уделялось внимание организационным принципам строительства партии, отсутствовало требование о праве наций на самоопределение [1, s. 405—406]. Недостатки программы в национальном вопросе проистекали из недооценки австрийскими социалистами, которые принадлежали к гос-

подстывающей нации, роли и значения национального вопроса в классовой борьбе пролетариата. И это способствовало проникновению буржуазной идеологии как в австрийское, так и в чешское рабочее движение в последующие десятилетия. Однако несмотря на недостатки, хайнфельдская программа была в основном марксистской. Хайнфельдский съезд положил начало новому этапу революционного рабочего движения в Австрии, этапу, в котором партия стала во главе широких народных масс и прилагала усилия для распространения марксизма в их среде [17, с. 45].

Решения Хайнфельдского съезда были положительно восприняты рабочим классом Австро-Венгрии. Газета «Rovnost», оценивая их, писала: «Теперь мы объединили все свои силы и в состоянии осуществить все то, что раньше не могли осуществить..., теперь мы начинаем усиленную во много раз нашу многообещающую деятельность, направленную к освобождению всех обездоленных» (цит по: [20, с. 122]).

Хайнфельдский съезд завершил период внутренних споров в австрийской социал-демократии и создал предпосылки для массового подъема рабочего движения в Австрии в последующие годы. Центральный комитет партии вновь возвратился из Либерца в Вену. Представители австрийской социал-демократии (11 делегатов), среди которых были и чехи Й. Гибеш и В. Кёрбер, в июле 1889 г. принимали участие в работе учредительного конгресса II Интернационала в Париже [1, с. 406]. Выступая на нем, Й. Гибеш указал на трудности социалистического движения в Чешских землях, национальный гнет, но констатировал, что «несмотря на все трудности, социализм пустил уже глубокие корни в Чехии и истребить его теперь уже невозможно. Движение развивается и мы не сомневаемся, что в один прекрасный день оно победит» [21, с. 135].

Рабочий класс монархии Габсбургов, в первых рядах которого шли рабочие Чешских земель обеих национальностей, переходил в наступление на крупный капитал и не от случая к случаю, а систематически и подготовленным. Летом 1889 г. бастовали горняки Кладненского и Ниржанского округов, текстильщики Брно и других районов Моравии. Эти стачки, потопленные правительством в крови, явились прекрасным примером солидарности рабочих немецкой и чешской национальностей. В первых рядах шли социал-демократы [1, с. 407].

Особенно широко развернулось стачечное движение в Чешских землях в период агитационной кампании за празднование 1 Мая. В апреле — мае 1890 г. только в округе пражского фабричного инспектора стачки происходили в 13 отраслях промышленности. Предмайские забастовки охватили около 70 промышленных центров. В Праге в них принимали участие свыше 22 тыс. человек, в Либерце — 11,5 тыс., в Теплице — 13,7 тыс., много тысяч в Остраве. И всюду чехи и немцы выступали рука об руку в борьбе за свои права [21, с. 135].

1 Мая 1890 г. на улицы чешских промышленных центров вышли сотни и тысячи рабочих. Только в Праге на улицы вышло 35 тыс. человек, массовые демонстрации состоялись в Брно [22, с. 268]. Традиции первая продолжались и в последующие годы.

Таким образом, формирование рабочего класса и в особенности появление организованного рабочего движения изменило всю общественно-политическую атмосферу в Австро-Венгрии. В 70—80-х годах рабочий класс Чешских земель обеих национальностей становится передовым отрядом борьбы за демократизацию политического строя — расширение политических свобод, всеобщее избирательное право, справедливое решение национальных проблем. Распространение марксизма и идей I Интернационала, влияние Парижской Коммуны вызвали острую полемику в печати и способствовали размежеванию между революционно-демократическим и социалистическим движениями, с одной стороны, либеральными и буржуазно-радикальными кругами, всеми защитниками непосредственных буржуазных интересов — с другой. Все это сказалось на общественном движении в Цислейтании. Чешской буржуазии стало труднее

выдавать свои корыстные классовые интересы за общенациональные. Эра господства буржуазной идеологии в освободительном движении уходила в прошлое. Рабочий класс превращался в самостоятельную политическую силу чешского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Urban O.* Česká společnost 1848—1918. Praha, 1982.
2. *Purš J.* Průmyslová revoluce v českých zemích. Praha, 1961.
3. Освободительное движение народов австрийской империи. Период утверждения капитализма. М., 1981.
4. *Karníková L.* K vyvoji naší dělnické třídy v období kapitalismu a nastupu imperialismu.— Československý časopis historický, 1962, № 4.
5. Dokumenty k počátkům dělnického hnutí v Cechách 1864—1874. Praha, 1961.
6. Первый Интернационал. Ч. 1—3. М., 1964—1965, 1970.
7. *Peša V.* Sociálně demokratické hnutí v Habsburské monarchii v letech 1868—1874.— Československý časopis historický, 1974, № 6.
8. *Sindelař B.* Přehled dějin dělnického hnutí na Moravě do heinfeldského sjezdu.— Casopis Matice moravské, 1954.
9. *Wohlgemuthova R.* Cestou k břevnovskému sjezdu 1878. Praha, 1978.
10. *Kolejka J.* Národnostní program v začínajícím socialistickém hnutí v Rakousku 1868—1874.— Casopis Matice moravské, 1974, № 1—2.
11. *Клима А.* 1848 год в Чехии. Начало чешского рабочего движения. М., 1949.
12. *Křížek J.* K 100 výročí břevnovského sjezdu.— Nová mysl, 1978, № 4.
13. *Dohnal M.* Dělnické hnutí na Šumpersku na cestě k sociálně demokratické organizaci.— Casopis Matice moravské, 1974, № 1—2.
14. *Steiner H.* Die Arbeiterbewegung Österreichs 1867—1889. Wien, 1964.
15. *Solle Zd.* Die Sozial-Demokratie in der Habsburgermonarchie und die tschechische Frage.— Archiv für Sociageschichte. (1966—1967), 1967, Bd. 6—7.
16. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. второе, т. 33, с. 533.
17. *Myšková E.* Dělnické hnutí v českých zemích do roku 1918. Praha, 1973.
18. *Verbík A.* Agitační cesta Josefa Hibeše do Cech na přelomu let 1883—1884.— Sborník historický, 1985, № 31.
19. Очерк истории Коммунистической партии Чехословакии. М., 1979.
20. *Шолле З.* Рабочее движение в Чешских землях в конце XIX века (1887—1897 гг.). М., 1954.
21. История Чехословакии. Т. 2. М., 1959.
22. Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. Т. 2. М., 1976.

БЯЛОКОВИЧ БАЗЫЛИ

НИКОЛАЙ ЯНЧУК — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПОЛЬСКО-ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Этническое пограничье — это своего рода феномен. С одной стороны, оно порождает людей, всем сердцем преданных делу познания, понимания и сближения народов, национальностей, культур, способствующих их взаимопроникновению, согласному сосуществованию, созданию некоего культурного сообщества; с другой стороны, оно может усугублять племенную рознь и недоразумения, выдвигать деятелей националистического, шовинистического толка, которые, противопоставляя людей по национальным, языковым, религиозным, сословным и прочим признакам, вносят в отношения между ними хаос, неприязнь, враждебность. Общая же ситуация определяется классовой основой и государственной политикой, ими же обусловлены формы взаимосвязей и взаимоотношений.

Николай Янчук был типичным человеком пограничья в лучшем смысле этого слова. Этнограф и фольклорист, литературовед и писатель, он всегда руководствовался высокими гуманистическими принципами познания, понимания, сближения национальностей и культур. Он был славистом с широкими научными интересами: его внимание привлекали не только восточные, но и западные и южные славяне. Как славянин, он служил замечательной идее Петра Дубровского: «*Slavus sum et nihil slavici a me alienum esse puto*». Он писал по-русски, украински, белорусски. Одна из его работ написана на польском языке, а драмы, комедии и стихотворения — на восточнославянском малорусском подляском народном диалекте. Как исследователь он вошел в историю русской, украинской и белорусской славистики. Его взгляд ученого постоянно обращался к родному Подлясью (см. об этом подробнее в [1, s. 317—330]). Он также внес значительный вклад в исследования польско-восточнославянских связей в области этнографии и музыки, фольклора и литературы. В его наследии важное место занимают разнообразные публикации, касающиеся Польши.

Янчук не раз задавался вопросом: «Кто я по национальности?». Ответить на него было не просто. Живя и работая в Москве, он был тесно связан с русской наукой и культурой, участвовал в их создании. В этом смысле он отождествлял себя с Россией, ее проблемами. Связанный происхождением с «русинской» или «малорусской» (как тогда говорили) частью родного Подлясья, он более всего тяготел к Украине. Здесь коренился его глубокий интерес к «русской» («русинской») культуре в Восточной Галиции и польско-украинским взаимоотношениям на этих землях. Но необычайно близкой ему была и Белоруссия, ближайшая соседка Подлясья, ее народная стихия и рождавшаяся в муках современная ему белорусская литература. Он был решительным сторонником и последова-

тельным борцом за развитие украинской и белорусской национальной литературы и культуры. Он был обеспокоен официальной враждебной политикой правительства Российской империи по отношению к складывавшемуся украинскому и белорусскому национальному самосознанию. Его тревожили непонимание, недооценка этих проблем значительной частью русской интеллигенции. Он популяризировал украинскую и белорусскую литературу в России, всячески поддерживал этнографические, фольклористические, диалектологические исследования, выявлявшие национальную специфику жизни украинцев и белорусов, особенности их культуры, языка, стиля, их национальные черты.

Янчука неизменно привлекала и Польша, ее история, культура, наука. В очерке-комментарии, помещенном в художественном этнографическом альбоме о нациях и народностях, населяющих Российскую империю, он писал: «Из народов славянского племени поляки в числе первых выступили на историческое поприще, очень рано выработали у себя определенный государственный строй, приняли христианство раньше русских славян, достигли значительного культурного и политического развития, но затем, в силу различных внешних и внутренних причин, пришли в полное расстройство и потеряли свою политическую самостоятельность, войдя в состав трех соседних держав: России, Австрии и Пруссии» [2, с. 66].

Далее Янчук подчеркивал достижения польской культуры, литературы и науки: «Несмотря на потерю своей политической самостоятельности, поляки в культурном отношении принадлежат к передовым нациям. Польская литература имеет таких представителей, которые снискали себе мировую славу. Специальные науки и практические знания также быстро развиваются за последнее время, что сказывается во множестве ученых, художественных, технических, промышленных и сельскохозяйственных обществ и в большом количестве специальных изданий, газет, журналов и книг по научной литературе, как переводной, так и оригинальной, появляющейся как в пределах России, так и за границей, где поляки имеют и свой университет — в Кракове» [2, с. 68—69].

Янчук внимательно изучал польские труды по этнографии, фольклористике, музыковедению, археологии, истории и литературе. Его радовало, что польские ученые много внимания, места и времени уделяют археологическим, этнографическим и фольклористическим исследованиям, касающимся не только Польши, но и Украины, Белоруссии и Литвы. Так, работам А. Г. Киркора и О. Кольберга он придавал значение символа [3—6]. Янчук часто умело использовал в своей работе польские исследования: например, он обращался к ним, готовя выступления, посвященные, в частности, караимам и татарам в Литве и Белоруссии [7]. Янчук не раз выражал сожаление, что русская интеллигенция не знает польских трудов по этим отраслям знаний. Слабое знание польского языка русскими учеными, по мнению Янчука, препятствовало развитию сотрудничества и научного обмена. Между тем на польском языке выходит много работ, достойных пристального внимания русских ученых. Характеризуя жизнь и деятельность О. Кольберга, его научное наследие, столь существенное для всей славянской этнографии, фольклористики, музыки, Янчук, в частности, писал: «Многие из русских читателей, вероятно, впервые встретят здесь имя Кольберга, и это нас несколько не удивит, раз мы знаем, что он писал не на немецком или французском, а на одном из славянских языков — польском. В силу какого-то рока, который до сих пор тяготеет над польско-русскими отношениями вообще, этот язык остается для русских неизвестным, лишь за редкими исключениями, и все то громадное количество ученых академических и частных изданий, трудов, исследований и статей, которое печатается на нем, в особенности в последнее время, не только за границей, но и в пределах России, — отделено от русского ученого мира какою-то китайскою стеною. Вот почему мало известны у нас и ценные труды Кольберга.

Оценить эти труды может лишь тот, кто с ними ближе познакомится, кто вчитается в них. И не мало же придется ему употребить времени на

ознакомление с ними: их всего 28 томов, каждый страниц в 300 и более — солидный памятник 50-летнего труда!» [8]¹.

Янчук был горячим поборником и пропагандистом польской литературы, культуры и науки. Он резко отмежевывался от антипольских настроений, которые отражала русская официальная пресса и публицистика. Ничего удивительного, что в Москве его считали большим знатоком польских проблем, польско-русского, польско-украинского, польско-белорусского и польско-литовского пограничья.

Позиция Янчука и его деятельность были сформированы многими факторами. Большую роль сыграло его происхождение и воспитание. Янчук родился 29 ноября 1859 г. в Королевстве Польском, в деревне Корница на Подлясье, в восточной части бывшей Седлецкой губернии (ныне — Бяльскоподляское воеводство). В Словаре членов Общества любителей российской словесности при Московском университете о Янчуке приведены следующие данные (материалы к статье были предоставлены самим Янчуком): «Родители его — Андрей и Ксения — малорусы-униаты, местные крестьяне из однодворцев. После основания в селе Корнице русской школы в 1864 г. сыновья их выучились в школе читать и писать по-русски, а от них выучился и отец, хотя и после деловые записи, письма и т. п. писал всегда по-польски. Осенью 1871 г. Янчук выдержал экзамен в Бельскую гимназию; старшие братья его оставались с отцом на хозяйстве» [10, с. 337].

После отмены крепостного права семья Янчуков купила дополнительно к имевшейся 30 моргов земли, после чего их хозяйство стало одним из самых зажиточных в Корнице (см. об этом [11, с. 9]). Мать мечтала, чтобы хоть один из сыновей стал униатским священником. В ее представлении это была вершина карьеры для крестьянского сына. Позднее Янчук так описал мечту матери в своем поэтическом воспоминании:

Вона все пацюр говорила,
У Бога долі мені просила...
Вона одну надію мала,
Що син Микола ксьондзом буде
Підвищенням над прості люде...
(цит. по: [12, с. 282]).

Однако жизнь сложилась иначе. Учитель корницкой сельской школы А. Мазановский заметил выдающиеся способности Янчука и убедил его родителей в необходимости продолжать учебу мальчика в гимназии в Бяла-Подляске. Он подготовил ученика к экзаменам, и тот успешно сдал их [11, с. 9].

Во время учебы Янчука в гимназии в Бяла-Подляске громким эхом отозвалась в Королевстве Польском ликвидация царскими властями в 1875 г. греко-католической церкви и униатского обряда на территории Подлясья и Хелма. Она взбудоражила и жителей родной деревни Янчука, нарушила обычное размеренное течение крестьянской жизни. Его отец, староста в униатской церкви в Корнице, следуя примеру священника этого прихода, не принял навязываемого силой православия. Не желая впустить в греко-католический храм представителей новой православной администрации, он «потерял» ключи, за что был арестован, заключен в тюрьму и наказан.

Все это осложняло ситуацию ученика гимназии в Бяла-Подляске. К счастью, директор гимназии И. Стронин, человек добрый, отзывчивый, относился к одному из самых способных гимназистов Янчуку с симпатией. Когда русский комиссар по крестьянским делам Е. Н. Гарднер обратился к Стронину с просьбой порекомендовать ему знающего гимназиста на место домашнего учителя, тот выбрал Янчука. В культурной, образованной, прогрессивной семье Гарднеров придерживались либерально-демократических традиций русской интеллигенции. Жена Гарднера, Раиса Александровна (в девичестве Коренева), была двоюродной

¹ Подробнее об отношении Янчука к Кольбергу см. в [9].

сестрой Д. И. Писарева, выдающегося русского революционного демократа, литературного критика и публициста. Их связывало не только родство и совместное воспитание, но и сходные взгляды, взаимная симпатия, сердечная дружба². Спустя годы Раиса Гарднер вспоминала детство и юность, проведенные в доме Писаревых: «Митя был довольно равнодушен к большинству окружающих; но мы с ним были одних лет, росли вместе, и я стала исключительной, но горячею и бесповоротною его привязанностью» [15].

В семье Гарднеров, которую судьба забросила на Подлясье, часто в разной связи вспоминали Писарева и его трагическую смерть³. Образ Писарева — общественного деятеля, служившего прогрессивным идеалам, самоотверженно трудившегося на благо литературы, науки и общества, был здесь жив. Р. Гарднер в некрологе памяти матери Писарева Варвары Дмитриевны, умершей 15(27) июля 1880 г., писала: «Если мы, без придинок к односторонностям и увлечениям Писарева, постараемся вывести из всей его литературной деятельности то, что составило бы, так сказать, его пароль и лозунг, то учение его может быть передано тремя словами: труд, наука и любовь. В этом отношении он воспринял и пропагандировал только то, что его мать проводила в своей жизни: она вечно трудилась, до старости с живейшим участием следила за умственным движением века, и как любила! как умела любить!» [15].

Сказанное подтверждает, что атмосфера, царившая в доме Гарднеров, также повлияла на формирование взглядов Янчука. Гарднеры высоко ценили способности, целеустремленность и, конечно, огромное трудолюбие Янчука, его честность, усердие, увлеченность наукой. Они ценили и его музыкальный талант. После смерти отца Янчука они особенно заботились о юноше. Возвращаясь в 1879 г. в Москву, они взяли его с собой. При их содействии он поступил в восьмой класс V гимназии, считавшейся одной из лучших в Москве.

Таким образом, помощь и забота Гарднеров, и особенно двоюродной сестры Писарева, определили дальнейшую судьбу Янчука, позволили ему закончить гимназию, поступить в Московский университет и начать творческую и научную деятельность. В Москве — тоже благодаря Гарднерам — Янчук попал в среду прогрессивной демократической русской интеллигенции. Он всегда испытывал чувство искренней благодарности к своим покровителям. Это полностью подтверждает уже упоминавшаяся нами статья о Янчуке в Словаре членов Общества любителей российской словесности при Московском университете: «Перейдя в 6-й класс гимназии, Я(нчук) был откомендован директором Строниним в качестве домашнего учителя в семью комиссара по крестьянским делам, Евг(ения) Ник(олаевича) Гарднера, двоюродного брата тогдашней владелицы известного фаянсового завода. Под влиянием умной и весьма образованной хозяйки дома, двоюродной сестры Д. И. Писарева, урожденной Кореновой, Я(нчук) получил развитие с известной либеральной окраской и примирился не только с „москалями“, но и с ненавистным прежде православием. Здесь же он занимался музыкой. В 1879 г. он переехал вместе с семьей Гарднера в Москву и не без труда был принят в 8-й класс V моск(овской) гимназии. Директор V гимназии, Вас. Петр. Басов, заинтересовался им и путем долгих убеждений уговорил его отказаться от лелеемой им мысли о медицинском факультете и поступить на филологический. В университет(ете) Я(нчук) занимался у Н. С. Тихонравова древнерусской литературой и у А. Л. Дювернуа славянскими наречиями, особенно чешской и польской литературой; кроме того, летом гостя у Ив. Ив. Писарева, отца Д. И. Писарева, изучил итальянский язык и практиковался в английском; испанский яз(ык) и древнееврейский, которыми он начал было заниматься, впоследствии были им заброшены. Религия для него в это время определилась: еще в 8-м классе он уже исповедовался у пра-

² О взаимоотношениях Писарева, Р. Кореновой и Гарднера см., например, [13; 14].

³ Писарев утонул 4(16) июля 1868 г. в Дуббельне под Ригой в Рижском заливе.

вославл(ого) священника, хотя отец и мать так и умерли униатами, а остальная семья перешла в католичество» [10, с. 338].

Во время учебы в Московском университете Янчук пользовался расположением проф. Н. С. Тихонравова (1832—1893). В 1859—1889 гг. тот руководил кафедрой истории русской литературы, а в 1877—1883 г. был ректором. На этом посту Тихонравов проявил себя как сторонник университетского самоуправления, а что касается его научной деятельности как литературоведа, то он был представителем академической культурно-исторической школы [16]. В 1885 г., когда Янчук закончил университет, Тихонравов оставил его на кафедре с целью продолжения образования. Заметив интерес Янчука к фольклору и этнографии, он всячески поддерживал его и советовал изучать материал, известный ему по собственному опыту.

Еще будучи учеником гимназии в Бяла-Подляске, Янчук, навещая родителей в Корнице, проявлял интерес к местному фольклору. Какое-то время в Корнице квартировал отряд казаков. Ученик четвертого класса гимназии, приехавший на зимние каникулы в деревню, стал записывать понравившиеся ему казацкие песни. Как считает Г. Петровская, это и было своеобразным дебютом Янчука-фольклориста [11, с. 10]. Подляским фольклором Янчук увлекался и во время его приездов на родину из Москвы. Увлечение народным творчеством определило тему его письменной работы, представленной в качестве экзаменационной на аттестат зрелости при окончании московской гимназии: «Народные мотивы в произведениях Пушкина». Народное творчество привлекало его и в годы учебы в университете. Он охотно посещал лекции по фольклористике и этнографии, изучал научные труды по этим дисциплинам.

Таким образом, совет, данный Тихонравовым, попал на благодатную почву — он стал для Янчука своего рода нравственным наказом. Он вновь посещает родное Подлясье, ведет исследования в Корнице, сверяет свои прежние наблюдения и записи с новыми, дополняет и обогащает их соответствующей литературой. Так возникает труд «Малорусская свадьба в Корницком приходе Константиновского уезда Седлецкой губернии (по собранным лично материалам, с нотами)», который Янчук публикует в 1886 г. в Москве, в 48 томе издательской серии «Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», затем издает в виде отдельного оттиска [17], а в 1891 г. — в несколько сокращенном варианте — перепечатывает в седлецком губернском календаре [18, с. 233—346]. В предисловии Янчук подчеркивает значение польско-восточнославянского пограничья для научных исследований: «Западная окраина нынешней России во многих отношениях представляет громадный интерес. Как для историка, так и для этнографа, и для лингвиста эта страна может доставить массу материала, способствующего уяснению многих вопросов, имеющих немаловажное значение для понимания исторического хода событий на юге и западе России и для правильного взгляда на явления современной жизни этого края. Вспомним племенную борьбу русских, поляков, литовцев, немцев и других национальностей, борьбу, которая, начиная с глубокой древности, непрерывно кипела в этом уголке нашего отечества; эта борьба часто велась не на жизнь, а на смерть, сопровождалась кровопролитными войнами и имела своим последствием совершенное исчезновение или вырождение целых отдельных племен, игравших некогда не последнюю роль в истории славян (таковы, напр., ятвяги). Но если мы даже оставим в стороне древнюю историю и обратим внимание лишь на ближайшие к нам события, то и в этом случае мы придем к тому же заключению. Даже не зная истории, достаточно взглянуть на этнографическую карту западной России, чтобы понять всю важность этой окраины. Бассейн западного Буга представляет собою рубеж, на котором сталкиваются славянские племена: малорусы, белорусы, поляки, сюда же примыкают литовцы; кроме того, с окончательным присоединением Польши и с водворением в ней новой государственной жизни, западная окраина, понятным образом, подчинилась непосредственно великорусскому влиянию; наконец, иноплеменные народы, евреи и немцы,

издавна наложили особый отпечаток на эту страну и продолжают оказывать на нее свою долю влияния. Вот обстоятельства, поставившие в особенные условия страну, о которой мы говорим» [18, с. 233—234].

В центре внимания Янчука — в основном уезды в бывших Седлецкой и Люблинской губерниях в Королевстве Польском, где проживало украинское население, которое тогда называли «русским», «русинским» или «малорусским». Янчук чаще всего употребляет последнее название: «В настоящем очерке имеются в виду лишь малороссы, живущие по левую сторону запад(ного) Буга. На первый взгляд может показаться странною речь о малороссах в Польше. При слове „малоросс“ мы привыкли переноситься мысленно в окрестности Полтавы, Киева и т. д., но никак не в Польшу. Однако было бы не менее странно, если бы мы стали утверждать, что в Польше нет малороссов, хотя, правда, подобные утверждения приходится выслушивать неоднократно. Цифровые данные о численности малорусского населения в Польше имеются в VII томе „Трудов этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край, снаряженной Императорским Русским Географическ(им) Обществом“, СПб. 1872—7 г., вып. 2, стр. 362, 364—374.

Малорусское население по левую сторону запад(ного) Буга занимает всего несколько уездов Седлецкой и Люблинской губерний, и разместилось оно как бы островами среди поляков, евреев, немцев и отчасти даже татар. Уже одно это обстоятельство не позволяет нам искать среди тамошних малороссов однообразия в быте и языке. И действительно, разнообразие на протяжении всей области, занятой малорусским населением в упомянутых губерниях, тотчас бросается наблюдателю в глаза» [18, с. 235—236].

Исследуя Корницу как фольклорист и этнограф, Янчук задумывается и о названии этой местности: «Относительно имени Корница ничего до сих пор нельзя было узнать. Можно, пожалуй, предположить одно объяснение, не свободное, впрочем, от натяжки. В этом селе находятся два ключа, довольно обильные водою; прежде они были еще обильнее, но их, говорят, забили овечьей шерстью, чтобы они не заливали полей и лугов. По народному поверью, овечье руно останавливает чрезмерное прибывание воды в так наз. бездонных криницах. (Ср. *Zbiór Wiadomosci/do Antropologii Krajowej*, изд. Краковской Академии, т. III, отд. 3, стр. 98, Краков, 1879). Может быть, один из этих ключей имел некогда важное, пожалуй, даже религиозное значение для всей этой местности, тем более, что по близости нет значительных ключей, и от него и деревня названа Криницею, а это имя искажилось (ср. неустойчивость звуков этого слова в разных малорусских говорах: криниця, кирниця, керниця; глухой звук при *r* мог усилиться и в *o*). Эта догадка подрывается тем, что нарицательное имя *криниця* (ключ) неизвестно здесь в другой форме» [18, с. 237, прим. 2].

С точки зрения ономастики, конечно, возможны и другие и более убедительные толкования названия Корница (ср. *kora*, *kornik*, *kornikowu*, *kornikowaty*, *gniazda kornikowe*, а также *kornu*, *pokornu*, *kornie* и *korniak* или *korzeń*, *korzenny* — укр. корінь, корінний; русск. корень, коренной; белорусск. корань, карэнны). Однако и интерпретация Янчука как одна из возможных также может и должна приниматься во внимание.

Янчук собрал в Корнице и обработал интереснейший свадебный материал, необычайно ценный для понимания специфики польско-украинского пограничья на Подлясье. На основе собранного материала автор доказывает, что в свадебном обычае в Корнице — наряду с украинскими — используются и польские песни. Последние не только существуют на равных правах с украинскими, но нередко им оказывается предпочтение: «Вообще польская песня в этой местности не только пользуется одинаковым правом гражданства наравне с малорусскою, но часто даже предпочитается последней. Смесь польского с своим родным — вещь до такой степени здесь обыденная, что иногда девушка начнет песню по-малорусски и, сама того не замечая, окончит ее по-польски, или наоборот. Особенно в ходу польские краковяки среди молодежи; во время пляски и музыки

их слышится гораздо больше, чем коломыек и т. п. Выбросить из описания польские песни значило бы, поэтому, совершенно пренебречь одною из самых существенных черт местного быта.

Следует сказать вообще, что по песням не всегда можно составить верное представление о местном говоре. Не говоря уже о том, что песни не исчерпывают всей полноты отличительных черт говора, даже и в том материале, который они дают, очень много форм и самых слов чисто песенных, неупотребительных в современно обыденной речи» [18, с. 239—240].

Янчук обратил внимание также на характерные черты украинского наречия в Корнице. К ним он относит прежде всего дифтонги, т. е. двугласные, сочетания двух гласных, один из которых является неслоговым: «Характерные особенности корницкого говора составляют сложные звуки: ie, ia, yo, юо» [18, с. 240]⁴. Процесс превращения гласных в дифтонги (так называемая дифтонгизация) был характерен не только для Корницы и восточнославянских подляских говоров, но и для заимствуемых местным населением польских слов, выражений, песен. Это и старался зафиксировать Янчук в своих записях.

Работа Янчука вызвала большой интерес в научных кругах. Так, она получила высокую оценку известного русского литературоведа и этнографа А. Пыпина [21], украинского литературного критика и этнографа В. Горленко [22] и польского этнографа, музыковеда и языковеда Я. А. Карловича, редактора варшавского географического и этнографического журнала «Висла». Последний писал: «Тщательное, добросовестное описание свадьбы, к тому же имеющее к нам непосредственное отношение; здесь собрано множество польских песен, которые жители Константиновского уезда поют наравне с русскими; песни и обряды с многочисленными параллелями из сборников польских народных песен и обрядов. В одном из следующих номеров мы по договоренности с г-ном Янчуком опубликуем все польские песни и тексты, представленные в этом сборнике, а также описание самого обряда. Пока же в качестве образца процитируем несколько строф, впрочем, у нас неизвестных» [23].

Одну из самых крупных своих работ «Вертеп в Корнице» Янчук написал по-польски; ее любезно опубликовал Я. Карлович на страницах журнала «Висла» [24, с. 729—753]. Янчук выказал в своей работе огромную эрудицию, прекрасное знание польской и восточнославянской литературы на тему кукольного рождественского представления, умение подлинно научно анализировать фольклорный и этнографический материал. Главная тема его исследования дана на широком сравнительном польско-восточнославянском фоне. В начале работы он писал: «Некогда в Польше, на Руси и в Литве был широко распространен обычай представлять Рождество Христово с помощью театра марионеток, т. е. так называемой шопки или вертепа. Ныне наш народ все реже обращается к этой великой драме из христианской истории. Сегодня мы находим лишь жалкие остатки этого старинного обычая в разных местах Королевства и империи. Этот народный театр называют по-разному: в Подлясье и в других местах старой Польши его называют „шопкой“ или „яселками“; на Украине „вертепом“, в Минской губернии „батлейками“ (от Betleem — Вифлеема), а тех, что показывают представление — „батлейчиками“; в Гродненской губернии их называют „ралошниками“; в Могилевской — „кукольными“». «Ралошниками» и «кукольными» называют также „волочевников“, поздравляющих с Пасхой (без представления); но значение этих слов тесно связано с театром марионеток, т. к. ралошник — это эквивалент русского

⁴ Именно эти характерные черты отмечал Ч. Нейман, подтверждая свои выводы научными авторитетами в области языкознания. В письме от 10 апреля 1884 г., отправленном из Киева в Краков, О. Кольбергу, он описывает территориальное размещение украинских диалектов: «Северная группа охватывает Черниговскую губернию, Полесье (Пинчуки и Полешуки) и Подлясье (Хелмское). Главной чертой северного диалекта являются дифтонги: io, ui, ei (...). Если вы исследуете сейчас хелмские земли, как следует из письма д-ра Коперницкого, то Вы уже столкнулись с подляским говором северного русинского наречия — так во всяком случае нам кажется. Для этнографа — это очень интересный уголок; нива, пока почти не тронутая этнографами» (цит. по [19]; ср. [20]).

„раешника“, кукольного представления (раек), то же самое означает „кукольник“ (от кукла).

Значительно шире ныне распространен обычай носить звезду, ходить с козой, с конем, переодеваться евреем, цыганом и т. п., но вертеп там, где он сохраняется, всегда важнее прочих названных игр. Если коза, конь, звезда и т. п. считаются детскими шалостями, забавами, то к вертепу относятся с большей церемонией, его слушают с большим вниманием, особенно сцены, непосредственно связанные с основным содержанием — Рождеством Христовым.

Устройство и представление вертепа по традиции сохраняется в некоторых деревнях и городках, откуда кукольники ходят по округе, устраивают представление в усадьбах, корчмах и т. п. Мне известно одно из таких мест в Седлецкой губернии: довольно большая деревня Корница в Константиновском уезде, где проживают русины. Здесь вертеп показывают время от времени, и я хотел бы рассказать о нем, дополняя описание текстами и собственными примечаниями» [24, с. 729—730].

Историю вертепа в Корнице Янчук воспроизводит на основе воспоминаний детских и юношеских лет. Он приводит множество фактов и обстоятельств, известных ему по собственному опыту, и сопоставляет их с нынешним состоянием: «Некогда вертеп в Корнице был в большом почете; представления устраивали взрослые, на него не жалели денег, старались, чтобы оно было занимательным. Теперь вертеп — дело ребятишек, он утратил значение, стал забавой. Представление устраивают уже не каждый год, а через несколько лет вертеп вообще может исчезнуть.

Прежде корницкие кукольники ходили по всей округе. В каждой деревне их с радостью встречала сельская интеллигенция: в доме приходского священника, в усадьбе, в школе, в волостном правлении. Иногда кукольники отправлялись в близлежащие городки: Константинов, Лосице. Праздничный обход продолжался несколько дней; в нем участвовала группа юношей, они выступали в сопровождении скрипки, барабана и иногда также гармоники. Разница в новом и старом календаре была им на руку — у них было достаточно времени: с начала католических и до конца русских праздников они могли посетить немало городков и сел. Кукольники обычно начинали свои празднования вместе с другими колядовщиками вечером в день святого Щепана, и поэтому здесь обычно называют колядование „щепанованием“, а колядовщиков — „щепаниками“, хотя тех, что ходят с „шопкой“, чаще называют „шопарями“. Колядовщики, не имеющие шопки, ходят обычно ночью, встают под окном, поют колядки и получают за это крошки хлеба, кусочки мяса, а иногда и несколько монет, тогда как „шопкари“ выбирают более богатые семьи, их обычно приглашают в дом, в который они входят с рождественской песней, например, с такой, как „В яслях лежит“, „Ангел пастырям говорил“, „Небо и земля ныне торжествуют“ и др. Закончив колядку, они спрашивают позволения показать „немцев“ — так обычно называют фигурки вертепа. Они устанавливают вертеп на некотором возвышении, на столе или на столике, чтобы всем было видно, что в нем будет происходить. Музыканты наигрывают, а мастер встает сзади и двигает фигурки,водя их снизу за проволочки и сопровождая каждую сцену соответствующим текстом. После окончания представления они либо снова поют колядки, либо исполняют музыку, а раззадоренная публика от души дурачится, пользуясь неожиданным приходом веселых гостей — и щедро их угощает. Таким путем старые корницкие кукольники порой могли собрать довольно большую сумму денег» [24, с. 730].

Много внимания уделяет Янчук установлению, «откуда происходит вертеп и благодаря кому он попал в Корницу» [24, с. 731]. Он высказывает предположение, что впервые вертеп привез в Корницу один монах из монастыря святого Павла в Лесной — в качестве подарка местному униатскому священнику С. Ганниткевичу. Согласно Янчуку, это были «прекрасно сделанные ясли с фигурками младенца Иисуса, Иосифа с Марией, пастушков и двух животных. В рождество эти ясли ставили на алтарь в церкви на показ народу, как это было принято в давние времена в Поль-

ше. Возможно, здесь и берет начало обычай устраивать вертеп и показывать представление» [24, с. 731].

Корницкий вертеп, по мнению Янчука, стал богаче и разнообразнее благодаря усвоению традиции бельского вертепа, связанного с монастырями Василия Великого и реформатским.

«В Бялой, пишет Янчук, тоже издавна существовала окружная школа (нынешняя гимназия), в которой обучались сыновья богатых граждан, униатских священников и других зажиточных людей со всей округи. Ученики окружной школы неизменно участвовали в представлениях городского вертепа во время зимних каникул, а если и не участвовали, то по крайней мере были зрителями. Во всяком случае некоторые из них знали бельский вертеп и, возвращаясь в свои деревни, возможно, и у себя дома пытались устраивать нечто подобное. Преемник вышеупомянутого корницкого священника Ганнйткевича, его сын Циприан, также учился в окружной школе и наверняка хорошо знал бельский вертеп. До недавнего времени он имел приход в Корнице и всегда благосклонно и охотно принимал у себя в доме корницких кукольников и, может быть, благодаря его благосклонности в Корнице этот обычай сохранялся дольше. Огромная радость всегда переполняла сердца многочисленного семейства священника Циприана при виде бедного вертепа, обклеенного цветной бумагой, с деревянными куклами, с музыкой, исполняемой на гребешке или губной гармонике, а реплики невидимого автора к каждому действовавшему на сцене персонажу вызывали веселый смех даже самого уважаемого священника» [24, с. 732—733].

Представления обычно проходили на польском языке. Лишь в финальных сценах дьявол и баба говорили на местном «русинском», т. е. малорусском (украинском) наречии. Янчук отмечает, что это связано с «высмеиванием крестьян и, конечно, было выдуманно не самим народом» — и добавляет: «Это неприятные отголоски давнего отношения шляхты к простому русинскому народу. Польский язык в устах нечистой силы казался святотатством, считалось, что русинский язык, грубый и низменный, лучше подходит таким персонажам, как дьявол и баба, ведь и она когда-то должна была знаться с дьяволом. Драка бабы с чертом часто встречается в народных сказках; такая баба всегда бывает ведьмой» [24, с. 751]. Далее Янчук приводит свои воспоминания и сопоставляет их с персонажами вертепа: «Баба Малиновская некогда жила в Корнице, она была из тех, о которых корничане говорят: „То такая баба, що чортови не дасца“ или „Вона од собаки одхрызетца“. Однако ее не считали ведьмой, и в вертепе она должна была занять место другой ведьмы» [24, с. 752].

Янчук интересовался и литературой по антропологии и археологии Подлясья. В частности, он обратил внимание на публикацию антрополога В. Олехновича [25]. Но главными для него были собственные исследования. Корница стала исходным пунктом более масштабных исследований Подлясья, его этнографии, фольклора и археологии. Исследования он проводил не только в период экспедиций в Седлецкую губернию (например, в 1887, 1888 и 1891 гг.), но и во время частных поездок на родину. Результаты этих исследований он отразил в этнографических очерках, посвященных Седлецкой губернии [26], а также в работе, обобщавшей материал научной экспедиции на Подлясье в 1891 г. [27, с. 233—255, прилож. с. I—VIII]. В первую очередь Янчука интересовали те земли в бывших Седлецкой и Люблинской губерниях Королевства Польского, на которых проживало восточнославянское население. Он подчеркивал, что в основном занимается «местными малорусами, которых, в отличие от малорусов украинских и других, мы можем назвать подляскими или польскими (т. е. живущими в Польше) малорусами» [27, с. 227—228]. Янчук следующим образом определял ареал, который его интересовал прежде всего: «Живя сплошной крестьянской массой, отчасти вперемешку со шляхтою, немцами и евреями, эти подляские малорусы занимают 7 уездов (из 10) Люблинской губернии, именно: Холмский, Грубешовский, Томашовский, Любартовский, Красноставский, Яновский и Белгорайский, и 5 уездов (из 9) Седлецкой губернии, именно: Володавский, Бельский, Радинский, Конс-

тангиновский и Соколовский. В остальных уездах этих двух губерний, конечно, тоже найдутся кое-где малорусы, но мы указываем на местожи-тельства главной их массы. Они живут вообще в восточных частях этих двух губерний. К ним с востока примыкает непосредственно Гродненская губерния теми своими частями, которые тоже заселены малорусами (уез-ды: Брест-Литовский и Бельский), далее Волынская губерния, наконец с юга — Галиция. Таким образом, польские малорусы не являются чем-то оторванным от целого; они только составляют самое крайнее, самое запад-ное звено непрерывной цепи малорусского населения, тянущейся по юж-ной полосе нынешней России и захватывающей на юге Галицию. Дальше на запад уже стеной стоит польско-мазовецкое племя. Всего малорусов в Польше можно считать более 300.000, причем на Люблинскую губернию придется несколько больше, чем на Седлецкую. Область польских ма-лорусов в упомянутых двух губерниях представляет собою клинообраз-ную полосу, обращенную острым концом к северу (Соколовский уезд, Седлецкой губернии); она тянется с северо-запада на юго-восток по на-правлению от Соколова (Седлецкой губернии) к Томашову (Люблинской губернии), на протяжении 300 верст по течению з. Буга и достигает в южной своей части в ширину около 150 верст» [27, с. 228—229].

Именно на этой территории Янчук собрал оригинальный этнографиче-ский материал, который принес в дар Этнографическому музею в Москве, что значительно обогатило его собрание (см. [28 — 30]). Отдел, представ-лявший «малорусскую» этнографию в Королевстве Польском, был предме-том гордости Янчука. Он неоднократно отмечал, что в связи с углублением католического и польского влияния на землях, где проживают бывшие униаты, на Подлясье исчезают местные русинские диалекты, старые тра-диции, обычаи и нравы, а также в этнографическом отношении меняется жизнь всего этого населения. Он писал об этом и в работе 1913 г. «К антропологии малорусов-подлясян» [31, с. 12]: «Назад тому более 25-ти лет (в 1887 г.) мне удалось собрать небольшой антропометрический мате-риал среди тамошних малорусов, когда они еще не совсем отказались от своей национальности и только тайно считали себя католиками (или на их языке поляка́ми), а, следовательно, и сохраняли еще более чистый тип, чем новейшее поколение. (...) Мои наблюдения относятся почти исключи-тельно к Константиновскому уезду Седлецкой губ(ернии). Измерения про-изведены в разных селениях следующих гмин Констант(иновского) у(ез-да): Корница, Гушлев, Своры, Бордзюловка, Рокитно, Заканале, Павлов, Бубель, Горошки. Несколько данных добыты в Бельском у(езде) той же губернии, где я, как местный уроженец, с большой легкостью мог произ-водить антропометрические измерения, не встречая препятствий во вре-мя своих летних поездок с научной целью по поручению Императорского Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии» [31, с. 2].

В своих работах, в разного рода высказываниях Янчук неоднократно касался вопроса колонизации Подлясья, происходившей параллельно с усилением царской политики русификации в Королевстве Польском, осо-бенно после Январского восстания 1863 г. На первый взгляд, это может показаться парадоксальным. Но при внимательном рассмотрении этой проблемы обнаруживается, что она — «белое пятно», требующее иссле-дования и истолкования. Я. Ивашкевич писал: «Мы много говорим о ру-сификации поляков и совсем не принимаем в расчет фактор колонизации русских. Но этот фактор имел определенное значение. (...) Сенаторша Го-товцева, дочь полковника Заблоцкого, который отдал приказ стрелять в демонстрацию на Замковой площади в 1861 году, воспитанная в Варша-ве, в шутку упрекала меня, что у меня плохое польское произношение. Помню, в 1911 году я ехал из Ченстоховы в Колюшки. На вокзале больш-ая группа молодежи провожала юношу в гимназической фуражке (а это было в период бойкота русских школ), который уезжал из Ченстоховы „в глубокую Рассею“. Все эти молодые люди были русские, дети чиновни-ков из Петровской губернии, но говорили они друг с другом по-польски, на чистейшем польском языке» [32].

Ивашкевич затрагивает несколько иной аспект проблемы. Что же касается Подлясья, то политикой русификации на этих землях была вызвана и ликвидация унии в 1875 г. Однако впоследствии она дала результат, которого никак не ждали царские власти: она ускорила колонизацию этих земель. В результате императорского указа о веротерпимости, изданного в 1905 г., «официально» более 250 тыс. бывших униатов на территории Подлясья и Хелмщины в Королевстве Польском вместо насаждаемого царским правительством православия, приняли католичество (см. [33]). Тому был целый ряд причин. Их и выяснял Янчук. Безусловно, он понимал, что предки униатов до Брестской унии (1596) были православными. Греко-католический обряд принимали исключительно православные и чаще всего принудительно. Ставилась цель с помощью религии теснее связать все население тогдашнего польско-литовского государства с официальной политикой Речи Посполитой.

Однако, как считал Янчук, в 1596—1875 гг. среди греко-католиков в Королевстве Польском сформировалась собственная традиция, отличная и от православной и от римско-католической. Признание униатами власти папы и Рима не означало отказа от собственных религиозных традиций. Униаты сохранили литургию по восточному обряду на старо-церковно-славянском языке, юлианский календарь, особую церковную иерархию и право низшего духовенства вступать в брак. Несмотря на польское и латинское влияние, постепенное введение проповедей на польском языке, использование некоторых католических традиций в отпраздновании религиозных праздников, особенно в литургии, униатская вера, по мнению Янчука, была оплотом малорусов, как национальности, на Подлясье. Пример Львова и Восточной Галиции укреплял его в этом убеждении. Этим и объясняется критическое отношение Янчука к официальной ликвидации унии в Королевстве Польском в 1875 г.

Причины сложившейся на Подлясье ситуации были отнюдь не простыми. Россия была неведома, она находилась далеко; в значительном отдалении находились и Киев, Харьков, Чернигов, Полтава — важные центры украинской культуры, а Львов был ближе, но за границей. Политика царского правительства на Подлясье по отношению к малорусскому населению означала только официальное православие и официальную русификацию. Правительственные меры такого рода местная интеллигенция воспринимала крайне отрицательно, т. к. видела в этом нарушение исторически сформировавшейся традиции. В то же время польское влияние подляские малорусы испытывали повседневно. Все польское казалось им близким и привычным. Постепенно их отношение ко многим явлениям жизни становилось сходным, складывалось подобное или даже идентичное отношение к жителям других земель, расположенных за Бугом. Янчук подметил это сходство. В уже цитировавшемся нами очерке «Вертеп в Корнице» он писал: «Не только шляхтич, но и русин с Подлясья всегда испытывает неприязнь к братьям из-за Буга. Белорусов, русинов, литовцев, населяющих земли за Бугом, здесь без различия называют Литвой, литовцами, и эти названия имеют значение оскорбительных прозвищ. Подлясьяне считают, что литовцы ниже их по уровню и смотрят на них свысока. Литовцу ведомо разные колдовства, суеверия, используя таинственные силы, он умеет причинить людям вред, он больше верит дьяволу, чем Богу и настоящей веры не знает» [24, s. 742].

Причина такого положения, по мнению Янчука, коренится в далекой истории: «Антагонизм, вероятно, существует с незапамятных времен, корни его в эпохе жестоких войн с Литвой, когда литовцы из-за Буга опустошали подляскую землю — народные пословицы хранят эту память доныне. Эта ненависть к литовцам, ятвягам была перенесена и на другие, причем даже родственные, племена, живущие за Бугом» [24, s. 743].

На Подлясье не сформировалась малорусская интеллигенция с украинским национальным самосознанием. В связи с враждебной политикой царского правительства по отношению к национальному украинскому движению в Королевстве Польском вообще не было местных изданий, предназначенных для малорусского населения. Доступ украинских изда-

ний из Львова был затруднен. А польское влияние на Подлясье в сознании многих малорусов ассоциировалось с культурой, просвещением, наукой, прогрессом. Поэтому нет ничего удивительного в том, что по примеру униатских священников, воспитанных на польской культуре, многие малорусы после ликвидации греко-католической церкви, отказывались принимать официальное православие и предпочитали перейти в католичество, испытывая все более сильное польское влияние. Этот очень сложный процесс ассимиляции Янчук описывает следующим образом: «От дикой Литвы много веков тому назад подляские малорусы сумели уберечь свою национальность, но натиску культурной Польши в наше время они не в силах противостоять, и если этим малорусам, по причинам, указанным мною в начале, суждено окончательно денационализироваться, то я, как один из их представителей, счастлив тем, что мне удалось еще захватить и сохранить для науки, вместе с образцами их исчезающего говора и звуками замолкающей ныне родной песни также и некоторые черты их физического типа» [31, с. 11—12].

Янчук искренне сожалел о денационализации малорусского населения на Подлясье, об утрате, в связи с принятием католичества, малорусских градиций, об отказе от украинского национального самосознания и прогрессирующей колонизации. Он хотел спасти от забвения «малорусскую речь», т. е. язык «подляских малорусов». Стремясь зафиксировать исчезающий диалект, он разработал его орфографию. И именно на этом языке, языке корницких крестьян он писал комедии, драмы, драматические сценки, а также лирические интимные и рефлексивные стихотворения (см. об этом [12, с. 282—284]). На подляско-корницком говоре он написал в 1918 г. поэтическое послание «Янке Купале»⁵. Это было выражением искренней признательности замечательному белорусскому поэту, который в своем творчестве, черпая материал из народных источников, запечатлел подлинные ценности белорусского языка, придал поэтическому слову очарование и ослепительный блеск. В основе столь уважительного отношения Янчука к Я. Купале лежало его убеждение в огромной роли поэта в истории белорусской литературы. Литературы, которую Янчук знал и ценил, что засвидетельствовано в его многочисленных трудах⁶.

Белорусские писатели Я. Купала, Я. Колас и М. Богданович покоряли Янчука искренним демократизмом, просветительским характером творчества, любовью к белорусскому языку, глубокими и всесторонними связями с жизнью белорусского народа, его тяжелой долей и редкими радостями, его тревогами и надеждами. Особенно радовало Янчука то, что Белоруссия, часто рассматриваемая как этнографическое польско-русское пограничье, создала собственную литературу, а белорусский народный язык обрел в творчестве писателей ту притягательность и силу, которые обеспечивают белорусской литературе прочное место в семье славянских литератур.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Białokozowicz B. Mikołaj Janczuk i jego związki z Podlasiem.*— *Slavia Orientalis*, г. XXXIII, 1984, № 3—4.
2. Народы России. Краткие объяснительные очерки к Художественно-Этнографическому Альбому, изданному под редакцией Н. А. Янчука, хранителя Дашковского Этнографического Музея в Москве. М., 1905.
3. *Янчук Н. А.* А.-Г. К. Киркор — ученый исследователь Литвы и Белоруссии. Некролог.— Киевская старина, 1887 г., июнь — июль, с. 17.
4. *Янчук Н. А.* А. К. Киркор. Краткий очерк жизни и деятельности.— В кн.: Древности. Т. XII. М., 1888, с. 29.
5. *Янчук Н. А.* Оскар Кольберг (по поводу 50-летия его деятельности).— Этнографическое обозрение, М., 1890, кн. II, с. 124—134.
6. *Янчук Н. А.* (Некролог) Оскар Кольберг.— Этнографическое обозрение. М., 1890, год 2-й, кн. V, № 2, с. 174.

⁵ Янкови Купали. Полный текст этого послания впервые опубликовал В. Рагойша [34]. См. мою рецензию на эту работу [35]. Там же перепечатан полный текст поэтического послания «Янке Купале». Мы приводим этот текст также в [36]. См. также фотокопию рукописи в [1, с. 326—327].

⁶ Подробнее об отношении Янчука к белорусской литературе см. в [37].

7. Известия Императорского Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, состоящего при Московском университете, т. ХС. Труды Антропологического Отдела, т. XVIII, вып. 1, 2 и 3. Под ред. Д. Н. Анучина и секретарей Отдела Н. В. Гильченко и А. А. Ивановского. М., 1897, с. 464—465, 514—521.
8. Янчук Н. А. Оскар Кольберг. (По поводу 50-летия его деятельности.) — Этнографическое обозрение, кн. II, М., 1889, с. 1—2 (отд. оттиск).
9. *Białokozowicz B.* Mikołaj Janczuk o Oskarze Kolbergu i Adolfie Chybińskim. — *Slavia Orientalis*, г. XXXVI, 1987, № 3—4.
10. Словарь членов Общества Любителей Российской Словесности при Московском университете (1811—1911). М., 1911.
11. Петровская Г. А. Не погасла звезда. Жизненный и творческий путь Н. А. Янчука. Минск, 1987.
12. Суцлов М. Микола Андрієвич Янчук. — Наука на Украине, 1922, № 3.
13. Соловьев Е. А. Д. И. Писарев — его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк, 3-е изд. СПб., 1899, с. 27—28, 45, 55—59, 71, 109—110.
14. Коротков Ю. Н. Писарев. М., 1976, с. 16—22, 32—34, 133—134, 155—161, 220—222.
15. Гарднер Р. А. Варвара Дмитриевна Писарева. — Русская старина, год XXIX, 1880, № 12, с. 1010.
16. Мецкерский Н. А. Тихонравов Николай Саввич. — В кн.: Славяноведение в до-революционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979, с. 330—331.
17. Труды Этнографического Отдела Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, состоящего при Московском университете. Кн. VII. М., 1886, с. 125 (отд. оттиск).
18. Малорусская свадьба в Корницком приходе Константиновского уезда Седлецкой губернии. Составил по собранным лично материалам Н. Янчук. — Памятная книжка Седлецкой губернии на 1891 год. Седлец, 1891.
19. Kolberg O. Dzieła wszystkie. Т. 66. Korespondencja Oskara Kolberga, cz. III (1883—1890). Zebr. i opr. M. Turczynowiczowa. Oprac. koment. i red. A. Strukwa i E. Krzyżaniak-Millerowa. Wrocław — Poznań — Kraków — Warszawa, 1969, s. 149.
20. Kolberg O. Dzieła wszystkie. Т. 33. Chełmskie. Obraz etnograficzny, cz. I. Warszawa, 1964, s. 40—43.
21. Вестник Европы, Санкт-Петербург 1886, № 6, с. 829—831.
22. Клевская старина, 1886, № 10, с. 369—372.
23. Wisła, 1888, t. II, s. 232.
24. Janczuk M. Szopka w Kornicy. — Wisła, 1888, t. IV.
25. Янчук Н. Курганы Люблинской губернии. — Археологические известия и заметки 1898, № 11, 12 (отд. оттиск).
26. Этнографические очерки Седлецкой губернии. Сообщены и составлены членом-секретарем Этнографического Отдела Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, доцентом Московского Университета и уроженцем Седлецкой губернии, Константиновского уезда, Н. А. Янчуком. — Памятная книжка Седлецкой губернии на 1890 год. Седлец, 1890, с. 297—324.
27. Янчук Н. Несколько слов по поводу археологическо-этнографической экскурсии в Седлецкую губернию в 1891 году. — Памятная книжка Седлецкой губернии на 1892 год. Седлец, 1892.
28. Московский Публичный и Румянцовский Музеи. Путеводитель по Этнографическому Музею. I. Отделение Иностранной Этнографии. II. Дашковский Этнографический Музей. Хранитель Этнографического Музея Н. А. Янчук. Помощник хранителя А. А. Борзов. Вновь переработанное издание. М., 1908, с. 107, 119—120.
29. Московский Публичный и Румянцевский Музеи. Иллюстрированный путеводитель по Этнографическому Музею. Хранитель Этнографического Музея Н. Янчук. Помощник хранителя В. Богданов. М., 1910, с. 78—79, 93—94.
30. Императорский Московский и Румянцевский Музеи. Путеводитель по Этнографическому Музею. I. Отделение иностранной этнографии. II. Дашковский Этнографический Музей (Этнография России и славянских стран). Составил хранитель Музея Н. А. Янчук. III. Зал имени Ф. П. Рябушинского (Камчатка и Алеутские острова). Составил помощник хранителя В. В. Богданов. М., 1916, с. 86—90.
31. Янчук Н. А. К антропологии малорусов-подлясьн. — В кн.: Сборник в честь 70-летия Д. Н. Анучина М., 1913. (отд. оттиск).
32. *Iwaszkiewicz J.* Petersburg. Warszawa, 1981, s. 49.
33. Greko-unicki kościół, kościół greckokatolicki. — In: Wielka Encyklopedia Powszechna. Т. 4, Warszawa, 1964, s. 415.
34. Рагойша В. Написана рукой Купалы. Архіўныя знаходкі. Мінск, 1981, с. 44—45.
35. *Slavia Orientalis*, г. XXXII, 1983, № 1—2, s. 176—181.
36. Бялокозович Б. Микола Янчук. Український календар 1984. Warszawa, 1984, s. 227.
37. *Białokozowicz B.* Mikołaj Janczuk wobec literatur słowiańskich. — In: Z polskich studiów slawistycznych, ser. 7. Literaturoznawstwo. Folklorystyka. Problematyka historyczna. Prace na X Międzynarodowy Kongres Slawistów w Sofii 1988. Warszawa, 1988, s. 521—538.

ЦВЕТКОВА М. Л.

О ВЫРАЖЕНИИ ТЕМПОРАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ СРЕДСТВАМИ ДВУХ ЯЗЫКОВЫХ УРОВНЕЙ В ПОЛЬСКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Настоящая статья является продолжением и иллюстрацией опубликованной в 1983 г. статьи [1], где рассматривалась методика сопоставительного исследования, основанная на сочетании трансформационного метода и компонентного анализа. Последняя представляется плодотворной при анализе единиц разных уровней языковой структуры, в частности словообразовательного и синтаксического.

Подобного рода исследование сложных имен прилагательных и эквивалентных им словосочетаний на материале французского языка уже провел О. М. Асоев [2], однако его методика сводится в основном к описанию и классификации. Хотя Асоев отмечает, что связь компонентов сложного прилагательного не выражается никакими грамматическими средствами и может быть установлена лишь на основе учета смысловых взаимоотношений его составных частей, он берет за исходный пункт не понятийную категорию, а формальные средства. Это подтверждает заключение А. Гудавичюса о том, что многие лингвисты используют понятие компонентного значения, но на практике довольствуются только указанием на то, что компонентами значения являются минимальные семантические единицы, не называя их в своих конкретных работах [3]. Исключением в этом отношении является исследование «Словообразовательная и семантическая структура сложных прилагательных в славянских языках» [4]. Отчасти опираясь на него, мы попытаемся рассмотреть возможности выражения темпоральной характеристики сложными прилагательными (СП) и словосочетаниями в польском (ПЯ) и болгарском (БЯ) языках.

В качестве основного источника СП послужили: вышеупомянутая работа [4] и толковые словари [5—8] обоих языков. Словосочетания являются результатом трансформаций, проведенных с учетом соблюдения грамматических правил построения предложных сочетаний в БЯ и ПЯ.

Если сравнить болгарские СП *новогодишен* и *петгодишен*, сразу же становятся очевидными различия между ними: их первый, определяющий компонент означает в одном случае квалификативность, а в другом — количество. С другой стороны, значение опорного компонента СП иногда зависит от синтагматической связи между прилагательным и именем существительным, к которому оно относится. Например, словосочетания *двегодишно дете* и *двегодишна отпуска* отличаются друг от друга коренным образом — в первом из них СП означает возраст, а во втором — продолжительность, т. е. в зависимости от синтагматических условий в словосочетании СП являются омонимами. Это говорит о том, что семантика

СП с темпоральным значением определяется не только смыслом объединенных в нем морфем, но также часто оказывается зависимой от его синтагматических связей в словосочетании.

Имея в виду вышеуказанные особенности СП с темпоральным значением, нам кажется целесообразным выделить некоторые семантические инварианты, объединяющие те СП, которые указывают на темпоральную характеристику одним и тем же способом.

Во-первых, эти СП можно разделить на две большие группы: А) выражающие квалификативно-темпоральные отношения и Б) выражающие количественно-темпоральные отношения. В группу А будут входить два инварианта.

1. Инвариант со следующими структурно-семантическими признаками: 'темпоральный', 'квалификативный', 'детерминирующий'. СП этого типа указывают на темпоральный ориентир в самом общем смысле. Ср.: ПЯ — *każdemiesięczny, nowoczesny, przeszłoroczny, równoczesny, różnowiekowy, tamtoczasowy, tegoroczny, zesłtomiesięczny, zesłtotygodniowy* и др.; БЯ — *всекидневен, миналогодишен, мирновременен, новогодишен, своевременен, старорежки, тазгодишен* и др.

Эта группа в ПЯ значительно многочисленнее, чем в БЯ. Причиной этого являются, во-первых, богатые возможности комбинирования морфем опорного компонента в ПЯ, и, во-вторых, широко развитая синонимия (ср. польские *przeszłoroczny, ubiegłoroczny, zesłtoroczny* и болгарское *миналогодишен*).

К той же группе следует отнести еще и те случаи, когда морфема определяющего компонента является носителем 'квалификативного' признака, усиливающего интенсивность признака опорного компонента: например, ПЯ — *starodawny*; БЯ — *вековечен, стародавен*.

Некоторые из СП, реализующие этот семантический инвариант, не поддаются синтаксическим трансформациям. Причиной этого являются их идиоматический характер и/или архаический лексический состав (ср. *благовременен, своевременен*). Остальную часть рассматриваемых СП можно трансформировать как в ПЯ, так и в БЯ. В ПЯ синтаксические трансформации являются конструкциями двух типов: а) беспредложные генитивные. Например, *tegoroczne (wydarzenia) → (wydarzenia) tego roku, tamtowieczne (opowiadanie) → (opowiadanie) tamtego wieku*; б) генитивные с предлогом *z*. Например, *tamtoczasowe (idee) → (idee) z tamtych czasów, zejźłowieczne (stroje) → (stroje) z zesłtego wieku*.

Конструкции типа а) с семантической точки зрения равны преобразованным словообразовательным единицам. Однако генитивные конструкции с предлогом *z* подчеркивают 'темпоральный' семантический признак инварианта.

В БЯ синтаксические варианты рассматриваемых СП чаще всего являются конструкциями с предлогом *от*: например, *тазгодишно (списание) → (списание) от тази година; миналогодишна (рокля) → (рокля) от миналата година*. Реже употребляются конструкции с предлогом *за* или *в*: например, *всекидневни (дрехи) → (дрехи) за всеки ден; мирновременен (живот) → (живот) в мирно време*.

Как показывают примеры, использование определенного предлога зависит от синтагматических условий в словосочетании. Ср.: *новогодишна (честитка) → (честитка) за Нова година; новогодишен (карнавал) → (карнавал) на Нова година, срещу Нова година*.

Если присутствует СП, подчеркивается общее квалификативное значение всего словосочетания. При замене СП синтаксической конструкцией на первый план выходит темпоральный семантический признак. Возможности параллельного использования или выбора зависят прежде всего от лексической семантики имени существительного, от установленной нормы в языке и от условий текста.

В БЯ можно отметить как общую тенденцию: когда объект неопределен в контексте, чаще используются синтаксические конструкции. СП встречаются там, где объект определен. Ср.: *В тазвечерния вестник има интересна статия* и *Във вестника от тази вечер има интересна статия*.

2. Инвариант с признаками: 'темпоральный', 'квалификативно-дуративный', 'детерминирующий' отличается от предыдущего по второму признаку, т. е. по признаку определяющего компонента. Следовательно, на основании противопоставления признаков 'квалификативный': квалификативно-дуративный' СП типа 1 и СП типа 2 образуют оппозитивные пары. Ср.: ПЯ — *równowiekowy* : *długowiekowy*, БЯ — *nowogodiszen* : *długogodiszen*.

Словообразовательные единицы, реализующие семантический инвариант 2, немногочисленны ввиду ограниченного лексического состава определяющего компонента. Относительно большей продуктивностью они отличаются в ПЯ благодаря богатым сочетательным возможностям морфемы *cało*. Ср.: ПЯ — *całodniowy*, *całodobowy*, *całodzienny*, *całogodzinny*, *całomiesięczny*, *całoroczny*, *całotygodniowy*, *długoletni*, *długookresowy*; БЯ — *długowечен*, *długowременен*, *długogodiszen*, *długосрочен*, *краткосрочен*, *целодневен* и др.

Часть этих СП вообще не поддается трансформациям. Причиной этого может быть или их сильная лексикализация, или то, что их синтаксические эквиваленты не используются. Не подлежат трансформациям, например, *długowечен*, *кръглогодишен* в БЯ, *długowieczny*, *krótkowieczny* в ПЯ. В случаях, в которых трансформация возможна, полученные трансформы по своему формальному строению или однотипны (ПЯ), или наоборот — каждый конкретный пример отличается своей структурой (БЯ). Ср.: ПЯ — а) аккузативные конструкции с предлогом *przez*, например, *całoroczny (kurs)* → *(kurs) przez cały rok*; *całomiesięczne (szkolenie)* → *(szkolenie) przez cały miesiąc*; б) описательные аккузативные конструкции без предлога, например, *całotygodniowy (cykl)* → *(cykl), trwający cały tydzień*; *całonocne (oczekiwanie)* → *(oczekiwanie), trwające całą noc*; БЯ — *целого — дишен (труд)* → *(труд) през цялата година*; *краткосрочен (заем)* → *(заем) за кратък срок*.

Примеры показывают, что синтаксические трансформы в большей или меньшей степени отличаются по оттенкам значения от соответствующих СП. Детерминирующий признак представлен у них слабее, чем в СП, где он является обобщающим, генерализирующим.

Вторая группа СП (Б) включает три подгруппы:

1. Первая из них объединяет СП, семантический инвариант которых отличается от рассмотренного в группе А) под номером 1 только по второму признаку. На основе этого различия признаков ('квалификативный': 'квантитативный') СП, реализующие инварианты А1 и Б1 образуют оппозитивные пары. Ср.: *tamtowieczny*: *piętnastowieczny*; *ubiegłoroczny*; *pierwszozoczny*.

В ПЯ словообразовательные варианты семантического инварианта с признаками: 'темпоральный', 'квантитативный', 'детерминирующий' отличаются необыкновенной продуктивностью. Опорным компонентом является чаще всего — *wieczny*. Употребляются также морфемные комплексы — *roczny*, *-majowy*, *-letni*. Например, *osiemnastowieczny*, *dwudziestowieczny*, *pierwszoroczny*, *drugoroczny*, *pierwszomajowy*, *pierwszoletni*.

Как показывают примеры, продуктивность этой группы прилагательных легко можно объяснить определяющим компонентом, каким является всегда имя числительное — количественное или порядковое. В БЯ рассматриваемый семантический инвариант представлен на словообразовательном уровне только несколькими примерами: *деветосептемврийски*, *деветоюнски*, *първомайски*.

Синтаксические трансформы этих СП однотипны: например, ПЯ — *(pochód) pierwszomajowy* → *(pochód) pierwszego maja*; *szesnastowieczne (zabytki)* → *(zabytki) szesnastego wieku*; БЯ — *деветосептемврийски (парад)* → *(парад) на Девети септември*; *първомайска (манифестация)* → *(манифестация) на Първи май*.

Эти конструкции подчеркивают темпоральный признак. Частота их использования, однако, очень низкая. Чаще выбор падает на соответствующее СП, что, со своей стороны, говорит о том, что они отличаются стабильной закрепленностью в лексической системе обоих языков.

2. В семантическом инварианте А2 (*целодневен, са̀логoczny*) признак 'продолжительность во времени' определяется качественным свойством темпоральной единицы (*цело-, дълго-, са̀ло-, дълго-*). В отличие от них СП типа *двегодишен (отпуск), двупосны (sen)* содержат точные данные о конкретной темпоральной продолжительности в темпоральных единицах. Выразить это семантическими признаками значит противопоставить признаки 'квалификативно-дуративный' и 'квантитативно-дуративный', на чем, фактически, основаны оппозиции: ПЯ — *дługowiekowy : kilkuwielokowy*; БЯ — *целогодишен : тригодишен*.

Члены этих оппозиций, находящиеся с правой стороны, объединяются семантическим инвариантом с признаками: 'темпоральный', 'квантитативно-дуративный' и 'детерминирующий'.

На словообразовательном уровне этот семантический инвариант реализуется многочисленной группой СП. Ср.: ПЯ — *czterogodzinny, ćwierćgodzinny, dwuminutowy, dwuposny, jednogodzinny, półtoraroczny, tyłoletni, trzydobowy*; БЯ — *двегодишен, двуминутен, тричасов, триседмичен, многовековен, петмесечен, полудневен, столетен, тристагодишен*.

Трансформирование этих словообразовательных единиц в синтаксические варианты дает следующие результаты: а) в ПЯ больше всего распространены синтаксические трансформы СП типа описания с действительным причастием настоящего времени *trwający*: например: *pięciowiekowa (niewola) → (niewola), trwająca pięć wieków; jednogodzinny (program) → (program) trwający jedną godzinę*. Реже используются генитивные конструкции с предлогом *z*: например, *wielowiekowy (wysitek) → (wysitek) z wielu lat* и аккузативные с предлогом *na*: например: *(plan) pięcioletni → (plan) na pięć lat*; б) в БЯ рассматриваемый тип СП трансформируется в: беспредложные конструкции (в аппозиции), например, *osemчасов (работен ден) → (работен ден) осем часа; петдневна (работна седмица) → (работна седмица) пет дни*; конструкции с предлогом *за*, например, *двуседмично (гостуване) → (гостуване) за две седмици; едномесечна (командировка) → (командировка) за един месец*; конструкции с предлогом *от*, например, *многовековна (борба) → (борба) от много векове; двучасово (закъснение) → (закъснение) от два часа*.

Все полученные в примерах синтаксические трансформы подчеркивают квантитативный семантический признак. Обобщающий детерминирующий признак остается на заднем плане.

При таком разнообразии средств, выражающих один и тот же семантический инвариант, необходимо уточнить, от чего зависит выбор той или другой формальной реализации. Существует несколько факторов, определяющих использование СП или синтаксического эквивалента, и они часто переплетаются между собой. Такими факторами являются: степень закрепленности в речевой практике, частота использования, влияние традиций (это факторы, которые можно причислить к постоянно действующим) и функция имени существительного в предложении, его позиция и его характеристика с точки зрения теории актуального членения (это факторы, которые оказывают влияние только в определенных конкретных случаях). Например, *Осемчасовият работен ден приключи*: инициальная позиция, определенность контекста, сильная лексикализация; *Работният ден е осем часа*: предикат, актуальная информация.

3. Вопрос о существовании словосочетаний типа *двегодишно дете* был уже затронут в связи с омонимией, о которой шла речь выше. СП в этой конструкции является формальной реализацией семантического инварианта с признаками: 'темпорально-посессивный', 'квантитативный', 'детерминирующий'. Как уже было отмечено, СП, попадающие в эту подгруппу, в зависимости от синтагматических условий в словосочетании могут быть омонимами других СП, выражающих другой семантический инвариант. В ПЯ эта омонимия иногда устраняется благодаря возможности формировать прилагательные двух типов разными способами при наличии одинаковых морфем. Ср.: *dwudziestowieczna (sztuka) : dwudziestowiekowa (sztuka)*. Такая словообразовательная дифференциация, однако, совсем не является характерной для всех случаев омонимичного использования при-

лагательных типа А1 и Б3. Ср.: *kilkumiesięczne (dziecko) : kilkumiesięczny (urlop), siedmioletnia (córka) : siedmioletnie (więzienie)*.

Разнообразие и продуктивность СП, принадлежащих к рассматриваемому семантическому инварианту, гораздо больше в ПЯ по сравнению с БЯ. Это обусловлено возможностями и числом морфем, входящих в состав СП в позиции определяющего компонента. Ср.: ПЯ — *czterodniowy, dwutygodniowy, kilkudniowy, jednoletni, paromiesięczny, parotygodniowy, półtoraroczny*; БЯ — *двегодишен, многовековен, петгодишен, полувековен, тримесечен*.

Почти все СП типа Б3 трансформируются в соответствующие синтаксические единицы. В ПЯ результаты трансформации являются описательными генитивными конструкциями, например: *pięcioletnia (dziewczynka) → (dziewczynka) w wieku pięciu lat; stuletni (dziadek) → (dziadek) w wieku stu lat*.

Синтаксические единицы, выражающие семантический инвариант Б3, подчеркивают количественный признак. Необходимо еще отметить, что когда имя существительное в словосочетании является названием неодушевленного предмета, предпочтение отдается употреблению СП. Причиной этого является семантическая несовместимость (обычно синтаксический вариант связан с определением возраста, что семантически несовместимо с неодушевленным предметом). Ср.: *stoletni dąb, trzydziestoletni budynek, paroletnie doświadczenie*.

В БЯ СП, относящиеся к семантическому инварианту Б3, трансформируются в синтаксические единицы с предлогом *na*: например *петгодишен (брат) → (брат) на пет години; шестмесечно (бебе) → (бебе) на шест месеца*.

В случаях, в которых словосочетание не обозначает возраст определенной личности, в результате трансформации возможно получить конструкцию с предлогом *от*: например, *многогодишен (опит) → (опит) от много години; двегодишен (дълг) → (дълг) от две години*.

Указанные синтаксические трансформы в БЯ встречаются редко. Причиной этого могут быть иногда особенности поверхностной структуры предложения (порядок слов или синтаксическая связь). Чередование СП с синтаксическими вариантами, например, возможно в объектной и предикатной позиции. Ср.: *Изплащам многогодишен дълг → Изплащам дълг от много години → Многогодишният му дълг не намаляваше*.

Использование синтаксического варианта и в ПЯ, и в БЯ обусловлено прежде всего характером синтаксического контекста (т. е. возможностью включить дополнительную структуру), а это уже является ограничением вероятности параллельного употребления двух средств — СП и синтаксической конструкции.

Необходимо отметить, что в обоих языках существуют выражающие темпоральную характеристику единицы как словообразовательного, так и синтаксического уровней с нулевыми трансформационными возможностями. Рассмотрим некоторые из них.

Не очень продуктивной является группа СП, в которых qualificative признак опорного компонента определяется через отнесение к какому-то периоду времени или к явлению, которое темпорально ограничено. Ср.: ПЯ — *nowogrecki, różnorenesansowy, staroegipski, średniopolski, wiecznozielony, wczesnobarokowy, wczesnopiastowski*; БЯ — *вечножив, вечнозелен, новогръцки, новокаменен, старобългарски, старогръцки, старопрестолен*.

Большая часть этих СП используется в научном стиле, вследствие чего они воспринимаются как термины. Этим можно объяснить отсутствие синтаксических эквивалентов указанных словообразовательных единиц.

Также темпоральную характеристику, но в другом плане, выражают СП типа: ПЯ — *matoletni, młodoletni, pełnoletni, równolaty, równoletni*; БЯ — *малолетен, малолетен, пълнолетен*.

Если попробовать выразить то же самое значение средствами синтаксического уровня, то кроме варианта с относительным местоимением (*który* в ПЯ и *който* в БЯ) можно использовать еще один способ выражения —

синтаксическими единицами, уточняющими значение СП при помощи введенных дополнительно имен числительных. Например, *малолетен (престъпник) → (престъпник) под 16 години; пълнолетен (младеж) → (младеж) на // над 16 години*. Их, однако, нельзя считать синтаксическими трансформами соответствующих СП, так как они не сохраняют тот же морфемный состав.

Опорный компонент СП обычно характеризуется темпорально при помощи наречия времени. Так формируется группа словообразовательных единиц, реализующих семантический инвариант с признаками: 'акциональный', 'темпоральный', 'субординативный'. В ту же группу попадают и СП, определяющий компонент которых не имеет собственно темпорального значения, но благодаря сочетанию морфем типа *ново-* в ПЯ и *ново-, скоро-* в БЯ с морфемами опорного компонента создается темпоральная характеристика. Ср.: ПЯ — *dlugotrwały, wiecznotrwały, nowonarodzony, nowoprzubyty*; БЯ — *дълготраен, краткотраен, новодошъл, новороден, ранобуден, скоропостиген*. Трансформировать эти СП возможно только в том случае, если опорный компонент выражен морфемой *-траен (-trwały)*. Ср.: ПЯ — *wiecznotrwała (stawa) → (stawa), trwająca wiecznie*; БЯ — *дълготрайна (среща) → (среща), която трае дълго*.

Указанные синтаксические трансформы не используются ни в ПЯ, ни в БЯ, что дает возможность отнести выражающие этот семантический инвариант СП к нетрансформируемым.

Как отмечает В. Н. Ярцева [9], употребление термина «полисемия» в применении к синтаксической модели допустимо потому, что та или иная модель передает определенные отношения, но, так же как и в области лексики, такое отношение может иметь ряд смысловых вариантов. Поэтому мы ограничимся указанием на некоторые синтаксические конструкции, выражающие темпоральную характеристику и лишённые соответствий на словообразовательном уровне, учитывая, что в действительности синтаксических единиц такого типа гораздо больше.

Начнем с конструкций, выражающих временной предел. Например: ПЯ — *urlop do lipca*; БЯ — *командировка до септември*. Нередко эти словосочетания объединяются со словосочетаниями с предлогом *от (od)*. Ср.: ПЯ — *okres od lipca do października*; БЯ — *курс от януари до март*.

Естественно, на словообразовательном и лексическом уровне мы не найдем семантических соответствий этих конструкций (прилагательные *lipcowy, септемврийски* выразили бы в данном случае временную продолжительность, но не временной предел). Как видно из рассмотренных уже семантических инвариантов, СП временной предел не выражают.

Временной предел, но с конкретизацией периода времени выражают синтаксические единицы типа: *spotkanie za godzinę, odwiedziny za rok, заседание след месец, проверка след (една) година*. В ПЯ они всегда строятся по схеме предлог *за* + В. п., а в БЯ — с предлогом *след*. На словообразовательном уровне эти конструкции соответствий не имеют.

Как специфические для ПЯ синтаксические единицы, которые закреплены речевой практикой, нужно отметить словосочетания типа *spacer o świecie, kłótnia o różnocy*. Их болгарские соответствия также отличаются устойчивостью сочетания (ср.: *разходка на разгъмане, кава в полунощ*). Что же касается наличия средств словообразовательного уровня для выражения этого значения, сомнения могут появиться только в связи с существованием прилагательных *różnocy* и *полунощен*, но их использование в обоих языках в темпоральном значении весьма редко. В ПЯ слово *różnocy* имеет два значения: 1) 'полуночный' и 2) 'северный', при этом в основном оно связывается со вторым значением, вследствие чего первое значение почти всегда выражается не прилагательным, а синтаксической единицей *o różnocy*. В БЯ двузначности в данном случае нет, а предпочтительнее синтаксического средства связано, вероятно, с подчеркиванием темпорального признака и ослаблением детерминирующего, который выходит на первый план при использовании прилагательного.

На основании всего сказанного о СП и синтаксических единицах, выражающих темпоральную характеристику, можно определить конкретные

языковые средства в ПЯ и БЯ, которые в какой-либо степени специализировались для выражения определенных компонентов значения. Например, когда в семантическом инварианте существует дуративный признак (см. А2 и Б2), польские конструкции оформляются с В. п. (с предлогами *na* или *przez* или описательно при помощи *trwający*), а при отсутствии этого признака — прежде всего с Р. п. (с предлогом *z*, без предлога или описательно при помощи *w wieku*).

В БЯ эта закономерность не является до такой степени последовательной, что легко объясняется его аналитическим характером. И все-таки можно утверждать, что наблюдается некоторая специализация предлогов *za* и *przez* для выражения продолжительности и предлогов *ot* и *na* для выражения временной характеристики без продолжительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цветкова М. Л. Към въпроса за съпоставителното изследване на единици от различни равнища на езиковата структура.— Съпоставително езикознание. Т. 8, кн. 6, 1983.
2. Асеев О. М. Сложные имена прилагательные и эквивалентные им словосочетания в современном французском языке.— Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1956.
3. Гудавичюс А. Использование метода компонентного анализа и исследование семантической структуры слова.— В кн.: Проблемы лексикологии. Минск, 1973.
4. Деянова М., Лашкова Л., Пернишка Е., Станишева Д. Словообразователна и семантична структура на сложните прилагателни в славянските езици.— Славянско езикознание. Т. 2. София, 1980.
5. Słownik Języka Polskiego. Т. I—XI. Warszawa, 1958—1962.
6. Słownik Języka Polskiego. Т. I—VIII. Warszawa, 1900—1927.
7. Речник на съвременния български книжовен език. Т. 1—3. София, 1954—1959.
8. Речник на българския език. Т. 1—2. София, 1977.
9. Ярцева В. Н. Роль лексики при синтаксическом анализе.— В кн.: Историко-филологические исследования. М., 1961, с. 217.

СТАРОРУССКОЕ ДОПОЛНА И ЕГО СВЯЗИ

В старинных текстах несомненно русского происхождения находятся два выразительных примера: «Идет на насъ рать нѣмечкая дополна ко Плескову». НІЛ, с. 354 (под 1342 г.); «Нынѣ князя не вѣдаю, гдѣ; а то мнѣ говорилъ князь Иванъ, что ему до полна быти въ Пустынь». АИ, с. 187. 1521 г. Что значит в этих контекстах слово *дополна*?¹ Лексикографическая традиция в отношении *дополна* скудна, в чем-то противоречива: прекрасно выявленное применительно к контексту из Никоновской летописи «у нихъ того увѣдалъ дополна»² значение 'подлинно, точно' квалифицируется в Словаре Академии Российской [1] как переносное (прямо не названо, хотя помещение слова в гнездо прилагательного *полный*, следом за *полно*, *вполнѣ* и *сполна*, говорит само за себя). В Словаре церковнославянского и русского языка [2] определение (при той же цитате, слегка расширенной) подвергается корректировке в сторону сближения с семантикой прилагательного *полный*: 'обстоятельно, подробно'; противоречивые данные сообщаются об ударении (*дополнѣ* в [1], *дбполна* в [2]). Последнее обстоятельство заставляет думать, что авторы имели в поле зрения реально звучавшее в языке слово (ср. известное ныне *дополнѣ* со значениями 'до краев' [3], 'очень много' [4; 5]), ориентировались на его произношение в соответствии со своим языковым опытом и пытались объяснить семантическое несходство с ним старорусского *дополна*.

В словаре Даля наречие *дбполна* сопровождается беглой цепочкой однословных определений: 'сполна, полно, вполне; совсем, вовсе' [6, т. I, с. 484]. Временная и территориальная приуроченность этих значений не указана, отсутствуют примеры. Вызывает сомнение и реальность единого ударения (севернорусского типа) для всех диалектов, где могло употребляться *дополна* в том или ином значении. Составители Словаря русских народных говоров [7], внимательно относящиеся к материалам Даля, не включили в свой словарь статью *дополна*. Не исключено, что причиной этого было сомнение в принадлежности приведенных данных живому языку.

В «Материалах» Срезневского [8, с. 1750—1751] *дополна* представлено как предложно-падежное сочетание *до пълна* (в статье *пълный*). Определение 'точный, подробный', к прилагательному в контексте «*вѣсти у нас*

Шаламова Анна Николаевна — канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института русского языка АН СССР

¹ При составлении словарных статей, ставших в дальнейшем частью 4-го выпуска Словаря русского языка XI—XVII вв., автор вынужден был дать отсылку «*дополна* см. *полный*»: материал подборок *дополна* и *дополно* в КДРС лишь частично поддавался интерпретации, оставаясь большей частью непоятым, при значительном разнообразии контекстов в рамках имевшихся неполных трех десятков цитат. Необходимость предоставить данные для лексикографического описания наречия составителям словарной статьи *полный* явилась непосредственным импульсом к написанию настоящей статьи.

² В издании 1791 г., из которого взята цитата, глагол воспроизведен неправильно: *ся ... увѣдалъ* вместо *ся ... довѣдалъ* (ср. НикЛ, с. 172); желая получить осмысленный текст, авторы словаря опустили частицу *ся*.

полные обрѣтаются» (Жит. Стеф. Перм.), как и определение 'с точностью' к *до полна* в контексте «*вѣдаючи до полна про то дѣло*» показывают, что данные обоих академических словарей были здесь учтены. В рамках семантической рубрики 'целый, полный', с определением 'в полном сборе, всеми силами', приведена цитата из Новгородской летописи (см. наш первый пример) и два контекста того же типа (с более распространенной предикативной частью) из Софийского временника: «*До полна собрался на нихъ царь казанской Обреимъ со всею землею своею*» (1470); «*Прииде вѣсть, яко до полна идетъ царь Ахматъ со всею ордою своею*» (1480)³. Указание на множественность привлеченных сил, внешнее по отношению к толкуемому слову, по существу послужило основанием для его определения; это стало возможным потому, что основа *полн-*, видимым образом присутствующая в *дополна*, заставляла искать объяснения его значения на путях сближения с прилагательным *полный*.

В текстах XV—XVII вв. наречие *дополна* засвидетельствовано не одним десятком примеров. В этом относительном изобилии нам не удалось обнаружить случаев со значениями 'до краев' и 'очень много'. Естественно задать вопрос: имеем ли мы дело с разными историческими этапами жизни одного слова, или старинное *дополна* никак не связано с его современными «тѣзками»? Ответ на этот вопрос тем более затруднителен, что контексты ст.-рус. *дополна* отнюдь не однотипны, а выявление его лексических значений в разных условиях функционирования требует нестандартных подходов.

Распределение *дополна* по памятникам письменности весьма неравномерно. Летописные факты этого рода немногочисленны, замкнуты в хронологические рамки XIV—XVI вв.⁴, касаются ограниченного круга летописей (преимущественно московского происхождения)⁵, наконец, связаны со специфическими условиями контекста: всегда это записи сугубо делового характера, содержащие в ряде случаев прямое или косвенное указание на периферийный или даже зарубежный источник информации. Так, в НЛ пересказывается речь псковичей; в сообщении Софийского временника, приведенном в «Материалах» Срезневского под 1470 г., — сведения, поступившие от некоего «коломятина»⁶, в цитате 1480 г., приведенной там же, подразумевается поступление «вестей» с юга или юго-запада, из литовских или рязанских владений⁷; запись НЛ под 1552 г. (с. 172) — «и царь ся у нихъ того довѣдалъ *дополна*» — отражает сообщение, доставленные из Казани; запись той же летописи под 1555 г. (с. 260) — «и пришли вѣсти ко князю Димитрию, что *дополна* король перемирье порушилъ и рать свою на царя и великого князя послалъ» — основана на вестях, идущих из балтийского региона, и касается отношений со Швецией⁸. В одном летописном эпизоде (1471) наречие *дополна* вписано в контекст речи московского великого князя (Ивана III): «*Отчина моя Новгород Велик отступают от мене за короля ... и яз, князь велики, дополна иду на них ратью*» (ИЛ, с. 66). Речь здесь обращена к псковичам; передаточным звеном был великокняжеский дьяк Я. Шачебальцов (Шашабальцов, Шабальцов).

По содержанию заметная часть указанных летописных контекстов связана с сообщениями о военной угрозе, и появление *дополна* в применении к собственным военным планам говорящего (в записи 1471 г.) вос-

³ В дальнейшем изложении мы будем ссылаться на переиздание того же летописного материала в рамках СЛП.

⁴ Единственный пример, позволяющий говорить о XIV в., — это цитированная выше запись НЛ младшего извода под 1342 г. (список XV в.).

⁵ Исключение составляют НЛ и ВЛ, в которую соответствующая запись целиком перенесена из летописей московского круга.

⁶ См. СЛП, с. 190. Повторяющиеся в других летописях тексты здесь и далее не указываются, если нет вариативности в написании самого наречия *дополна*.

⁷ См. СЛП, с. 223; ЕЛ, с. 180 (с акающим написанием *даполна* в рукописи) и ВЛ, с. 205 (со славянизированной орфографией *доплъна*).

⁸ Неясно, случайно ли то обстоятельство, что слово *дополна* дважды выступает в контексте, связанном с именем князя Димитрия Палецкого, состоявшего при казанском царе Шигалее в 1552 г. и бывшего наместником новгородским в 1555 г.

принимается — по крайней мере при первой попытке осмысления — как обобщение сложившейся традиции сюжетной привязки этого слова.

Отрывок розыскного дела о бегстве из Москвы рязанского князя Ивана Ивановича (цитата из него приведена в начале нашей статьи по АИ) свидетельствует о наличии слова *дополна* в говоре рязанца (боярина Дм. Сунбулова, потомка литовского выходца времен великого князя Василия Дмитриевича) [9, с. 154]. Благоприятный случай — наличие в том же документе записи повторного допроса Сунбулова — дает возможность подойти к пониманию значения *дополна* в процитированном контексте. «*А нынѣ*», — сообщает Сунбулов по поводу местопребывания князя, — «*только будетъ его не истеряли татарове, и онъ одноконечно* (т. е., 'конечно, наверное, несомненно') *въ Пустынь, или въ Шумашь, или въ Дубровицахъ*»⁹. Трудно сказать, являются ли в данном случае наречия *дополна* и *одноконечно* полными синонимами — обе фразы произнесены в разное время и в нетождественной ситуации, вариант с *дополна* к тому же приписывается отсутствующему князю, — однако весьма близкое сходство контекстуальных значений обоих наречий отрицать невозможно.

Значительно больше материала для суждения о лексической сочетаемости и значениях *дополна* дают тексты, связанные с внешними сношениями Русского государства, с деятельностью Посольского приказа и его переводчиков, как, впрочем, и переводчиков, работавших в зарубежных, в частности, шведских канцеляриях. А. И. Соболевский свидетельствует, что переводчиками Посольского приказа были обыкновенно «выходцы из южной и западной России, поляки, немцы, голландцы», что «большинство из них совсем не знает литературного языка Московской Руси», «многим мало известен даже живой русский язык того времени» [10, с. 42—43]. С другой стороны, польским языком «владело большинство наших переводчиков» [10, с. 49]. Различная степень присутствия элементов польского и белорусского языков характеризовала переводы, сделанные этими людьми. Весьма близкими по языку были переводы, сделанные в юго-западной Руси [10, с. 43, сноска 2]. Документы, которые составлялись в Посольском приказе для внутреннего употребления (например, записи переговоров с послами, наказ пристава, встречающему посла, и т. п.), а также те, которые посылались за рубеж от имени московских государей и их наместников, по особенностям словоупотребления (наличию полонизмов и белорусизмов) сближаются с переводными. В этой группе документов весьма употребительным оказалось сочетание *дополна* с глаголами *въдать, отвѣдать, довьдаться (ся довьдати), провьдать*, с предикативом *въ домо*. Значение в этом контексте вычленяется с полной определенностью как 'подлинно, точно, достоверно'. Перечень примеров этого рода можно начать с цитаты 1493 г. в «Материалах» Срезневского; далее можно указать адреса ряда фактов из источников XVI и XVII вв.: КД, с. 72 (1509), РА, с. 93 (XVI в.), Ив. Гр. Посл., с. 153 (1563), ПД, т. III, с. 134 (1563), К², с. 51, 91, 144, 204 (1643—1644) и др.; в некоторых случаях в качестве определяемого члена выступают предикативные элементы, связанные с глаголом *знать*, например: «*А то в Польше дополна знатно есть, чт(о) после королевины смрти нравы... переменялися*» (К², с. 181).

В ряде переводных документов *дополна* сочетается с глаголом *надѣяться* (*надѣяться*) и предикативным прилагательным *надежен*: «*толко бы на ноугородцкихъ людей върность дополна мочно было надѣяться*» (ДАИ, т. II, с. 30); «*и мы дополна надѣемя на мудрость ... и прилежность к службе*» (К³, с. 177, 1648 г.); «*я дополна надежен, что они ... будут остерегать ... доброго пребыванья христьянства*» (К³, с. 176); «*а я дополна надѣюся на то, что мнѣ въ его кесарского величества службе быти*» (К¹, с. 162, 1631 г.). Применительно к данной группе контекстов хотелось бы перевести *дополна* как 'вполне' (по аналогии с современным 'вполне' — положиться на кого-, что-л.), однако соображения словообразовательно-

⁹ АИ, с. 190. Пустыня, Шумашь и Дубровичи — «подгородные села на берегу Оки» [9, с. 158].

го плана (полное несходство семантики наречий, образованных из предложно-падежных сочетаний родительного и местного падежей) заставляют искать каких-то иных путей семантической интерпретации таких случаев.

Сходная проблема возникает в связи с словосочетанием *дополна вѣрить* в составе верительной грамоты шведского «комиссара» в ДАИ, т. VI, с. 14, 1650 г. (грамота пересказывается в ответе русской стороны). Осмысливать это выражение мы должны на фоне близких по времени аналогичных формул верительных грамот, например, «*вѣрити ему истинною вѣрою*» (ПД, т. I, с. 90—91, 1493 г.); «*и твоя бы свѣтлость имѣ правѣ вѣрилъ* (ср. ст.-польск. *prawie* 'подлинно, истинно'), *то есть наши истинные рѣчи*» (ПД, т. I, с. 95). Речь идет не о «полноте» (ср. современное «вполне доверять»), а об «истинности», понимаемой в данном контексте как отсутствие сомнения, ср.: «*вѣрите, братие, истинно, яко ес(тѣ) грѣшнымъ мука*». Изм., 51 об., XIV—XV вв. (в списке XVI в.).

В сочетании *дополна довести* (ср. польск. *dowieść* 'доказать') можно предполагать с достаточным основанием значение 'точно, надежно, достоверно': «*И то намъ мочно дополна довести, что мы про Мурманскую землю и Варгавъ городъ никакъ слухомъ не слышали ... и нынѣ того не вѣдаемъ, гдѣ та земля, городъ и монастырь стоитъ*» (ШД, с. 3, 1556 г.)

В рассматриваемой группе источников мы встречаемся со знакомым уже трафаретом сообщения о военной угрозе: «*Отъ кого пришла вѣсть къ великому князю, что дополна турки идутъ?*» (ПД, т. I, с. 233, 1497 г.). Этому вопросу предшествует сообщение литовского посла: «*Пришла ко государю нашему вѣсть дополна, что турки идутъ на государя нашего землю*». В сущности, речь идет о достоверности сообщаемого: 'подлинно, точно, на самом деле'. Отенок 'истинно, действительно' присутствует в КД, с. 367: «*отъ короля дополна чистымъ сердцемъ отсталъ есмь*» (1517) и в меморандуме папскому послу Антонио Посевини, написанном от имени царя Ивана Грозного, но изобилующем пересказами предыдущего послания польского короля: «*И онъ (король. — А. Ш.) написалъ такъ, что дополна не утѣшитца и не перестанетъ*» (Посс., с. 225).

В «Курантах» представлено и значение модального ряда 'вероятно, наверно(е), несомненно, непременно' (выбор из этого спектра затруднителен): «*Вчера поздно приѣхал от курфюрста Сатского трубач, сказал, что перемир(ь)е дополна будетъ*» — К³, с. 70, 1646 г.

Имеется группа контекстов, указывающих на значение 'совершенно, совсем, окончательно': «*давали разумѣти, за которыми причины ... то дѣло напередъ сего дополна не совершено*» (ДАИ, т. II, с. 5, 1613 г.); «*Градъ Москву, и Новгородъ ... Яковъ Пунтосовичъ Делегардъ ... ратью пришедъ освободилъ, и могъ бы ... и дополна полскихъ людей изъ Русския земли изгонити*» (ДАИ, т. II, с. 28); «*тѣми старыми проложенными путями, которыя хоти дополна запами ... от(ъ)искивати*» (УРС, л. 3); «*сия старья ходы дополна обвалилися*» (УРС, л. 3). В немецком тексте, с которым мы имели возможность сопоставить наш материал, в обоих случаях читается *gar* ('совсем, совершенно, весьма, очень'). В УРС встретились также случаи употребления *дополна* в значении 'достаточно': «*И тѣмъ (государям, начинающим войны. — А. Ш.) надобно прежде смѣту свою учинити, дополна ли они мочны противъ недруга своего стояти*» (в нем. тексте *genug*) — л. 20; «*крѣпости дополна ратными людьми и ратными с(ъ)вѣстными запасы пасти*» (л. 21) — *die Festungen wol mit genugsammen Kriegsleuten, Proviant und Munition wissen zuversehen*; «*Надобе великимъ гсѣремъ и княземъ ... оружия дополна имѣти*» (л. 21об.) — *mit Gewehr genugsam versehen* 'снабжать достаточным оружием'. В ОД (1648) есть один случай соответствия *дополна* латинскому *sufficienter* 'достаточно': «*Какъ гсѣрinya княгиня Баданская ... право свое ... на преж помянутое волное гсѣрство с вѣрными свидѣтели дополна окажет, и еи ... отдано будетъ*» (К⁴, с. 20; в лат. тексте: *documentis authenticis sufficienter probaverit*).

Перевод договора 1648 г. сближает с УРС еще одна лексическая особенность: в обоих текстах присутствуют случаи аномального для русского языка безразличного употребления *дополна* и *сполна*. В УРС *сполна*, как

и *дополна*, соотносится с немецким *genug*, притом оба наречия в русском тексте находятся в пределах одного сложного предложения; приведем его заключительную часть (начало процитировано выше): «*чтобы им недругу своему на полъ и в городѣхъ своихъ сполна (genug) силнымъ быти*» (л. 20). В ОД и *дополна*, и *сполна* используются для передачи латинского *plenarie* 'полностью, сполна' и тоже близко соседствуют друг с другом: «*и то б еи все сполна отдамъ(ъ)*» (К⁴, с. 22) — *quae plenarie restituantur*, ср. «*и то им со вѣмъ дополна отдамъ*» (К⁴, с. 22) — *plenarie restituti sunt*. Соответствие *дополна* — *plenarie* представлено и в других отрезках того же договора (К⁴, с. 16 и 53), в сочетании же *дополна владѣтми* (К⁴, с. 44) наречие *дополна* соответствует латинскому *pleno jure*¹⁰.

Разнообразие значений, несводимое к какой-либо единой логической схеме, предположительный характер ряда определений и наличие в документах своего рода «остатка» — употреблений, которые не могли быть поняты на основании контекста — все это требовало углубления поисков и, в первую очередь, установления происхождения слова.

Явно проступающее влияние польского языка в основной массе документов, использующих наречие *дополна*, его славянский облик и вместе с тем изолированность в системе лексических средств русского языка заставили нас искать семантические, словообразовательные и звуковые параллели в польском языке. Сопоставление с польским *pełny*, как и с русским *полный*, не давало ничего, с другой стороны, поражала семантическая близость к прилагательному *pełny* и наречиям *pełnie*, *pełno* и *na pełno*. Для объяснения подавляющего большинства случаев употребления *дополна*, которые находятся в осмысленном русском контексте, достаточно было бы реконструировать для старопольского языка наречие *do pełna*, предположив у него значения, аналогичные значениям прилагательного *pełny* и связанных с ним наречий.

Этимологически *pełny* восходит к слав. корню **ръv-*, рефлекс которого присутствуют в ст.-слав. (*u*)*ръvati*, рус. *уповать*¹¹, ст.-польск. (XV в.) *prwa* 'надежда' [11; 12; 13; 14, с. 439]. Наблюдения над текстами, использующими адаптированную (т. е. непереведенную, но преобразованную в духе фонетической системы русского языка) польскую лексику (ПД, К и т. п.) показывают, что носителям польско-восточнославянского двуязычия было хорошо известно соотношение *e/o* в позиции утраченного сильного *ъ* (ориентиром был твердый согласный перед *e*). В этих условиях адъективная основа *pełn-* должна была адаптироваться в виде *повн-*. Свидетельства о существовании на русской диалектной территории основы *повн-* отрывочны и малодостоверны. В словаре Даля [6, т. III, с. 147] приведены и предположительно соотнесены с польским *pełny* почерпнутые из областных словарей Академии наук [15; 16] слова *повный* (с пометой *новг.*) 'чудный, дивный' (*повно дело*, ср. [15, с. 161]¹², *повнее* (с пометой *старорус.*)¹³ 'лучше', *повнѣтъ* (с пометой *твер.*), значение которого 'поумнеть', указанное в первоисточнике [16, с. 185], не вызывало у Даля доверия и было помещено им со знаком вопроса в сопровождении столь же предположительного определения 'поправиться'. В словаре Даля, вышедшем под редакцией Бодуэна де Куртенэ, знак вопроса поставлен и при заголовочном слове *повный* [17, с. 366]. Словарь русских народных говоров [7] в подготовленном к печати 27 выпуске воспроизвел данные областных

¹⁰ Изложенные факты позволяют предполагать, что определения Даля 'сполна, полно, вполне' основываются (в значительной степени или целиком) на данных старой письменности.

¹¹ Пояснение слабого *ъ* в слове *уповать* и книжный характер этого глагола в русском языке указывают на его церковнославянское происхождение.

¹² Здесь географическая помета точнее: Н о в г о р. *Кирил.*, что по современному административному делению соответствует, по-видимому, западной части Вологодской области.

¹³ Помета Даля ввела в заблуждение Ж. Ж. Варбот, которая интерпретировала ее как указание на старорусский язык [14, с. 441]. На деле же речь идет о Старорусском уезде Новгородской губернии (см. [16, с. 185], откуда взято слово с опущением примера «*Стал жить повнее*» и упрощением четкой географической пометы Н о в г о р. *Старорус.*).

словарей Академии наук [15; 16] о словах *повный* и *повнее*; новых фактов такого рода в нем не оказалось. Не имея данных о фонетической системе говора, в котором записано «стал жить повнее», трудно определить принадлежность интересующего нас слова к тому или иному корню. В принципе можно допустить, что на юге новгородской диалектной территории могли сохраняться утраченные ныне лексические заимствования из старобелорусского языка, и в этом случае *повнее* 'лучше' можно было бы сопоставить со старопольским *rewny* в значении 'хороший, bonus' [18, s. 72].

С другой стороны, приходится безоговорочно отвести предположение Ж. Ж. Варбот [14, с. 441] о принадлежности к корню *rvъ- извлеченного из записей Фенне *повно*. Здесь мы имеем дело с наречием *поводно*, записанным в характерном для псковского говора звуковым оформлении — без *д* перед *н* (на диалектологической карте Псков входит в обширную зону изменения *дн* в *нн* [19]). В издании разговорника Фенне верно реконструировано предсуффиксальное *д* для всех трех случаев написания *повоно/повони* [20, v. II, p. 239, 246, 345—346], что, видимо, было подсказано присутствующим в записях Фенне фонематически точным написанием *поводно: ne ... povodno tme tovaru na tut tzeny ffxæt* [20, v. II, p. 238], однако лексемы в целом были идентифицированы ошибочно как *повадный, повадно* [20, v. II, p. 238, 239, 246, 345—347; v. III, p. 204]. Значение 'уступчиво' (*complaisantly*), установленное, видимо, на основании нижненемецкого *genedtlichen* [20, v. II, p. 346], с замечательной точностью совпадает с аналогичным значением диалектного прилагательного *поводный*¹⁴.

В памятниках письменности, создававшихся на территории украинского и белорусского языков, случаи написания *повн-* в соответствии с польским *rewn-* являются реальностью. Так, в КДРС представлен один пример из переписки А. М. Курбского: «не повни суть своего избавления» (РИБ, с. 422), воспроизводящий польскую модель *być rewniut szegós*, с вариантами по другим спискам *певни, певнии* («Лист Андрея Курбского до Кузьмы Мамонича», напечатанный по рукописям так называемых «сборников Курбского» последней четверти XVII в., о которых см. [21]).

Прилагательное *повнѣишии*, которое составители Словаря старукраинского языка соотносят с *полнь* и определяют как 'повніиий, більший', 'який виявляється повною мірою' [22, т. II, с. 160], документировано одним примером 1411 г.: «а на то есмы привѣсили свои печати къ сему нашему листу про лѣпшее и повнѣишее оувѣреніе сихъ нашихъ любовъ». Это написание (*повнѣишии*) Ф. П. Филин приводит в качестве примера отражения на письме украинско-белорусского изменения *л* в *й/в* в «древнем сочетании *тѣлтѣ*» [23, с. 332]¹⁵. Предлагаемая нами иная интерпретация этого случая базируется на учете лексического окружения слова. Стоящие рядом с *повнѣишии* знаменательные слова — *листъ, лѣпший, уувѣреніе, слюбъ* — полонизмы; др.-рус. *пѣлныи, пѣлно*, как и ст.-рус. *полныи, полно* ни в деловом, ни в литературном языке не встречаются в качестве определенных к *вѣра, вѣрить* и их производным. Естественно предположить, что вся конструкция копирует какой-то польский образец. Наиболее убедительно с семантической точки зрения вписалось бы в контекст преобразованное по законам восточнославянской фонетики польское *rewniejszy* 'более твердый, надежный, достоверный'.

¹⁴ В Словаре русских народных говоров [7, вып. 27] указываются следующие важные для нас значения прилагательного *поводный/поводный*: 'послушный, смиренный', 'уступчивый, обходительный, мягкий', 'покладистый, общительный'. Часть этих сведений можно найти у Даля; определения 'сговорчивый, уживчивый' для *поводный* даны в [15, с. 161]. Составителям будущего старорусского словаря при интерпретации данных Фенне следует учесть и некоторые значения слов *повадный, повадно*, представляемые Словарем русских народных говоров ('удобный, выгодный', 'заманчиво, выгодно'); семантическая близость и — в некоторых случаях — взаимозаменяемость слов *поводный* и *поводный* видны уже из Словаря Даля (ср. «Люд голодный, а кус пова(о)дный» [17, с. 354], где первоначальным является, конечно, рифмующееся слово).

¹⁵ Др.-рус. *пѣлмъ* (как и польск. *pelny*) восходит к корню **płn-*.

В силу фонетических особенностей украинского и белорусского языков, в рассматриваемый период в корне *полн-* 'plenus' (фонетически *повн-/поўн-*) перед *-н-* произносился тот же звук, что и в основе *повн-* из *rewn-*¹⁶. Фактически для украинского языка XIV—XV вв. (да и для белорусского тоже) речь должна идти о наличии омонимов *повный*¹ 'полный' и *повный*²¹⁷ с различными значениями польского *rewny*. Судя по данным староукраинского словаря [22, т. II, с. 182—183], при передаче первого омонима права гражданства признавались только за традиционным способом написания: *полн-, плън-*. В результате гиперкоррекции, а возможно, и вследствие переосмыслений, таким же способом изображалось и *повный*²: в словарной статье *полнъ* староукраинского словаря по крайней мере в одном случае оно скрывается за написанием *плън-*: *ис плъного виданія уси(x) на(с) обицуюмъ* [22, т. II, с. 182]. В статье *вѣданіе* [22, т. I, с. 226] соседствующие с этим примером цитаты с датами 1447—1492 и 1448 г. содержат оборот *с певного вѣданья*, который соответствует старопольскому *z rewnego wiedzienia*. Для выражения с *полностью* (в грамоте 1462 г.) [22, т. II, с. 182], в котором смысловая ассоциация с *полный* 'plenus' практически исключается, приходится предположить в качестве источника польское *z rewnością* (ср. соврем. польск. *z rewnością* 'наверно, безусловно', а также *rewność* 'правда', 'неизменность', *rewny* 'незыблемый' [18, с. 71, 73], 'верный', 'честный, добросовестный, заслуживающий доверия' [24, с. 125]).

Исторический словарь белорусского языка [25] показал, что операция реконструкции польского **do rewna* становится тривиальной: полонизм *допевна* отмечен в этом словаре [25, вып. VIII, с. 296] для трех памятников: Четьи 1489 г.¹⁸, Лексиса Лаврентия Зизания (Вильна, 1596)¹⁹ и Лексикона Берынды²⁰.

Современное белорусское *пэўна*²¹ (восходящее к польскому *rewno*), которое дано в качестве определения к *допевна*, а также приведенные внутри словарной статьи данные Зизания и Берынды подтверждают сделанное нами выше предположение о семантической близости **do rewna* к польским *rewnie* и *rewno*: *извѣстно — певне, допевна* (Зиз.); *извѣстно: запевне, достатечне, допевна, и безпечно* (Бер.; фактически в определении Берынды наречие *певне* заменено перечнем его значений в старопольском языке).

Статья *дополна, допотно* Исторического словаря [25, вып. VIII, с. 298] представляет собой как бы развернутую параллель к статье *допевна*. Лексическая сочетаемость обоих наречий одна и та же: *не вѣдал ... допевна* (Четья) — *допотно вѣдаете* (Четья), *есть дей вѣдомо допотно про то дѣло* (АЗР, с. 207, 1500 г.). В цитате из Четьи, приведенной в рамках первого значения (с определением 'дапаўна, дастаткова') наречие *дополна*, видимо, замещает церковнославянское *извѣстно*.

Присутствующее в определении второго значения белорусское *напэўна* 'определенно, наверняка, достоверно, доподлинно' (из польск. *na pewno*) точно ложится в рамки нашей реконструкции предполагаемых польских семантических соответствий к **do rewna*, тогда как соотношение основ *допевна* и *дополна* продолжает ряд, начатый примерами из Староукраинского словаря.

¹⁶ О билабиальном *w* и его вариантах *μ, u* в южной и западной частях древнерусской территории см. в [23, с. 291—293].

¹⁷ Условное написание *повный* не претендует на роль фонетической транскрипции (не передает различий между *w* и *μ*, не учитывает различную для украинских и белорусских говоров степень твердости *n* в форме им. ед. м. р.).

¹⁸ Памятник представляет собой белорусский список текста, созданного, «как считают», на Украине [25, вып. I, с. 16].

¹⁹ В. В. Нимчук характеризует Лексис Зизания как церковнославянско-украинский словарь [26].

²⁰ В Историческом словаре белорусского языка использовано в качестве источника второе (кутейнское) издание Лексикона Берынды (первое вышло в Киеве в 1627 г.). Сверку двух изданий в целом мы не проводили, но статья *извѣстно* во втором издании в точности повторяет соответствующую статью первого издания.

²¹ Многозначное слово; здесь имеется в виду скорее всего значение 'определенно'.

В Старопольском словаре искомого наречия мы не обнаружили. Однако старопольское написание *do pelna*, интерпретированное составителями словаря как *do pelna* [18, s. 62], на основании его значения (в старопольском источнике — ‘*efficaciter*’, в определении — ‘*skutecznie, efficienter*’, т. е. ‘эффективно, действенно’) однозначно соотносится с наречием *rewnie* (ср. определение его четвертого значения: ‘*skutecznie, efficaciter*’ [18, s. 70]) и с прилагательным *rewny* (ср. подзначение ‘*skuteczny, efficaci*’ в рамках второго значения [18, s. 72]).

Смешение основ *rewn-* и *peln-* присутствует и в других материалах словаря: составителями отмечено написание *rewny* вместо *pelny* [18, s. 73]; в статьях *pelnie* и *pelno* примеры на значение ‘точно’ содержат, очевидно, наречия *rewnie* и *rewno* [18, s. 64]. Этот факт имеет в основе фонетические явления польского языка. Так, с одной стороны, в польских диалектах донные сохраняются (главным образом, в средней Великопольше) *ɟ* и билабиальное *w* в соответствии с литературным губно-зубным *v* [27, s. 33], причем проф. С. Урбанчик, сообщая эти данные, подчеркивает, что билабиальное произношение старше нынешнего губно-зубного *v*. Проецируя это утверждение на пространственную плоскость, можно заключить, что географический ареал билабиального *w* в прошлом был значительно шире. С другой стороны, литературному *l* в польских говорах соответствует чаще всего звук *ɟ* [27, s. 32]. К. Дейна относит начало изменения вариантов *l* в *ɟ* к концу XVI в. [28, s. 115], основываясь на таких написаниях, как *poslau, kardynau* и др. в некоторых памятниках 80-х годов XVI в. Однако написания подобного типа, представленные заметным числом примеров, могут рассматриваться как свидетельство уже достаточно далеко продвинувшегося процесса, тогда как более ранние его фазы не находили столь явного и статистически убедительного выражения. Эту мысль подсказывает нам история изменения *l* в *ɟ/w* на территории украинского и белорусского языков. Для сочетаний типа *ɫlt* первые достоверные написания с *ɛ* на месте *l* относятся к концу XV в. (основываем это утверждение на анализе примеров, приведенных Ф. П. Филиным [23, с. 332]). Однако, по мнению ряда исследователей (среди них Ф. П. Филин называет П. А. Бузука и Ф. П. Медведева) изменение *l* > *ɟ* (*w*) в сочетании *ɫlt* имело место до падения редуцированных (во всяком случае, к этому времени восходит «физиолого-акустическое различие *lt* и *lʔ*» [23, с. 333]). Разрыв во времени между началом процесса и письменным отражением его результатов оказался в этом случае весьма значительным. Не так ли обстояло дело и с изменением *l* > *ɟ* в польском языке? Нюансы произношения могли оставаться невыраженными или выражаться в таких ограниченных рамках, что не привлекали внимания исследователей. Не исключено также, что смешение *w* с рефлексами *l* происходило в изучаемый период (XIV—XV вв.) только в основах *rewn-* и *peln-* — именно в связи с особым характером развития плавного в корнях, восходящих к праславянскому типу **lʔt* (в польских диалектах особое значение имело наличие губного согласного в начальной позиции сочетания и твердого переднеязычного в конечной [28, s. 92; 29] — условия, характеризующие корень **pʎn-*). С этим обстоятельством может быть связано и наличие диалектных вариантов *rewny*, *rewno* у прилагательного *pelny* и наречия *pelno*, отмечаемое Словарем польского языка [24, s. 107, 108] и объясняемое его создателями как результат влияния украинского *pòvnyj* [24, s. 125].

Прежде чем перейти к изредка встречающимся отражениям *rewny* как *полный* в старорусских текстах, нам представляется необходимым завершить семантическое обоснование сформулированных выше предварительных определений к *дополна*, руководствуясь данными о значениях польского *rewny* и наречий *rewnie*, *rewno*. Приведем (по словарю Линде) в первую очередь те значения, которые нашли отражение в семантике наречия *дополна* и вписываются в его контексты. В качестве русских соответствий к *rewny* находим здесь прилагательные ‘истинный, положительный, определительный’ (т. е. ‘определенный’ в переводе на современный язык), ‘надежный’ [30, s. 82]. Более подробный и богатый оттен-

ками семантический спектр дают немецкие и польские определения ²²: *pewny* 'gewiss' ('верный, неперемный'), 'sicher' ('надежный'), 'unfehlbar' ('безошибочный'), 'untrüglich' ('безошибочный, несомненный'), *pewnie, pewno* 'nieroschubnie' ('неизбежно; непременно'), 'zapewno' ('конечно, поистине; наверно(е)'), 'bez wątpienia' ('без сомнения'), 'iście' ('действительно, в самом деле'), 'zaiste' ('подлинно, истинно') [30, s. 82]. Именно в этом наборе значений мы можем найти и разгадку контекста «яз, князь велики, допoлна иду на них ратью» (ИЛ, с. 66 под 1471 г.) — 'непременно, неминуемо, с полной определенностью иду', и подтверждение сформулированных выше определений 'подлинно, точно, на самом деле' для ИЛ и прочих примеров того же типа, определения 'истинно, действительно' для КД, с. 367 (см. пример выше).

Применительно к АИ, с. 187 (показания Д. Сунбулова) и другим аналогичным контекстам польские словари предоставляют в наше распоряжение целый ряд определений модального характера: 'непременно, без сомнения, наверно(е), очевидно, вероятно'. Можно предположить, что значение 'окончательно, совсем' наречия *допoлна* имеет в своей основе значение 'прочный, незыблемый, надежный, твердый' прилагательного *pewny* [18, s. 72]. В этой связи нельзя не отметить соответствие *pewnye <j> — plenius* в примере, приведенном в Старопольском словаре на значение 'skutecznie, efficaciter' (т. е. 'эффективно, действенно') наречия *pewnie* [18, s. 70]. Значение полноты в подобных случаях производно от значения результативности, необратимости достигнутого эффекта.

В отношении лексической сочетаемости *допoлна* наших текстов идеально совпадает с наречиями *pewnie* и *pewno* и соотносительно с прилагательным *pewny* в именной конструкции. Так, в статьях *pewnie* и *pewno* Старопольского словаря, в семантической рубрике 'niewątpliwie, na pewno, bez wątpienia, certo, sine dubio' (т. е. 'несомненно, наверно, без сомнения, твердо, определенно') [18, s. 70—71] представлены немалым числом примеров сочетания толкуемых наречий с формами глагола *wiedzieć* и его производных (аналогичная картина была отмечена нами в русских и белорусских текстах); словосочетание *допoлна надѣяться* сопоставляется с *pewno nadzeya* [18, s. 73], *допoлна вѣрить* — с *pewno wierzycz* [18, s. 71], *допoлна довести* — с *dowody pewno* 'надежные доказательства' [18, s. 72]. Учитывая данные Старопольского словаря, мы можем сформулировать определения для тех случаев употребления *допoлна*, которые на основании контекста надежно определить было невозможно: *допoлна надѣяться* подразумевает 'твердо надеяться', *допoлна вѣрить* — 'верить без сомнения'. Что касается соответствия *допoлна — sufficienter* в ОД (пример приводился выше), то в материалах Старопольского словаря есть случай передачи латинского *sufficienter* польским *pewno*: *Sufficienter, pewno, in artibus fuit instructa* [18, s. 71] ²³.

В одном документе, автор которого — иностранец, владеющий, судя по присутствию полонизмов, польским языком, встретилось *допoлна* в значении 'твердо, стойко': *допoлна себя* (зачеркнуто: *оберегал*) *оборонялис(ь)* (К³, с. 16).

Возможно, какие-то значения *допoлна*, базирующиеся на значениях польского *pewny*, нам не удалось выявить; встречаются также случаи, когда трудно сделать однозначный выбор между возможными вариантами понимания слова, однако ориентированность на польское *pewny* как семантический прототип наречия *допoлна* может быть полезна при расшифровке неясных употреблений.

Появление *допoлна* для передачи латинского *plenarie* в ОД свидетельствует о том, что переводчик связывал это наречие с прилагательным *полный* 'plenus'; близкое по звучанию *спoлна* подсказывало простой и,

²² Приводим те, которые поддаются однозначному переводу и вписываются в контексты ст.-рус. *допoлна*.

²³ Сравнивая определения Зизания и Берынды к слову *известно*, мы можем заключить, что украинские полонизмы *певне* и *достатечне* в определенных условиях осознавались как синонимы — обстоятельство, которое в какой-то степени объясняет употребление *допoлна* в значении 'достаточно'.

казалось бы, очевидный путь к осмыслению не совсем ясного канцелярского слова ²⁴. Возможно, с влиянием *сполна* связано и окончательное ударение *дополна́* в УРС. Для более раннего времени (XV и XVI вв.) имеются данные (написания *даполна*, *дополно*) ²⁵, позволяющие реконструировать ударение предконечного слога, что вполне соответствовало бы происхождению слова из **do rewna*.

Случаи написания *полный* в значении западнорусского *повный* ² (польского *rewny*) в русских текстах, изобилующих польскими и западнорусскими элементами, выявлять весьма трудно: значение в большинстве случаев неясно, во всяком случае его невозможно установить без привлечения словарных источников по староукраинскому, старобелорусскому и старопольскому языкам. Устойчивое сочетание *полная вѣсть*, весьма редкое в старорусской письменности (нам известно только два примера), было бы трудно с уверенностью расшифровать, если бы в одном из текстов, относящемся к 1509 г. (КД, с. 72), оно не выступало в ближайшей соотнесенности с *дополна*. Подвергая сомнению достоверность известий, полученных от валашского воеводы, крымский хан сетует: «а полные де вѣсти нѣтъ, и мы какъ отвѣдаемъ дополна про тѣ вѣсти, къ тебѣ къ брату своему человѣка пошлемъ». Выражение *полная вѣсть* означает 'достоверные, точные известия' и восходит скорее всего к польскому словосочетанию *rewna wiadomośc*, отражения которого в старобелорусских текстах XVI—XVII вв. обильно представлены в Историческом словаре белорусского языка: *невную ведомость маемъ, невное ведомости не мел* и др. под. [25, вып. III, с. 58]; *для невное, невной вядомости* [25, вып. VI, с. 224]. В нашем тексте представлено не прямое заимствование старопольского словосочетания, а результат своеобразного калькирования: существительное переведено восточнославянским *вѣсть*, прилагательное *rewny* — его белорусским соответствием *поўны* ² (орфографически *полный*). Фразеологизм *полная вѣсть* появился в старорусском языке не позднее первых десятилетий XV в. — на это указывает приведенная в «Материалах» Срезневского цитата из Жития Стефана Пермского. В какой мере сохранилось при этом его исходное (старобелорусское) значение, не подверглось ли содержащееся в нем прилагательное *полный* ² семантической аттракции со стороны *полный* ¹ ('*plenus*'), судить трудно.

Подводя итоги, обрисуем кратко историю старорусского *дополна*, насколько ее можно восстановить по памятникам письменности. Формирование наречия **дповна*, **допоўна*, обозначавшегося на письме как *дополна*, произошло на территории функционирования западнорусского языка в процессе адаптации польского **do rewna*. Устным или письменным путем оно проникло в сопредельные русские земли: Рязанскую, Московскую, Псковскую, Новгородскую. Влиятельность польского языка в восточной и северной Европе XVI в., широкая распространенность западнорусского языка как посредника между польской и западноевропейской культурой, с одной стороны, и русской — с другой, постоянные дипломатические контакты с Польско-Литовским государством и другие факторы политического характера обусловили вхождение в русский язык ряда полонизмов через западнорусское посредничество. В этих условиях *дополна*, часто встречающееся в документах Посольского приказа, в межгосударственной переписке, просачивающееся в военных донесениях с окраин и из-за рубежа, начинает, преимущественно в ситуации пересказа, цитирования, проникать в язык летописей. Наибольшее число примеров такого рода падает на записи последней трети XV в. и пятиде-

²⁴ Смешение *сполна* и *дополна*, нечеткое их различие — особенность ряда текстов 1640-х годов, написанных иностранцами. Переводчик книги Вальдгаузена моделировал значение наречия *сполна*, исходя из традиции употребления *дополна*; в некоторых переводных документах *сполна* выступает в контекстах, свойственных скорее наречию *дополна* (К³, с. 34, 50; К⁴, с. 101, 167); в то же время ряд употреблений слова *дополна* в К⁴ остается неясным без привлечения иноязычного оригинала — все это свидетельствует о распаде старой традиции под пером переводчиков-западноевропейцев.

²⁵ Вариант *дополно* засвидетельствован и в Историческом словаре белорусского языка [25, вып. VIII, с. 298].

сятых годов XVI в. В летописных записях последующего времени *дополна* перестает встречаться; для XVII в. оно сохраняется только в переводных текстах и писаниях иноземцев. К середине XVII в. появляются случаи употребления *дополна* в значении 'сполна', свидетельствующие о попытках переводчиков-западноевропейцев осмыслить малознакомое слово в связи с прилагательным *полный* 'plenus' и наречием *сполна*. Сделать какие-либо заключения о времени появления ныне известного просторечного *дополна* в значении 'очень много' имеющийся в памятниках материал не позволяет.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЗР Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные археографической комиссией. Т. I. СПб., 1846.
- АИ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. I. СПб., 1841.
- ВЛ Летопись по Воскресенскому списку.— ПСРЛ, т. 8. СПб. 1859. Сп. XVI в.
- ВПЛ Вологодско-чернская летопись.— ПСРЛ, т. 26. М.—Л., 1959. XVI в.
- ДАИ Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археографической комиссией. Т. II. СПб., 1846. Т. VI. СПб., 1857.
- ЕЛ Ермолинская летопись.— ПСРЛ, т. 23. СПб., 1910.
- Жит. Стеф. Перм. Житие Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. XV в., сп. XV—XVI вв.
- Ив. Гр. Посл. Послания Ивана Грозного. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1951.
- Изм. Измарагд. Рукопись БАН, 13.2.7, л. 10—422. XIV—XV вв., сп. XVI в.
- ИЛ Иоасафовская летопись. Под ред. А. А. Зимина. М., 1957.
- КД Памятники дипломатических отношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией, т. II (Сб. Русского исторического общества, т. 95. СПб., 1895).
- КДРС Картоотека древнерусского словаря. Институт русского языка АН СССР.
- К¹ Вести-Куранты. 1600—1639 гг. М., 1972.
- К² Вести-Куранты. 1642—1644 гг. М., 1976.
- К³ Вести-Куранты. 1645—1646, 1648 гг. М., 1980.
- К⁴ Вести-Куранты. 1648—1650 гг. М., 1983. Перевод Оснабрюкской части Вестфальского мирного договора (Куранты ⁴, № 1, с. 13—64) сопоставляется с латинским текстом по изданию: Instrumenta pacis Westphalicae. Die Westfälischen Friedensverträge 1648. Bern, 1949.
- НикЛ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью.— ПСРЛ, т. XIII. СПб., 1904.
- НЛ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А. Н. Насонова. М.—Л., 1950.
- ОД Перевод печатной тетради об Оснабрюкском мирном договоре.— Вести-Куранты. М., 1983, с. 13—64.
- ПД Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. I. СПб., 1882 (Сб. Русского исторического общества, т. 35). Т. III. СПб., 1892 (Сб. Русского исторического общества, т. 71).
- Посс. Приезд в Москву папина посла Антония Поссевина (Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. X. СПб., 1871).
- ПСРЛ Полное собрание русских летописей.
- РА Русские акты Ревельского городского архива.— Русская историческая библиотека, т. 15. СПб., 1894.
- РИБ Русская историческая библиотека. Т. XXXI. Сочинения князя Курбского. СПб., 1914.
- СПЛ Софийская вторая летопись.— ПСРЛ, т. 6. СПб., 1853. XVI в.
- УРС Вальдгаузен И. Я. Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. М., 1647. Сопоставление с немецким текстом сделано по изданию: Wallhausen J. J. Kriegskunst zu Fuß. Oppenheim, 1615.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь Академии Российской. Ч. IV. СПб., 1793, с. 971.
2. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отд. имп. Академии наук. Т. I. СПб., 1847, с. 354.
3. Словарь русского языка в четырех томах. Т. I. М., 1981.
4. Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Вып. 1. Пермь, 1984.
5. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Т. 1. Томск, 1964.
6. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2. Т. I. СПб.—М., 1880; Т. III. СПб.—М., 1882.
7. Словарь русских народных говоров. Вып. 8. Л., 1972. Вып. 27 (машинопись).
8. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Труд И. И. Срезневского. Т. 2. СПб., 1902, с. 1750—1751.
9. *Иловайский Д. И.* Сочинения. М., 1884.
10. *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв.—Сб. ОРЯС, т. 74. СПб., 1903.
11. *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927, s. 403.
12. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Т. IV. М., 1973, с. 164.
13. *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957, s. 365, 92.
14. *Варбот Ж. Ж.* Славянские этимологии (слав. *rvati и ст.-рус. *повоно*, ст.-слав., др.-рус. (*и*)*спыти*; ст.-слав. *лѣподръвъ*).—*Slawistyczne studia językoznawcze.* Wrocław, 1987.
15. Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением имп. Академии наук. СПб., 1852.
16. Дополнение к опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.
17. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Четвертое, исправленное и значительно дополненное издание под редакцию проф. И. А. Бодуэна де Куртене. Т. III. СПб.—М., 1912.
18. *Słownik staropolski.* Т. VI, zeszyt 1 (34). Wrocław — Warszawa — Kraków, 1970.
19. Диалектологический атлас русского языка (Центр Европейской части СССР). Карты. Вып. I. Фонетика. М., 1986, к. 81.
20. *Tönnies Fenne's* Low German Manual of Spoken Russian, Pskov, 1607; Vol. II. Copenhagen, 1970; Vol. III. Russian — Low German Glossary. Topenhagen, 1985.
21. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Текст подготовили Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков. Л., 1979, с. 308.
22. Словник староукраїнської мови. Т. I—II. Київ, 1977—1978.
23. *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972.
24. *Karłowicz J., Kryński A., Niedzwiedzki W.* Słownik języka polskiego. Т. IV. Warszawa, 1908.
25. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. I. Мінск, 1982. Вып. III. Мінск, 1983. Вып. VI. Мінск, 1985. Вып. VIII. Мінск, 1987.
26. Лексис Лаврентия Зизания. Підготовка текстів і вступи статті В. В. Німчука. Київ, 1964, с. 15.
27. *Urbańczyk S.* Zarys dialektologii polskiej. Warszawa, 1968.
28. *Dejna K.* Dialekty polskie. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1973.
29. *Селищев А. М.* Славянское языковедение. Т. 1. М., 1941, с. 313.
30. *Linde M. S. B.* Słownik języka polskiego, wyd. 3, t. IV. Warszawa, 1951.

ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

К 200-летию Великой Французской революции была приурочена конференция по теме «Влияние Французской революции на славянские народы», состоявшаяся 21—23 февраля 1989 г. в Кетене (ГДР). Она была организована Обществом историков ГДР совместно с Университетом Мартина Лютера и представляла собой крупный международный форум, на котором присутствовали ученые из Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, СССР, Чехословакии, а также Австрии и ФРГ, занимающиеся вопросами влияния идей и событий революции во Франции конца XVIII в. на страны Восточной Европы.

Заседания открыл председатель Специализированного совета по истории славянских народов проф. Д. Иена (ГДР). Он отметил огромное историческое значение Французской революции, ее влияние на экономическое, социальное и политическое развитие всех европейских народов, проведя историческую параллель с Великой Октябрьской социалистической революцией. В обобщающем выступлении руководителя Отделения истории СССР Университета Мартина Лютера проф. Э. Доннерта была подчеркнута необходимость расширения географических рамок и проблематики исследований за счет изучения отражения событий и идей Французской революции в странах Восточной Европы и прежде всего у славянских народов. Специфика восприятия и интерпретации революционной идеологии в странах данного региона, обусловленная сохранением здесь феодальных порядков и абсолютизма, состояла в тесной связи Просвещения, революционного движения с борьбой славянских народов за национальное самоопределение. Предметом специального рассмотрения стали поэтому славянские народы Австрии, Балканского полуострова и Польши, место России в событиях эпохи.

Кризис феодальной системы во Франции, свержение монархии и установление якобинской диктатуры оказали существенное воздействие на процесс дифференциации и идеологического размежевания национальной интеллигенции в Чехии, Моравии и Словакии. Влияние идей Французской революции в длительной перспективе, по мнению австрийских ученых А. Драбека и В. Лукана, рассматривавших эту проблему, сыграло существенную роль в переходе от абсолютизма к конституционной монархии и от нее к республике. Вопросам истории якобинства в Венгрии, Чехии и Словакии были посвящены выступления историков ЧССР Е. Деака, М. Пиша и Ф. Хейля, показавших, каким образом под влиянием событий во Франции, новых научных и политических доктрин Просвещения, философского рационализма, теорий естественного права представители радикальной местной интеллигенции разрабатывали программу свержения абсолютизма, национального возрождения и осуществ-

Медушевский Андрей Николаевич — канд. ист. наук, научный сотрудник Института истории СССР АН СССР.

ления широких социальных преобразований, направленных на преодоление отсталости страны.

Проблемы истории освободительного движения на Балканском полуострове рассматривались в докладах историков ГДР, показавших связь греческого национального движения с борьбой славянства за национальное освобождение (И. Ирмшер) и, прежде всего — в Болгарии (Д. Фрейданк). В этой связи было обращено внимание на роль Православной церкви в идеологическом обеспечении национального единства, формирования идеи создания единого Балканского государства, характера и исторического значения движения фанариотов.

Особое положение среди славянских народов Восточной Европы занимала Польша, территориально разделенная тремя государствами — Пруссией, Австрией и Россией. Общую характеристику влияния Французской революции в польских землях большинство докладчиков поэтому связывало с национально-освободительным движением, стремлением к самоопределению, подчеркивая при этом внешнеполитический аспект проблемы. Такая постановка проблемы была дана в докладах польских историков — Х. Куцоя «Польша и великая революция во Франции» и В. Серчика — «Польская конституция 3 мая 1791 г. и Россия».

Специальное внимание исследователей было обращено на значение ряда крупных культурных центров Германии в распространении идей Французской революции. Отметим в этой связи выступления С. Хиллerta (ГДР) — «Лейпциг как посредник в распространении идей Французской революции» и П. Кунце (ГДР) — «Французская революция в ее воздействии на Лужицу».

Большой самостоятельной темой на конференции стало обсуждение влияния идей Французской революции на Россию. В обобщающем докладе проф. П. Хофмана (ГДР) «Россия и Французская революция» был дан развернутый анализ состояния разработанности данной проблемы в историографии ГДР. По его мнению, рассматриваемая проблема имеет два основных аспекта — внутриполитический и внешнеполитический: к первому относятся степень распространности идей Просвещения в России XVIII в., социальная направленность различных его течений и представителей; ко второму — формирование отношений России с другими странами (Пруссией, Австрией) под непосредственным влиянием революции, дипломатические усилия по консолидации антиреволюционного блока. Новую постановку проблемы предложил проф. Д. Иена (ГДР) в докладе «Свободные каменщики и движение декабристов под влиянием Французской революции», где была дана характеристика русского масонства как специфической социальной организации, способствовавшей проникновению идей Французской революции в русское общество и, в частности, их влиянию на декабристов. Была показана постепенная политизация масонских лож, рост идейной дифференциации «свободных каменщиков», борьба консервативной, либеральной и революционной тенденций в их среде.

Ряд основных проблем общественной мысли стал предметом специального рассмотрения в связи с изучением влияния Французской революции на русское общество. В докладах историков ГДР особое внимание обращалось на переломную эпоху конца XVIII — начала XIX в. и наиболее ярких представителей общественной мысли этого периода в России: Х. Шмидт — «Позиции русских писателей между 1789 г. и восстанием декабристов 1825 г.»; У. Лемани «Просветительское историческое мировоззрение Н. М. Карамзина»; Г. Карли «Карамзин и его западные современники и русские последователи»; С. Волле «Либеральная весна 1801 г. Русский царь между желанием реформ и стремлением удержать власть»; Х. Мейске «Аспекты „реформаторской политики“ в первые годы правления Александра I»; М. Шиппан — «Французская революция и представления о мире в России до 1825 г.» Переосмысление событий Французской революции русской революционной мыслью последующего периода стало предметом обсуждения в докладах Р. Андерс (ГДР) — «Французская революция и революционное народничество», а также У. Германа (ГДР) «О рецепции революционного опыта в теории и практике РСДРП». В ряде вы-

ступлений, например, докладе Л. Берендта (ГДР) о русском историке французской революции Н. М. Лукине, давалась характеристика развития историографии проблемы.

В докладах советских историков были обобщены основные достижения отечественной историографии проблемы и сформулированы некоторые новые перспективные направления исследований. О. В. Орлик выступила с докладом «Русская культура и Французская революция», показав отношение к этому событию ведущих представителей общественной мысли России XIX в. Пушкин, Герцен, Тургенев, Толстой, несколько поколений ученых и революционных реформаторов заложили то понимание Французской революции, которое стало существенной частью всей русской культуры, во многом не утратив своего значения для современности. А. Н. Медушевский в докладе «Французская революция и теории естественного права в России» охарактеризовал основные этапы развития правовой доктрины русского конституционализма под углом зрения влияния на нее учения просветителей — Монтескье и Руссо. Предметом анализа стало переосмысление Французской революции в трудах Б. Н. Чичерина, А. Д. Градовского, С. А. Муромцева, М. М. Ковалевского, П. И. Новгородцева, других видных представителей русской науки, обращение их к теориям естественного права, оказавшим несомненное влияние на русскую политическую мысль XIX — начала XX в. и прежде всего разработку в ней концепции правового государства. Одним из направлений изучения идейного взаимовлияния культур революционной Франции и России стал анализ памятников политической мысли — «Наказа» Екатерины II и переписки Ф. Лагарпа и Александра I. Первый из этих памятников, как показал в своем докладе С. Я. Карп, будучи основан во многом на сочинениях французских просветителей и запрещенный поэтому в предреволюционной Франции, был тем не менее внимательно изучен и переведен лидером жирондистов — Ж. П. Бриссо. Другой памятник — письма Лагарпа, сообщение о котором сделал К. М. Андерсон, может рассматриваться как одна из первых серьезных попыток философского осмысления Французской революции, ее закономерности и возможности практических выводов из нее относительно введения конституционной монархии. Отечественная историография проблемы нашла освещение в докладе М. Н. Машкина, показавшего ход изучения русскими учеными революции во Франции.

В ходе развернувшегося обсуждения были поставлены вопросы расширения проблемных, географических и хронологических рамок исследовательской работы, совершенствования понятийного аппарата. Дискуссия шла по таким вопросам, как соотношение Просвещения и революционной идеологии, социальная природа и историческое значение якобинства как самостоятельного общественного течения, роль отдельных социальных институтов, учений и деятелей.

Французская революция явилась наиболее завершенным проявлением общеевропейских и даже общемировых процессов социального развития. Она выразила объективное осознание обществом назревших глубоких перемен. По масштабам этих качественных изменений их можно сравнить лишь с ситуацией накануне русских революций XX в., и, может быть, с современной ситуацией в мире. Аналогию ситуаций хорошо видели мыслители стран Восточной Европы XIX — начала XX в. Общим в их произведениях является подход к Французской революции как к крупнейшему событию мировой истории, оказавшему огромное влияние на все сферы общественной жизни Европы и мира в целом.

Однако главный интерес интеллигенции славянских народов стран Восточной Европы, как показали многие выступления, был не исторический, а прежде всего общественно-политический, практический, на что обращалось особое внимание. Данное обстоятельство определяется спецификой исторической ситуации восточноевропейского региона, для стран которого были свойственны более медленные темпы развития, сохранение феодальных пережитков, абсолютистской монархии и отсутствие демократических форм правления. Модернизация этих стран имела характер

догоняющего развития, осуществлялась скачкообразно, путем реформ сверху и европеизации. В связи с этим для интеллигенции Пруссии, Австрии, Польши, России особенно важным был выбор пути исторического развития, средств и способов социального переустройства, отношения к важнейшим событиям в политической жизни Западной Европы.

На современном этапе развития мировой исторической науки четко видна тенденция к переосмыслению значения и результатов Французской революции, причем имеют место полярные точки зрения. Весьма обоснованно данная проблема возникла на конференции при обсуждении либеральной традиции осмысления Французской революции в славянских странах и прежде всего в России. Особенно актуально в данном контексте было: каков идеал права, который создало Просвещение накануне революции, каковы результаты проверки этого идеала в ходе революции и почему провозглашенные идеалы и реальность оказались в противоречии между собой. В центре внимания ученых оказалась при этом правовая концепция просветителей, а это была, как известно, доктрина естественного права в ее наиболее рационалистической трактовке Монтескье и Руссо. Обращение к естественно-правовым теориям прошлого было одним из важнейших средств, ведущих к переосмыслению опыта Французской революции. В связи с этим особое значение приобретали именно те идеи просветителей, которые стремилась реализовать Французская революция, а именно — идея народного суверенитета и теория разделения властей. Наиболее последовательными выразителями этих идей являлись соответственно Руссо и Монтескье, а потому их теоретическое наследие оказалось в центре дискуссий, обозначив различные тенденции правовой мысли. Посуществовать, это был спор о том, каким образом в правовом государстве можно согласовать начало народовластия с гарантиями прав личности. Исходя из традиции естественного права, Руссо считал стремление к свободе и равенству прирожденными свойствами человеческой природы. Поэтому главное внимание в его концепции уделялось необходимости разрушения того общественного порядка, который, нарушая эти принципы, навязывает человечеству неприемлемые нормы и ценности. Уничтожение существующего строя, следовательно, уже само по себе возвращает человека к его естественному, а значит и более разумному порядку вещей. О том, что будет представлять собой общество будущего в смысле его организации, управления и правовых гарантий, Руссо говорит гораздо более кратко и неопределенно. Монтескье, напротив, главное внимание обращал именно на эту сторону дела. Как и Руссо, Монтескье исходил из идеи естественного права в том смысле, что каждому человеку должен быть обеспечен определенный уровень свободы. Однако гораздо больше его интересовали конкретные средства достижения разумной социальной организации. Поэтому, в отличие от Руссо с его идеями отказа от достижений цивилизации, Монтескье стремился найти свои аргументы в историческом опыте развития конкретных форм государственного устройства. Отсюда и его обращение к сравнительно-историческому изучению государственного права, духа законов, административного устройства в самых различных их проявлениях — в Риме, Спарте, Китае, России, Польше и особенно Англии, на основе опыта которой он и строил свою известную теорию разделения властей.

Противопоставление воззрений Руссо и Монтескье, как было показано во многих докладах на конференции, служило для мыслителей стран Восточной Европы и, в частности, России, важным средством познания социальной действительности, осмысления итогов Французской революции, перспектив национального развития славянских народов. Не случайно заостренную постановку данной проблемы мы находим в сочинениях Радищева и Карамзина, Герцена и Толстого, воззрениях русских конституционалистов пореформенной эпохи. Главный недостаток учения Руссо большинство мыслителей видело в его абстрактном характере, внутреннем противоречии, утопизме, отсутствии позитивной программы преобразования общества. Крайне актуальными в свете исторического опыта представляются выводы о том, что реализация этих идей в ходе Француз-

ской революции неизбежно должна была обернуться террором. Идеалам Руссо, согласно данной точке зрения, предстояло вечно оставаться в области мечтаний, поскольку им не было места в действительной жизни. Напротив, направление просветительской мысли, представленное Монтескье, вызывало, как видно из ряда выступлений на конференции, больший интерес, а его главная заслуга состояла в попытке построить положительный идеал общественного устройства исходя из реальностей исторического развития. Известно, что одной из важнейших гарантий политической свободы является осуществление социального контроля. В качестве такой гарантии Монтескье выдвигал принцип разделения властей — законодательной, исполнительной и судебной, чтобы «власть сдерживала власть». Этот принцип оказался в центре борьбы против абсолютизма практически во всех странах Восточной Европы, стал основой программы построения правового государства, а потому рассматривался конституционалистами многих стран как важнейший.

Именно в этом контексте следует интерпретировать то направление правовой мысли, которое получило название «возрождение естественного права». В пореформенной России оно нашло свое теоретическое обоснование в трудах ряда ведущих философов, юристов и историков. Обращение к доктрине естественного права прослеживается уже у Б. Н. Чичерина. Дальнейшее развитие этой тенденции происходило в 80-е годы XIX в. и последующий период и представлено трудами П. И. Новгородцева, В. М. Гессена, Б. А. Кистяковского, И. А. Покровского, В. М. Хвостова, И. В. Михайловского, Л. И. Петражицкого, А. С. Яценко. В области философии права эти идеи выражали наиболее полно В. С. Соловьев, Е. Н. Трубецкой и Н. А. Бердяев. Из представителей социологической школы права к интересующим нас проблемам неоднократно обращались такие юристы, как С. А. Муромцев, Н. М. Коркунов, М. М. Ковалевский, Ю. С. Гамбаров, Г. Ф. Шершеневич, Н. А. Гредескул и многие другие. В их трудах отражена тесная связь теоретических воззрений на право с теми общественными вопросами, которые ставила эпоха, когда на первый план выходили именно те стороны учения естественного права времен Французской революции, которые наиболее актуальны стали в преддверии первой русской революции.

Поэтому представляет интерес уже сам характер обращения русской юриспруденции к теории естественного права, выделение ключевых проблем в ней. Имеется в виду подход к праву с точки зрения общечеловеческих ценностей, выработанных цивилизацией, на основе которых в принципе возможно создание идеала общественного устройства. Первостепенное значение при этом придавалось положению о том, что природе человека изначально присущи определенные этические принципы, играющие в организации общества регулирующую роль, своего рода исконные правовые начала. Отсюда проистекает представление о связи права и этики. Другим выводом этого учения стал тезис о различении идеального и реального правового порядка, необходимости постоянного соотношения существующего (положительного) права с идеальным. Сама идея изначального характера этических представлений, присущих человеку в принципе, побуждала к переосмыслению естественного права, где аналогичная идея была выражена в наивной и механистической форме.

Развивая идеи о правовых гарантиях политической свободы, русские конституционалисты подчеркивали разумность такого государственного устройства, при котором никто не был бы вынужден делать то, к чему не обязывают его законы, и никто не встречал бы препятствий делать то, что законы ему разрешают. Родоначальником теории правового государства признавался Монтескье, поскольку именно он впервые сформулировал принцип разделения (или обособления) властей как необходимой гарантии политической свободы. В поле зрения русских либеральных мыслителей находились также те дальнейшие модификации теории, которые, под влиянием опыта Французской революции, наполеоновской диктатуры, внесли в теорию правового государства последовательно жирондисты, Б. Констан, В. Гумбольдт.

Таков круг проблем, которые обсуждались русскими конституционалистами предреволюционной эпохи и которые во многом объясняет сам факт актуализации идей естественного права и в их истории и в их преломлении через события Французской революции. Правовые идеи эпохи Французской революции, прежде всего теории естественного права, оказали несомненное влияние на русскую политическую мысль XIX в. и прежде всего разработку в ней концепции правового государства.

Конференция несомненно явилась важным научным событием, а поставленные в ее ходе проблемы станут предметом дальнейшего изучения.

«ГОСПОДЬ СОТВОРИЛ ТЕБЯ ПИСАТЕЛЕМ»

Эти восторженные слова вырвались у Мицкевича, слушавшего колоритные рассказы Генрика Жевуского о давней и не столь далекой шляхетской старине. Когда же ошеломленный такой реакцией уже известного и особо им почитаемого поэта Жевуский заговорил о том, что не ощущает в себе такого призвания, да и как писать не знает, Мицкевич горячо настаивал: «...Пиши, умоляю тебя». — «Но как?» — «Так, как говоришь», — последовал ответ [1].

Мицкевич не ошибся: вышедшие спустя девять лет в Париже (1839) «Воспоминания ясновельможного пана Северина Соплицы» сразу же сделали Жевуского известнейшим литератором. Правда, пошли разговоры, что талант его находится под сильным влиянием «Пана Тадеуша» (появившегося пятью годами ранее), что сам колорит поэмы Мицкевича легко угадывается в прозе Жевуского. На это ответил сам Мицкевич: «...Все было наоборот. Это я почерпнул из рассказов Жевуского идею „Пана Тадеуша“ и весь колорит этой исторической поэмы и даже фамилию Соплицы» [2].

Это произведение интересно не только в контексте истории польской литературы, где оно дало начало целому течению в прозе и в поэзии. На фоне общеевропейских свершений в области исторического романа оно до сих пор поражает своей национальной самобытностью. Используя рожденный духом и стилем давней шляхетской культуры фольклорный жанр гавэнды, которым Жевуский блестяще владел «в жизни», писатель «олитературивает» фольклор.

Талантливейший польский прозаик времен романтизма, своеобразный мыслитель-публицист и неординарная личность, Жевуский до сих пор является объектом острой критики, с одной стороны, живого читательского внимания и обязательного атрибута школьной программы — с другой.

А. Сьлиш в монографии «Генрик Жевуский. Жизнь и воззрения» [3] пытается найти ключ к пониманию творческой личности писателя и его идейной позиции. Цитируя во вступлении нелестные отзывы о Жевуском, резкие нападки современников и потомков, автор не без основания замечает, что во всем этом «кроется какое-то драматичное, внешне мало понятное противоречие» [3, с. 6]. Многое А. Сьлишу удалось прояснить и распутать. Он собрал и объективно изложил большой материал (в частности, связанный с рукописным наследием Жевуского), отражающий характер его мировидения. Этот материал автор не подгонял под уже привычные схемы, не превращал его, препарировав и лишая контекста, в иллюстрации заранее определенных тезисов. Поэтому в книге два смысловых слоя: мысли Г. Жевуского и суждения о них А. Сьлиша. Эти два слоя не всегда абсолютно совпадают, «притираясь» друг к другу. Они могут образовывать диалог, звучать полемически. Такая «полифония» (задуманная или

Липатов Александр Владимирович — канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР.

случайная?) — плюс для автора, ибо свидетельствует о его объективности, выражающейся в предоставлении слова «персонажу» своего повествования, «оппоненту» своих размышлений.

Насыщенность книги материалами, их рассмотрение во взаимосвязи с событиями истории, политики, искусства, с освещением жизненных путей и контактов известных культурных деятелей Польши, России и Запада — все это свидетельства масштабности анализа и научной ценности работы, мимо которой не пройдет историк, культуролог, литературовед, занимающийся польским романтизмом. Автор во многом самостоятельно раскрыл жизненный и писательский путь Жевуского, его отношения как с русскими (с одной стороны, А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов, П. А. Вяземский и другие «друзья-москальи», а с другой — череда известных царских сановников и людей официального света), так и с поляками (Мицкевич, Красинский, Крашевский, многие другие). Объективность и самостоятельность А. Сьлиша проявилась, в частности, и в том, что он показал безосновательность суждений о Каролине Собаньской (сестра Жевуского, одна из «муз» Пушкина) как об агенте III Отделения. Множеством конкретных материалов автор опровергает и домыслы современников (превратившиеся потом в аргументы для ученых) относительно «доносительства» Жевуского и прочих его «низостях». «Его личная честность, как и примерная семейная жизнь представляются вне подозрения» [3, с. 314]. Это суждение, прозвучавшее в конце книги, воспринимается, несмотря на ставшие традиционными мифы о «национальном изменнике», как естественное и правдоподобное.

Это еще одно свидетельство убедительности выводов автора, покоящихся на массе старательно собранных фактов и не менее старательном отсеиве сплетен, выпадов, домыслов.

Серьезный общественно-политический и философско-этический анализ дан рукописному наследию Жевуского и публикациям, непосредственно отразившим его мировоззрение. Фактически А. Сьлиш благодаря обширному цитированию и детальным разборам вводит в научный обиход то, без чего практически невозможно объективно понять писателя-мыслителя, его идеи, намерения, устремления... и ошибки¹. При этом, однако, возникает проблема более общего характера, связанная по сути своей уже не с данным ценным исследованием, а с привычной и вошедшей в обиход методикой оценок, ставшей стереотипной. Здесь нет места размышлениям о стереотипах — проблеме, не случайно дебатированной ныне в науке. Здесь, скорее, повод для конкретных наблюдений над явлением, когда серьезный труд исследователя, собравшего и осмыслившего большой, сложный и разнородный (исторический, политический, социальный, философско-этический, литературоведческий, художественно-литературный, биографический) материал, приходит в соприкосновение (а по сути — сталкивается) с критериями общих и конечных оценок и выводов. Эта обобщенность, законченность и конечность обуславливается жесткой, ибо ограниченной всего лишь двумя полюсами, системой координат: «прогрессивный» — «реакционный», «консервативный». Эта ограниченность, понятная и психологически неизбежная вне дистанции, которую дает время, и в таких конкретных условиях, как «две стороны баррикады» или «линия фронта», бруствер окопа, за которым свои, а перед которым враги, утрачивает понятность и очевидность, когда речь идет о таких сложных, многозначных и по сути своей *диалектичных* явлениях как история, философия, экономика, политика, нравственность, не говоря уже о сложных лабиринтах человеческой души, психологии творчества или личности художника-общественного деятеля—мыслителя (а именно таким был Жевуский). Помимо этого — до сих пор не выработана общая дефиниция понятия прогресса, до сих пор неясно, что (и кто) определяет его критерии, с каким мерилом к нему подходить. Существует разное по-

¹ Основные положения работы А. Сьлиша изложены нами в реферативном журнале «Общественные науки за рубежом». Серия 7. Литературоведение, 1988, № 4.

нимание прогресса — не только в истории, философии, экономике, но и внутри них.

Алогичность традиционного оперирования понятиями «прогрессивный» — «реакционный», «консервативный» бросается в глаза при оценке такой неординарной фигуры как Жевуский. Названный «консервативным» в связи с надеждами, которые он возлагал на шляхту², Жевуский остро критикует ее ошибки в прошлом и настоящем. Это, в частности, относится и к крестьянскому вопросу. В 1854 г. «консерватор» дает вольную всем своим крепостным. Это был смелый шаг — один из тех, которые привели Жевуского к полной изоляции и одиночеству в непосредственном шляхетском окружении. Столкнувшись с капиталистической реальностью Запада, Жевуский видит, что несомненный научно-технический прогресс сопровождается известными социальными язвами и моральными пороками. И поэтому в критике капитализма этот «консерватор» приближается к позиции представителей утопического социализма. (Кстати, наши литературоведы в процессе подготовки 6-го тома «Истории всемирной литературы» отказались от дихотомии «прогрессивный» — «реакционный», «консервативный» и т. п. при характеристике романтизма.)

Констатации А. Сълиша, равно как и размышления частного и общего характера, которые они вызывают, уже сами по себе свидетельствуют о значимости рассматриваемого труда и его инспирирующей роли. Эта книга начинает большой разговор о талантливейшем, но еще до конца не понятом писателе, который с меньшим успехом пытался быть также провидцем и учителем нации. Теперь открывается возможность увидеть его вне запальчивости, категоричности, обидчивости и... клеветы его современников, заслонивших (увы, основательно!) от потомков образ подлинного Жевуского. Теперь открывается возможность, преодолев сложившиеся стереотипы, говорить об этой оригинальной личности и ярком художнике без стыдливых умолчаний и осторожных оговорок.

Всему свое время.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Baworowski W.* Jak powstały pamiętniki Seweryna Soplicy. — *Czas*, 1866, № 67.
2. *Falkowski J.* Wspomnienia z roku 1848 i 1849. Warszawa, 1908, s. 54—55.
3. *Slisz A.* Henryk Rzewuski. Życie i poglądy. Warszawa, 1986, 327 s.

---

² Кстати, пролетариат и буржуазия в Польше того времени классово еще не оформились; к тому же последняя в значительной части была этнически польская.

МАКАРОВ В. И.

О ПРОБЛЕМЕ СЛАВЯНСКОЙ ПРАРОДИНЫ

ПИСЬМА АКАДЕМИКА А. А. ШАХМАТОВА АКАДЕМИКУ Ф. Е. КОРШУ¹

В июне 1989 г. исполняется 125-я годовщина со дня рождения выдающегося русского ученого-слависта А. А. Шахматова. В круг его разнообразных научных интересов в качестве одной из важнейших входила проблема славянского этно- и глоттогенеза. Известно, что многое в его теории подвергнуто пересмотру, хотя решенных вопросов по-прежнему мало.

Публикуемые ниже фрагменты писем А. А. Шахматова Ф. Е. Коршу, посвященные названной проблеме, интересны не только изложением взглядов, но и характером аргументации, источниками, привлекавшимися ученым к исследованию. Наконец, эти материалы важны и тем, что принадлежат перу и интеллекту великого ученого, а потому ценны и в чисто историографическом плане как отражение этапа развития науки о славянстве.

Письма, кроме первых двух (посланных ученым из села Губаревки Саратовской губ., где он обычно проводил отпуск), направлены из Петербурга в Москву, где жил и работал в Московском университете Ф. Е. Корш. Этих ученых связывала давняя и плодотворная дружба, их переписка составляет сотни писем по самым разным проблемам филологической и исторической наук.

3. 08.1910

л. 13 об. ...На днях меня оживило обращение к другой работе — к составлению курса, посвященного вопросу о происхождении русских говоров. Читаю сейчас *starožitnosti* Нидерле [1]. Пейскера я прочел [2]. Какая остроумная книга. Видели ли Вы возражения Нидерла в последней книжке *Archiv'a* [3]?

16.08.1910

л. 15 ...Составляемый мною теперь курс исторической диалектологии в начале, а может быть и в значительной своей части будет рассматривать некоторые основные задачи русских «Древностей». Стараюсь уяснить себе в особенности вопрос о праславянской родине и о разделении славянской семьи. Думаю, что со временем эти вопросы будут удовлетворительно разрешены наукой; в сущности уже и теперь материала для ответа

Макаров Владимир Иванович — канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета Киевского университета.

¹ Письма Шахматова Коршу найдены в архиве последнего, хранящемся в Архиве АН СССР, ф. 558, оп. 4, ед. хр. 367.

на них достаточно. Вы теперь заняты Пейскером. Нового труда его ² я еще не видел, знаю его по рецензии Нидерле. Но сообщу Вам несколько возражений против главных положений Пейскера, высказанных им в книге 1905 г.

л. 15 об. Во-первых, не доказано, чтобы родина славян была в Среднем Поднепровье ³. Я теперь все более склоняюсь к мысли, что ее надо искать между Вислой и Одером ⁴, для меня выяснилось, что южное и восточное славянство, по отделении от него западного, которое устремилось за Одер в опустевшую Германию, двинулось к нижнему Дунаю и здесь разделилось; восточные славяне заняли Поднепровье, с юга; не в качестве доказательства, а в качестве иллюстрации укажу на название левого притока Днестра и левого притока Южного Буга — Десна. А если так, то невероятно, чтобы славяне на своей прародине, у Балтийского моря, были поработены уралоалтайцами.

л. 16 Во-вторых, если бы даже славянская прародина была в среднем Поднепровье, то все-таки славяне не могли бы оказаться покоренными, поработенными уралоалтайцами. Среднее Поднепровье — это лесная местность (полоса степей начинается в южной части Киевской губернии), а леса, как отметил покойный Голубовский, были всегда непреодолимой преградой для кочевников.

В-третьих, если мы допустим подобное поработение со всеми его последствиями, между которыми не последнее место занимает выдвинутое Пейскером положение, что уралоалтайские победители, ассимилируясь славянами, становились господствующим среди них классом, то все-таки не поймем, почему же славяне не становились сами покорителями под руководством этих своих господарей, подобно тому, как превратившиеся в скифов иранцы приобретают характер воинствующих кочевников; мы не поймем, почему славяне в историческое время оказываются покоренными и, например, под владычеством аваров переживают опять все то, что, по мнению Пейскера, они переживали еще в доисторическое время, когда в составе нации не было еще уралоалтайских элементов (Пейскеровых жупанов) ⁵.

В-четвертых, не ясно, как сменилось уралоалтайское владычество над славянами германским; Пейскер предполагает именно такую смену; но она неминуемо повела бы к столкновению уралоалтайцев с германцами из-за обладания славянами, чего мы исторически доказать не можем.

В-пятых, Пейскер предполагает, что славяне сначала были скотоводами, потом потеряли скот под уралоалтайским владычеством, наконец, снова научились скотоводству под германским владычеством (Пейскерова триада: *mltzь — tvarogъ —*

---

² Речь идет о новой книге Пейскера [4]. В ней автор углубляет положения своей предыдущей работы на эту тему (см. [2]).

³ Нидерле согласился с Пейскером в том, что колыбель славянства находилась в Закарпатье, а ее центр — в лесных местах севернее Карпат и восточнее реки Вайхель [3, S. 572].

⁴ Между тем в вышедшей уже в следующем году работе Шахматов уточнит свою точку зрения: «...я допускаю, что исконную родину славян надо полагать в бассейнах Западной Двины и нижнего течения Немана...» [5]. Впрочем, такая детализация практически мало что меняет в свете последующих исследований: «Все имеющиеся в нашем распоряжении источники, вся последующая история славянства не оставляет сомнения в том, что исходная территория, где славяне выделились из балто-славянской общности, была очень значительной» [6].

⁵ *Жупан*, др.-русс. *жупанъ* 'должностное лицо, начальник округа'. У Пейскера жупан — этнически смешанный народ, тюркославянский, в котором трудно определить, где кончается тюркский и начинается славянский элемент.

mltko)⁶. Я думаю, что заимствование слов *tvarogъ*, *melko*, *svinija*, *bykъ* и т. д. ведет к другому заключению: славяне жили в таких условиях, где они вообще не могли быть скотоводами (в лесах и болотах Северной Германии); скот приходилось покупать (ср. свидетельство Константина Багрянородного, с которого Пейскер начинает свою аргументацию о том, что русские славяне покупали скот у печенегов); покупая взрослый скот, они, однако выращивали у себя молодой; отсюда выясняется то обстоятельство, на которое Вы обратили внимание: заимствуются названия для взрослого скота, т. е. такого, который покупался, покупали быков и коров, а не телят, свиней, а не поросят, коней, а не жеребят⁷. Германцы на западе, сарматы на юге — вот кто продавал славянам скот в обмен на шкуры, воск и мед. Но, конечно, книга Пейскера дала и много ценного; например, мне представляются убедительными его соображения относительно иранства скифов (язык их должен быть оставлен в стороне). Совсем для меня неясно общеслав. *smtrdъ*, так остроумно объясненное Пейскером. Может быть, это были сначала пленные рабы.

Я совсем увлечен эпохой передвижений народов. Прочел все, что под руками, но, конечно, под руками книг очень немного...

29.08.1910

л. 18

... 1) Определяя состав народностей, с которыми встречались восточные славяне, я вижу, что на севере они столкнулись с финнами и литовцами (с последними на северо-западе). Рассматривая названия рек в бассейне З. Двины и Немана, и Припяти и Березины, и Сожи, я остановился на названиях рек, оканчивающихся на *-sa* и *-ssa*: *Исса*, *Дрисса*, *Лучеса*, *Плисса*, *Двиноса*, *Осса*, *Велеса*, *Дубисса*, *Усса*, *Роса*, *Оресса*, *Уса*, *Очеса*, *Пивсса*... Такие реки в России известны только на северо-западе⁸.

л. 18 об.

Эти реки обращали на себя внимание некоторых представителей, проходивших, однако, молчанием вопрос о их происхождении. Признать их литовскими или финскими нет основания. У Ферстеманна, писавшего о топографических названиях в Германии, я нашел указание, что названия рек на *-sa*, *-ssa* широко распространены в современных немецких землях. Является предположение, не принадлежат ли эти названия кельтам⁹. Следовательно, не сидели ли кельты у Балтийского моря (в то время, когда их стали преследовать германцы и вытеснять из Европы). Что кельты сидели между прочим в Карнатах, видно из географической номенклатуры, ср. напр. реку *Ляборца* (немецкие названия *Lafer* в разных местах Германии) от кельт. *lafar* «гремящий». В пользу того,

⁶ Я. Пейскер считал, что слово *tvarogъ* славяне узнали в эпоху господства над ними кочевников [4, S. 5]. Ему возразил Янко [7]; на славянское происхождение этого слова указывали также Ягич [8], Брюкнер [9], Нидерле, связывавший *tvarogъ* с *творило* «деревянная форма для приготовления творога» [3, S. 577].

⁷ Ф. Е. Корш считал, что слова *бык*, *вол*, *коза*, *баран*, *скот*, *свинья*, *корова* заимствованы славянами из неславянских языков. Славяне могли держать лишь молодой скот, поскольку взрослый скот отбирали у них кочевые тюркотатары [10]. Нидерле считал эту точку зрения «логически и фактически несостоятельной», не раскрывающей, почему у славян для взрослого скота использовались чужие слова, а для молодого — собственные [3, S. 574]. Шахматов, как видим, поддержал Корша.

⁸ Впоследствии об этом писали, в частности, В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев [11]. Вывод Шахматова подтвержден для территории южнее Припяти О. Н. Трубачевым: «на этих южных территориях нет вообще ни одного сколько-нибудь вероятного балтийского названия с исходом *-sa*» [12].

⁹ Попытка Шахматова выводить ряд гидронимов из кельтского языка вызвала критику [13, 14].

что кельты могли жить у Балтийского моря, я привел бы еще следующее: а) еще названия географические, как *Mitava*, *Либава*¹⁰, ср. имена на *-ava* в кельтских странах, а также кельт. *vind* 'белый'; б) названия *Зимъгола*, *Летьгола*, во второй части которых слышится этническое название «галлов», ср. *Gallogracci* в Малой Азии; следовательно, это смесь кельтов с балтийцами; в) Тацит сообщает, что *Aestii* (из которых, не знаю почему, сделали аистов)¹¹, живущие по той стороне Белого моря, нравами походят на свевов, а по языку ближе к бретонцам («*guibus ritus habitusque Sueborum, lingua Britannicae prorig*»); нет основания думать, чтобы литовский язык напомнил Тациту бретонский, но кельтский язык Балтийского побережья, конечно, сходилствовал с кельтскими языками Бретании.

2) Славяне сами себя не называли ни венедами, ни антами. Нельзя ли отождествить оба эти племени? Если да, то признать ли, что сами славяне, не называя себя вентами, втами, называли так свои восточные племена, перенося на них то название, которое давали им западные соседи — немцы. Ср. анты как название восточных славян. Браун отождествил вятичей с вендами¹². Не потому ли они названы вятичами, что были самым восточным русским племенем?..

30.10.1910

л. 23

...Сильно бьюсь с венедами-кельтами. Набрал много материала, но все еще полной уверенности у меня нет — даже несмотря на то, что в Западной Пруссии на границе с Померанией нашлось *Wallach See*, несмотря на речку *Walsch*, впадающую в Фринигаф... Понимаю всю опасность от увлечения подобными данными и побочными созвучиями. Надеюсь, что к следующему свиданию с Вами я окончательно или утвержусь в гипотезе о кельтском происхождении венедев или откажусь от нее...

6.11.1910

л. 25 об.

...Теперь я уже твердо отстаиваю кельтское происхождение венедев. На днях я подводил итоги изучению географической номенклатуры. И когда я увидел местечко *Gototy* в Повислинье, ряд немецких *Boyen*, для меня присутствие кельтов в Повислинье стало доказанным. Вчера, совершенно, впрочем, случайно я напал на совсем забытый факт: *Windberg* в южной Баварии называли *veneti-dunum*.

20.11.1910

л. 29 об.

Сообщаю Вам славянские слова кельтского происхождения: кельтскую форму беру из Стохеса [18], а иногда из *Holder'a* и *Pedersen'a* [19].

отьсь — *otikos*
тѣсть — *taisto*
татъ — *tâtis*

¹⁰ М. Фасмер связывает гидроним *Mitava* с нем. *Mitau* и лтш. *Mitava*; *Либава* — с н.-в.-нем. *Libau* и лтш. *Liĕpāja* [15].

¹¹ Шахматов имеет в виду, видимо, следующее высказывание Фасмера: «Имя *Aestii* может быть воплощено в русск. *аистъ*» [16].

¹² «...Именем венедев,— писал Ф. Браун,— или, точнее, * вентов обозначалось некогда все славяно-балтийское племя. Впоследствии значение его сузилось и осталось лишь за некоторыми отраслями славянской семьи (вятичами и немецкими вендами) и айстскими вентами под Виндавой...» [17].

sluda — slougos
jablъko — aballos

(и мн. др.).

19.12.1910

- л. 33 ...Усиленно продолжаю сопоставления финских слов с кельтскими...¹³ Сейчас читаю бретонский словарь... Читаю и лапландский словарь... Очень меня крушит мое невежество и слабость моих сил...

8.04.1911

- л. 46 На днях здесь (в Петербурге.— В. М.) был Миккола¹⁴. Оказалось, он подошел очень близко к мысли о соседстве финнов с кельтами. Мы с ним много говорили. Все яснее для меня становится, как настоятельно необходимо изучение финских языков и древностей для нас русских.

21.10.1911

- л. 63 ... привлекаю слово *блющъ*, *плющъ* к определению славянской прародины; вижу, что о Полесьи нечего думать, а надо думать именно о прибалтийских провинциях, ибо плющ известен только там.

после 21.10.1911

- л. 64 ... Р. S. Пейскер только что прислал письмо. Доводы Ростафинского¹⁵, говорит он, еще не опровергнуты; в славянской прародине был граб; следовательно, прародина эта не может быть отнесена к северу, он упустил из виду, что граб известен в южной Курляндии, то есть в одной из областей, входивших в состав славянской прародины.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Niederle L. Slovanské starožitnosti. D. 1, sv. 1. Praha, 1902.*
2. *Peisker J. Die ältesten Beziehungen der Slaven zu Turkotataren und Germanen und ihre sozialgeschichtliche Bedeutung. Berlin — Stuttgart — Leipzig, 1905.*
3. *Niederle L. Peiskers Neue Grundlagen der slavischen Altertumskunde.— Archiv für slavische Philologie. Bd. XXXI, 1910.*
4. *Peisker J. Neue Grundlagen der slavischen Altertumskunde. Stuttgart — Berlin, 1910.*
5. *Шахматов А. А. К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях.— Известия Имп. Академии наук, VI серия, т. V, 1911, с. 711.*
6. *История СССР с древнейших времен. Т. 1. М., 1966, с. 300—301.*
7. *Janko J. O stycích starých Slovanů s Turkotatary a Germany.— Věstník České Akademie Věd. T. XVII. Prag, 1908, s. 113; Janko J. Über Berührungen der alten Slaven mit Turkotataren und Germanen vom sprachwissenschaftlichen Standpunkt.— Wörter und Sachen. Kulturhistorische Zeitschrift für Sprach- und Sachforschung. B. I, H. 2. Heidelberg, 1909, S. 96—97.*
8. *Jagić V. Mein Zusatz.— Archiv für slavische Philologie. B. XXXI, 1910, S. 591—594.*
9. *Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927, s. 586.*
10. *Корш Ф. Е. О некоторых бытовых словах, заимствованных древними славянами из так называемых урало-алтайских языков.— Записки русского географического общества. Этнографический отдел. Т. XXXV, 1909, с. 537, 546.*

¹³ Эти сопоставления легли в основу II раздела статьи А. А. Шахматова [5].

¹⁴ Миккола И. А. (1866—1946) был в это время профессором славянской филологии в университете в Хельсинки.

¹⁵ Пейскер, по-видимому, имел в виду статью Ростафинского, предполагавшего для славян периода их языкового единства ограниченную область расселения в среднем течении Днепра (см. [20]).

11. *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, с. 155—156.
12. *Трубачев О. Н.* Названия рек правобережной Украины. М., 1968, с. 164.
13. *Buda K.* Kann man Keltenspuren auf baltischem Gebiet nachweisen?—Rocznik slawistyczny, t. VI, 1913, s. 1 f.
14. *Vasmer M.* Kritisches und Antikritisches zur neueren slavischen Etymologie.—Rocznik slawistyczny, t. V, 1912, s. 119 f.
15. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1967, с. 628, 492.
16. *Vasmer M.* Kritisches und Antikritisches zur neuer slavischen Etymologie.—Rocznik slawistyczny, t. VI, 1913, s. 208.
17. *Браун Ф.* Разыскания в области гото-славянских отношений.—Сб. ОРЯС, т. 64, № 12, 1899, с. 334.
18. *Stokes W.* Urkeltischer Sprachschatz. Göttingen, 1894.
19. *Pedersen H.* Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen. Bd. 1. Göttingen, 1909.
20. *Rostajński J.* O pierwotnych siedzibach i gospodarstwie Słowian w przedhistorycznych czasach. Kraków, 1908.

КНИЖНАЯ ПОЛКА СЛАВИСТА

- Балто-славянские исследования: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Иванов В. В. М., 1988, 267 с., ил. + 1 отд. л.к.
- Бумбалов Л.* Лабиринтите на Психея: Георги Райчев и психологическите търсения на бълг. белетристи между двете световни войни. София, 1988, 121 с., 4 л. ил., факс.
- Българо-английски отношения в ново и най-ново време / Отг. ред. Василев В. А. Бълг. акад. на науките. Ин-т за история. София, 1987, 179 с.
- Българската армия, 1877—1919 / Ин-т за военна история при Ген. щаб. на БНА. Ред. колегия: Недев Н. (ръководител) и др. София, 1988, 356 с.
- Василева С.* Речник на близкозвучащите думи (паронимите) в българския език / Ред.: Камарашева Л. София, 1988, 317 с.
- Внешнеэкономические связи Османской империи в новое время (конец XVIII — начало XX в.) / Отв. ред. Петросян Ю. А.; АН СССР. Ин-т востоковедения. М., 1989, 230 с.
- Војводић М.* Србија у међ ународним односима крајем XIX и почетком XX века. Београд, 1988, 495 с., ил.
- Вопросы истории славян: Рабочее движение и социальное развитие зарубежных славянских стран. Межвуз. сб. науч. тр. Отв. ред. Мананчикова Н. П. Воронеж, 1989, 161 с.
- Генов П.* Земята беше твоят жребий: Книга за Стамболийски. София, 1989, 583 с., 8 л. ил.
- Данченко С. И.* Русско-сербские общественные связи: (70—80-е годы XIX в.). М., 1989, 201 с., ил.
- Иванчев С.* Българският език — класически и екзотичен. София, 1988, 238 с.
- История на Добруджа / Под ред. на Тодоров Н., Димитров С. София, 1988. Т. 3. 328 с.
- История на Софийския университет «Климент Охридски» / Отг. ред. Наумов Г. София, 1988, 501 с.
- Кирило-Методиевски студии / Бълг. акад. на науките. Кирило-Методиевски науч. център; Отг. ред. Динеков П. София, 1988. Кн. 5. 195 с., 1 л. факс.
- Коларов С.* Черти от поетиката на Младен Исаев. София, 1988, 167 с.
- Критика, есеистика, народопсихология: Юбилеен сб. в чест на чл.-кор. Ефрем Каранфилов / Ред. колегия: Сарандев И. и др. София, 1988, 306 с.
- Лехов Д.* Писател — творба — възприемател през българското възраждане. София, 1988, 335 с., 15 л. ил.
- Лъвова Е. П.* Очерки современного искусства Болгарии. М., 1988, 238 с., ил.
- Маринов В.* На гости у бесарабските българи: Ист.-етногр. бележки. София, 1988, 111 с., ил.
- Марковий С.* Целокупна дела / Срп. акад. наука и уметности. Одъе друштвених наука. Београд, 1987—1988. Књ. 1. 1987. XXI, 478 с., ил. Књ. 2. 1987. /7/, 315 с., ил. Књ. 3. 1988, /8/, 165 с., ил. Књ. 9. XVI, 253 с., ил. Књ. 10 /8/, 235 с., ил.
- Молодежь и молодежные организации в политической системе социалистического общества: Материалы сов.-пол. конф. молодых ученых-обществоведов. Москва, 20—22 апр. 1988 г. / Отв. ред. Пугачев Б. Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Совет молодых ученых и др. М., 1988, 276 с.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Л. И. РОВНЯКОВА. Горьба южных славян за свободу и русская периодическая печать (50—70-е годы XIX в.) Очерки. Л. 1986, 286 с.

Интерес советских исследователей к проблеме «Русская общественность и национально-освободительное движение южных славян» не ослабевает. Свидетельством тому является изданная в 1986 г. монография Л. И. Ровняковой (ИРЛИ АН СССР — Пушкинский дом). Автор ставила своей задачей «прояснить позицию ведущих органов периодической печати 1850—1870 гг. к событиям на Балканах» (с. 5). В качестве ведущих изданий периода отобраны газеты и журналы либерального и демократического направления — «Русская беседа», «Голос», «Современник», «Отечественные записки», «Дело». Книга включает девять очерков, часть их посвящена отдельным органам печати¹, часть представляет собой обзор материалов нескольких газет и журналов².

Нельзя согласиться с автором рецензируемого труда, что это первая в советском литературоведении работа на указанную тему, справедливости ради следует сказать, что советские историки давно ее разрабатывают (С. А. Никитин, И. В. Козьменко, А. А. Улунян, Е. П. Аксенова, В. Я. Гросул и др.). Кстати, Л. И. Ровнякова широко пользуется их работами.

Выбор объектов исследования — органов легальной печати — в целом не вызывает возражения. Среди них преобладает демократическая печать, в особенности за 70-е годы XIX в., неплохо исследованная ранее. Среди ведущих либеральных изданий отсутствует «Вестник

Европы», орган умеренной либеральной интеллигенции, где по славянскому вопросу выступали видные публицисты: А. Н. Пыпин, В. Д. Спасович и др.

В работе содержатся подробные сведения об издателях и редакторах органов печати, сотрудниках редакций и корреспондентах, достаточно полно излагается содержание материалов, посвященных южным славянам. В конце книги приложен перечень статей по славянскому вопросу в журналах «Русская беседа» и «Братский труд».

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляют очерки о «Русской беседе», «Братском труде», «Голосе», «Отечественных записках». Автор вводит в научный оборот ряд новых архивных источников, свидетельствующих о тесных контактах русских публицистов с южнославянскими литераторами, об издании болгарскими студентами в Москве журнала «Братский труд» (1860—1862). На основе новых архивных данных уточнены время создания и состав «Московской болгарской дружины» — общества болгарских студентов, обучавшихся в Московском университете.

Основное внимание автор уделяет «славянским» материалам легальных демократических изданий 60—70-х годов — «Современника», «Отечественных записок» и «Дела». Она касается также идейных позиций в славянском вопросе видных деятелей революционного и демократического движения — Н. Г. Чернышевского, Н. В. Шелгунова, П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского, публицистов А. Н. Пыпина, К. М. Станюковича и других, опираясь при этом на выводы, сделанные предшествующими исследователями этой проблемы.

Очерки о демократической печати насыщены богатым фактическим материалом и подробно повествуют о содержании статей и корреспонденций на «славянскую» тему. Однако к этой части книги можно предъявить ряд претензий. Изложение

¹ «Южнославянская тема в журнале „Русская беседа“ (1856—1860)», «Славянские корреспонденты газеты „Голос“ (1860-е годы)», «Некрасовские „Отечественные записки“ о борьбе южных славян за свободу».

² «Русская демократическая печать 1860-х гг. о национально-освободительном движении южных славян». «Болгарское восстание 1876 г. в русской ежедневной печати (апрель — сентябрь 1876 г.)».

материала превалирует над его анализом, нет углубленного внимания проблемным вопросам. В огромной массе сообщаемых автором разнообразных фактов трудно уяснить, как демократическая печать оценивала причины национально-освободительного движения на Балканах, его характер, значение для России и судьбы русского общественного движения.

Есть неточности в характеристике позиций отдельных демократических и революционных деятелей. Так, Л. И. Ровнякова пишет, что взгляды П. Л. Лаврова на славянский вопрос подвергались изменениям, свидетельством чего может служить троекратно изменявшаяся им программа журнала «Вперед!» (с. 148). В действительности, во всех трех вариантах программы текст о славянах и о национальном вопросе вообще оставался неизменным, а изменение взглядов Лаврова произошло позднее. В чем оно заключалось — из монографии неясно, хотя этот вопрос был освещен в работах советских историков.

Порою автор без необходимой оценки приводит отдельные положения демократических публицистов, требующие пояснений. Так, не была прокомментирована во многом тенденциозная статья Е. П. Карновича в 1-й и 2-й книжках «Отечественных записок» за 1878 г., где известный публицист, справедливо выступая против панславистов, отрицал объективно прогрессивное значение балканской политики России для судьбы южных славян.

Характеризуя взгляды А. Н. Пыпина, Ровнякова указывает, что он делил национально-освободительные движения на прогрессивные и реакционные, не соответствующие интересам народа. При этом автор не поясняет ошибочности точки зрения Пыпина, характерной и для многих других деятелей его времени. В действительности национально-освободительное движение было выражением развития капиталистических отношений и отражало интересы нации в целом.

Завершающие книгу очерки о материалах печати, касающихся Апрельского 1876 г. восстания в Болгарии, и о мемуарной литературе, посвященной русско-турецкой войне, носят в целом обзорный характер и содержат в большинстве уже известные сведения. Эти вопросы были детально рассмотрены в работах А. А. Улуяяна [1] и В. А. Золотарева [2].

К недостаткам работы надо отнести наличие большого количества неточных формулировок, а также отдельных фактических ошибок. Некоторые итоговые выво-

ды автора не подкреплены материалами книги. Так, Л. И. Ровнякова говорит, что в позиции «Отечественных записок» по славянскому вопросу проявилось противоречивое отношение сотрудников журнала к насильственным формам борьбы (с. 176). В чем же это конкретно выразилось, автор не объясняет. А вопрос заслуживает внимания, как и другой — о целях политики России на Балканах. Специально Ровнякова его не касается; хотя он активно обсуждался в прессе. Но отдельные моменты дают, на наш взгляд, возможность прояснить позицию автора. Так, на с. 162 приводится без комментариев цитата из статьи З. М. Ханутина (опубликованной в начале 50-х годов), где говорится, что «идеи панславизма совпадали с теми максимальными задачами, которые ставил себе царизм в борьбе за Ближний Восток». Иными словами, целью политики России на Балканах было присоединение славянских земель. Эта точка зрения, характерная для работ 20—30-х годов, уже давно отвергнута советскими историками, показавшими, что царизм не преследовал задач территориальных приобретений на Балканах и всячески отмежевывался от панславистов. На с. 159—160 автор говорит о том, что в официальной печати осенью 1876 г. началась пропаганда необходимости присоединения славян к России. Это тоже неверно. Речь здесь может идти только о консервативной прессе, но не об официальной печати. На с. 139 повторяется также опровергнутое советскими исследователями положение о том, что либеральная буржуазия активно ратовала за вмешательство в дела славян, исходя из интересов завоевания новых рынков. В действительности буржуазия никогда не рассматривала Балканы как возможный рынок, ибо там прочные позиции давно уже занимал австрийский капитал, и цель буржуазии была совершенно другая. Как раз либералы сдержанно относились к активизации балканской политики России, считая, что главной задачей является проведение внутренних буржуазных реформ.

Укажем также на некоторые неточности и фактические ошибки книги. Вряд ли можно согласиться с утверждением автора о том, что Чернышевский в «Современнике» «разрабатывал стратегию и тактику освободительной борьбы угнетенных народов» (с. 98). Это — явная натяжка. На с. 147 утверждается, что участник восстания в Боснии революционер Н. Далматов погиб в бою под Кра-

гуевадом (т. е. в Сербии) в начале 1876 г. В действительности под Крагуевадом никогда не было боев, а Далматов был убит в Боснии при невыясненных обстоятельствах (о чем сообщал журнал «Вперед!» 1 июля 1876 г.). Безосновательно отнесены к славянофилам М. П. Погодин и О. М. Бодянский (с. 47). Вопреки утверждению автора, известный русский революционер Н. А. Морозов никогда не был в Герцеговине и на Балканах вообще; во время герцеговинского восстания он находился под арестом. Не был в Герцеговине и другой народник — Д. А. Клеменц. В 1876 г. он побывал в Сербии и в Черногории. Не будем дальше перечислять неточности автора. Но необходимо сказать о неприемлемом методе работы автора. Книга полна заимствований из трудов советских историков и литературоведов, часть их дается без ссылок на авторов. Так, отдельные абзацы дословно взяты из работ С. А. Никитина, И. В. Чуркиной, Л. В. Обушenkовой и В. И. Фрейдзона, М. Я. Гольберга и других вместе с содержащимися в них цитатами и ссылками на источники. Там же, где Ровнякова берет заимствованный

текст в кавычки (со ссылками), она нередко его искажает, как в случае с текстом В. Хевролиной (с. 143). (ср. [3]).

В целом монография Л. И. Ровняковой производит двойственное впечатление. Автор, безусловно, внес свою лепту в изучение русской периодики и ее позиции в славянском вопросе. Однако недостаточность анализа, наличие ошибок, неточных формулировок, наконец, неприемлемый стиль работы с литературой снижают, на наш взгляд, научную и познавательную ценность этого труда.

Хевролина В. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. Улуян А. А. Апрельское восстание 1876 года в Болгарии и России. М., 1978.
2. Золотарев В. А. Россия и Турция. Война 1877—1878 гг. (Основные проблемы войны в русском источниковедении и историографии). М., 1983.
3. Хевролина В. М. Революционная Россия и боснийско-герцеговинское восстание.— В кн.: Балканские исследования, вып. 3. Освободительные движения на Балканах. М., 1978, с. 40.

А. Г. МАШКОВА, Я. ШТЕВЧЕК, В. ПЕТРИК, И. СУЛИК. Словацкая литература (1945—1985). Проза. Под ред. А. Г. Машковой. М., 1987, 192 с.

Впервые в нашей стране вышло в свет вузовское учебное пособие по словацкой литературе, подготовленное совместно литературоведами и критиками Москвы и Братиславы. Его значение не умаляет даже хронологическая ограниченность охватываемого материала. 17 лет назад советские литературоведы подготовили фундаментальную «Историю словацкой литературы» (с древнейших времен до 1944 г.). Рецензируемая книга анализирует литературный процесс не до 1985 г., как указано на титульном листе, а практически до 1987 г. включительно. Периодизация словацкой литературы проведена с учетом съездов Союза словацких писателей, последний из которых — V, проходил в марте 1987 г. Такая оперативность освещения современной литературной жизни несомненно увеличивает эффективность учебника.

Структура пособия во многом сходна с упомянутой «Историей словацкой литературы»: вступительный обзор всего рассматриваемого периода (1945—1985), ли-

тературно-критические очерки, предваряющие каждый из пяти подпериодов, после каждого очерка — по несколько монографических глав (всего их 15) о наиболее крупных словацких прозаиках, заключение, список рекомендуемых для чтения произведений словацких авторов в оригинале и в русских переводах, словацкая и советская литературоведческая библиография, именной указатель.

Тема каждого литературно-критического очерка обозначена в заголовке (От лиризованной прозы к реализму (1945—1948); Становление социалистического реализма (1948—1956) и др.).

Композиционная стройность пособия обусловлена четкостью его сформулированных во вступлении целей и задач, последовательно решаемых в главах и резюмируемых в заключении. Рассматривая современную словацкую литературу как целостную систему, наследницу творчества прошлого, авторы ярко показали изменения: 1) в состоянии творческих методов, в литературных направлениях и

стилевых течениях; 2) в тематике произведений; 3) в системе литературных характеристик и принципов их построения; 4) в жанрово-стилевых образованиях.

Все отмеченные проявления системности литературного процесса развернуто демонстрируются в главах, посвященных писателям. Невзирая на временную ограниченность периода литературы, к которому отнесен очерк о конкретном писателе, авторы полно анализируют все его творчество. Исчерпывающий анализ творчества словацких писателей во многом существенно дополняют сведения, содержащиеся в других трудах по современной словацкой литературе [1]. Каждая из глав имеет самостоятельное значение и вне контекста учебного пособия. В расположении глав по разделам есть определенная закономерность. Выбор имен представляется оправданным; жаль лишь что кратко упомянуты также художники слова, как П. Андрушка, В. Беднар, А. Балаж, Я. Бена, Я. Йонаш, А. Худоба, Й. Пушкаш, Р. Слобода и др.

Достоинства нового учебного пособия для советских вузов по словацкой литературе очевидны.

Не имея возражений по существу излагаемого материала, хотелось бы отметить следующее. Очень спорно деление всей послевоенной словацкой литературы на пять периодов (ср. [1; 2], где речь идет о четырех: 1944—1948, 1948—1956, 1956—1969, 1970—1985). Понятно стремление авторов дать периодизацию литературного процесса согласно общественно-политической обстановке в стране и решениям писательских съездов, но литературное творчество не дает для этого оснований. Короткие отрезки времени (от 3 до 15 лет) являются историческим фоном лишь отдельных этапов в творчестве писателей, поэтому место некоторых монографических глав в канве учебного пособия выглядит либо условно (В. Минач, А. Беднар — к периоду 1956—1963 гг.), либо искусственно (А. Гикиш, Я. Йоганидес — к периоду 1963—1969 гг.). Раздел «Сложное течение литературного процесса (1963—1969)» (его заголовок явно недостаточно информативен) мог бы включить анализ произведений, связанных с общественно-политической обстановкой тех лет — «Белый воробей» (1970), «Помощник» (1977), «Акация» (1981)

Л. Баллека, «Лихорадка» (1973) Й. Кота, произведения В. Шиккулы, тем более, что творчество этих прозаиков начало развиваться именно в период 1963—1969 гг. Основные художественные достижения Я. Йоганидеса («Непризнанные вороны», 1978) и А. Гикиша («Время мастеров», 1977), очерки творчества которых помещены в данном разделе, относятся к более позднему периоду. Следовательно, главы, посвященные этим писателям, могли быть включены в раздел «От малых форм к масштабной прозе (1969—1985)».

Дробление литературного процесса на мелкие [исторические периоды привело к многочисленным повторам (например, о романе А. Беднара «Стеклопанна гора» читаем в разделе о 1948—1956 гг. (с. 55—57) и в главе о нем; о романе Ф. Гечко «Святая тьма» — в разделе о 1956—1963 гг. (с. 75) и в очерке о нем (с. 65—67) и др.).

Не везде отмечена преемственность литературных традиций. Приятным исключением в этом смысле является очерк «Путь Петера Яроша к романам о судьбе народа», где упоминаются имена поэта штуровца XIX в. Янко Краля и поэта первой половины XX в. Янко Есенского.

К упущениям технического оформления текста можно отнести отсутствие сносок на источники у цитат (см., например, программное высказывание В. Минач, с. 183) и наличие досадных опечаток (на с. 131, 157, 161, 174, 184).

Приветствуя появление нового ценного учебного пособия, слависты ожидают выхода следующей его части — «Словацкая литература (1945—1988). Поэзия. Драма. Публицистика».

Котова М. Ю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Штевчек П. Современная словацкая литература. (Пер. со словацкого П. Бирчак.) Братислава, 1979, 112 с.; *Literatúra v epoche budovania socializmu (od roku 1945 po dnešok)*. — In: *Slovensko. Kultúra. 1. časť*. Bratislava, 1979, s. 299—330; *Encyklopédia slovenských spisovateľov. 1. a 2. zväzok*. Bratislava, 1984, 1 zv.— 484 s., 2. zv.— 536 s.
2. Tomčík M. O periodizácii súčasnej slovenskej literatúry. — *Slovenská literatúra*, 3, XXXI, 1984, s. 198—211.

Первый в России «Исторический очерк сербо-лужицкой литературы» был написан И. И. Срезневским после путешествия в 1839—1842 гг. по землям южных и западных славян. Пробыв несколько месяцев среди серболужичан и завязав тесную дружбу с Я. А. Смолером, молодой русский ученый с изумлением констатировал, что «и сербы-лужичане имеют свою литературу», которая «заслуживает все более и более права на внимание всякого образованного славянина, хотя сколько-нибудь любящего свое родное и не чуждого успехов своих соплеменников» (цит. по [1]). Нельзя сказать, что призыв Срезневского совсем не был услышан, и все же в последние десятилетия серболужицкой литературой гораздо больше у нас занимались лингвисты и историки, чем литературоведы и критики. До сих пор на русском языке не было издано ни одной книги о серболужицкой литературе, ведущей свою зафиксированную письменную историю с 1532 г. (с текста так называемой «Будышинской присяги», написанной на верхнелужицком языке). На русский язык непосредственно с серболужицких языков не переведено пока ни одного из наиболее значительных произведений серболужицкой классики XIX—XX вв. (Г. Зейлер, К. Ф. Стемпель, Я. Барт-Чишинский, Я. Веля-Радьсерб, Я. Лоренц-Залесский, М. Косык, Ю. Хежка и др.); из современной серболужицкой литературы русский читатель знает пока лишь Ю. Брезана и А. Стахову (причем переводы делались не с серболужицкого, а с немецкого языка, что далеко не всегда оправдано).

Тем большего внимания заслуживает коллективная монография украинских славистов В. А. Моторного и К. К. Трофимовича, еще в 1970 г. издавших на украинском языке «Очерки по истории серболужицкой литературы» и организовавших преподавание этой литературы во Львовском университете, который, как справедливо заметил в предисловии к рецензируемой книге чл.-корр. АН УССР Г. Д. Вервес, является «пока единственным в стране учебным заведением, где студенты изучают язык и литературу лужицких сербов». Уже отсюда понятно, почему серболужицкая литература пока больше всего у нас переводилась именно на украинский язык и именно львовски-

ми писателями — им было где учить серболужицкий язык и было с кем консультироваться.

Очень важным достоинством рецензируемой монографии является сочетание в ней популяризаторского и исследовательского принципов, что легко позволяет использовать книгу в качестве учебника (поскольку такого учебника на русском языке до сих пор не существует) и в качестве справочного пособия для всех желающих познакомиться с историей этой литературы, узнать ее крупнейших представителей. Большое внимание авторы уделяют обобщению имеющихся работ советских историков, лингвистов и литературоведов (Н. И. Толстой, П. Г. Богатырев, С. Б. Бернштейн, М. И. Семиряга, Л. П. Лаптева, М. И. Ермакова и др.), а также чешских, польских и серболужицких исследователей. К каждому разделу книги приложена библиография, открывающая доступ к большому кругу работ, связанных с той или иной конкретной проблематикой. В то же время по ряду существенных вопросов авторы формулируют и свою точку зрения, далеко не всегда совпадающую с широко бытующими мнениями.

Второе серьезное достоинство монографии — сконцентрированность изложения на трех проблемах: «история», «современность», «взаимосвязи». Причем необходимо подчеркнуть, что «современность» понимается авторами не столько в узком смысле (изложение истории литературы доводится до 1980-х годов), сколько, пожалуй, в еще более важном, широком смысле: на каждом этапе истории серболужицкой литературы выделяются имена и произведения, наиболее актуальные, наиболее созвучные современности, причем по возможности учитываются и итоги новейших исследований. И уж поистине украшением монографии являются «взаимосвязи»; они пронизывают все разделы, и история серболужицкой литературы оказывается вписанной в европейский историко-культурный и историко-литературный контекст. Естественно, что самое пристальное внимание уделяется лужицко-русским литературным взаимосвязям и контактам. К трем заявленным авторами проблемам прибавлена и четвертая, получившая в монографии полное и разностороннее освещение: К. К. Трофимович, будучи крупнейшим специали-

том по истории формирования верхнелужицкого литературного языка, сумел показать историю серболужицкой словесности как историю драматической борьбы крупнейших деятелей серболужицкой культуры за сохранение и приумножение богатств родного языка, борьбы, которая протекала в неимоверно сложных условиях отсутствия национальной и территориальной независимости, а зачастую гонений и преследований и даже категорических запретов преподавания и издания книг на родном языке. В таком контексте и сегодня — вслед за И. И. Срезневским — приходится изумляться, как много поистине ценного сумел создать этот небольшой народ, насчитывающий в настоящее время 100 000 человек. Здесь же следует отметить, что современная серболужицкая литература, впервые за всю свою историю развивающаяся в условиях свободы от социального и национального гнета на территории ГДР, освещена в монографии особенно подробно. Из последнего раздела книги со всей очевидностью вытекает, что настоящего внимания советских литературоведов и переводчиков ждут крупнейшие из современных серболужицких писателей: М. Новак-Нехорнский, М. Кубашец, Й. Новак, Я. Лайнерт, М. Виткойц, Ю. Винар, А. Навка, Ю. Брезан, П. Малинк, Ю. Кох, К. Лоренц, М. Млынкова, А. Стахова, Б. Дырлик и др. И переводить их нужно не с немецких изданий (хотя, например, роман «Крабат, или Преображение мира» в оригинале написан Ю. Брезаном на немецком языке, но это уже случай, равнозначный последним романам Ч. Айтматова), а непосредственно с серболужицкого языка.

Переходя к критической части рецензии, хотелось бы подчеркнуть, что дальнейшие рассуждения нельзя рассматривать как упрек авторам монографии — скорее как пожелание в дальнейших исследованиях серболужицкой литературы обратить внимание на некоторые вопросы, представляющиеся весьма важными.

1. *Проблема периодизации истории серболужицкой литературы.* В. А. Моторный и К. К. Трофимович предложили следующую периодизацию: 1) У истоков (XVI — конец XVIII в.); 2) Пора возмужания (10—70-е годы XIX в.); 3) На рубеже веков (1880—1900 гг.); 4) Между двумя войнами (20—30-е годы); 5) Голос свободной Лужицы (1945—1985 гг.).

В связи с этим можно заметить следующее: во-первых, в дальнейшем в очень внимательном изучении нуждается весь

обширный фольклор лужицких сербов. Поскольку фольклорные песни запечатлели события значительно более ранние, чем первые памятники письменной литературы (не говоря уже о мифологических и обрядовых песнях), то, естественно, встает вопрос о выделении дописьменной литературы в особый период, нуждающийся (как и вообще фольклор) в особых принципах и методах своего изучения.

Во-вторых, достаточно обширная письменность (в том числе и художественные произведения), созданная серболужичанами на латинском языке в XV—XVI вв. (Я. Рак, Я. Золта, Я. Бок, К. Янитуис, К. Пойкер и др.), также нуждается в выделении, по крайней мере, в особую научную проблему, требующую своего специфического научного инструментария.

В-третьих, более пристальное внимание к периоду от XVI и до конца XVIII в., несомненно, позволит заметить качественно новый этап в истории серболужицкой литературы, хотя бы начиная с творчества Ю. Мея (1727—1785), представляющего важнейшую веху в формировании национальной серболужицкой литературы на данном этапе. Может быть, хронологически он будет обозначен как 1760—1820-е годы и условно признан просветительским, в то время как следующий — романтический — можно начинать со второй половины 1820-х годов, т. е. с первых романтических стихотворений Г. Зейлера.

В-четвертых, период «рубежа веков» практически продолжается до конца 1910-х годов. При этом надо помнить, конечно, что зарождение реализма в серболужицкой литературе начинается, по крайней мере, в середине XIX в. (в творчестве Я. Вели-Радьсерба), что при дальнейшем изучении историко-литературного процесса может привести к корректировке предлагаемой периодизации.

2. *Некоторые вопросы более частного характера.* Хотя вовсе не обязательно подгонять историю каждой национальной литературы под определенные каноны, сложившиеся на основе изучения крупных европейских литератур, большее внимание к опыту их изучения, к соотношению с ними в плане стадийном и типологическом представляется необходимым. Было ли в серболужицкой литературе барокко? Какой характер носило серболужицкое Просвещение и какие этапы в нем можно выделить? Каковы хронологические границы и национальные особенности серболужицкого романтизма? Когда в серболу-

жицкой литературе утверждался критический реализм? Был ли модернизм в серболужицкой литературе и какие специфические формы он принимал? При всей недостаточной разработанности вышеозначенной проблематики в серболужицком литературоведении, вопросы эти рано или поздно придется решать. Материал, собранный и изложенный в рецензируемой монографии, на наш взгляд, позволяет поставить некоторые из этих (и им подобных) вопросов яснее и острее, чем это сделали авторы монографии. Например, такой частный, но весьма важный для истории серболужицкой литературы вопрос, как полемика «старосербов» и «младосербов», развернувшаяся со второй половины 1870-х годов. Согласно авторам монографии, «младосербы» (и, в первую очередь, Я. Барт-Чишинский) были истинными революционными демократами. На самом деле, как представляется, общественная и эстетическая позиция Я. Барта-Чишинского была гораздо сложнее и ее нельзя определить как революционно-демократическую (если иметь в виду аналогию с немецкими или русскими революционными демократами): здесь соединялись черты демократизма (народность) и консерватизма (традиционализм), реализма и эстетизма. Вообще проблема революционного демократизма применительно к совершенно специфическим условиям Сербской Лужицы нуждается в дальнейшей и тщательной разработке.

Поскольку проблема серболужицкого модернизма практически не ставится в монографии (а проблема эта, на наш взгляд, существует), то весьма скромно (по сравнению с анализом писателей гораздо менее значительных) выглядит и анализ творчества Я. Лоренца-Залесского (1874—1939), по-видимому, крупнейшего серболужицкого прозаика первой половины XX в., чье творчество — и, в первую очередь, роман «Остров забытых» (1924, опубликован в 1931 г.) — еще ждет своей глубокой и разносторонней оценки. К этой оценке постепенно начинают подходить современные исследователи ГДР (К. Лоренц, Б. Дырлих) и ФРГ (В. Кошмаль).

В одной монографии, естественно, невозможно исчерпывающе рассмотреть все сложные вопросы длительной и по-своему яркой истории серболужицкой литературы. Остается лишь надеяться, что пример В. А. Моторного и К. К. Трофимовича, создавших первую на русском языке посвященную ей монографию вдохновит советских славистов на дальнейшую серьезную работу. Рецензируемая монография, несомненно, заслуживает самой высокой и благодарной оценки.

Гугнин А. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lëtöpis Institutata za serbski ludospyt, 1985, № 32/2, S. 195.

L. Klosová. Živct za divadlo. Praha, 1986, 283 s.

Л. Клосова. Жизнь, отданная театру

Монография известного театроведа Л. Клосовой (серия «Воспоминания и записки об актерах») посвящена жизни и творчеству талантливой чешской актрисы Марии Гюбнеровой (1865—1931) — выдающейся представительницы реалистических традиций чешского сценического искусства, широко известной в Чехословакии и за рубежом.

Творческий путь М. Гюбнеровой начинался в любительских театральных труппах Колина, Плзени, еще помнивших И. К. Тыла, где дарование молодой актрисы быстро раскрылось в пьесах классического репертуара. Несомненную пользу принесла актрисе работа в «Чешском народном театре» В. Гюбнера.

Начиная с 1896 г. творческая судьба актрисы неразрывно связана с пражским

Национальным театром, на сцене которого она до последних дней жизни оставалась ведущей актрисой. Почти за полувековую деятельность М. Гюбнерова создала на его сцене много значительных образов. Репертуар ее был очень обширен: от трагедийных до ярко комедийных персонажей (недаром одна из глав книги называется «Мощна в юбке» — по имени популярного чешского комика XIX в.).

Л. Клосова подробно анализирует успехи актрисы как в национальном (Войнарка, Класкова в пьесах Ирасека, Фанка у К. Чапека), так и в мировом репертуаре (Ибсен и Пиранделло, Шекспир и Расин, Мольер и Эврипид). Особым успехом пользовалась М. Гюбнерова в русском репертуаре, занимавшем большое место в ее творчестве: Акулина

(«Власть тьмы» Толстого), Елена Николаевна («Мещане» Горького), Анна Андреевна («Ревизор» Гоголя), Простакова («Недоросль» Фонвизина), Огудалова и Кабаниха («Бесприданница» и «Гроза» Островского), Наташа («Три сестры» Чехова) — все эти роли, сыгранные талантливой и неравнодушной к русскому искусству актрисой, составили яркую главу в истории пражского Национального театра. Современная чешская и зарубежная критика отмечает естественность исполнения, удивительную пластичность, тщательную разработку этих ролей.

Автор освещает гастроли труппы МХАТ в Праге (1906), отклик на них в стране, влияние, которое оказали «московские», как называли тогда в Чехословакии представителей прославленного русского театра, на творчество деятелей чешской сцены, в том числе, на творчество М. Гюбнеровой (с. 11—112, 121 и др.).

Интересны страницы, посвященные деятельности Я. Квапила, стоявшего во главе Национального театра в 1900—1918 гг. Один из инициаторов гастролей мхатовской труппы в Праге, во многом следовавший ее творческому методу, он успешно сочетал в своей репертуарной политике как пьесы отечественных драматургов (Тыла, Ирасека, Строупежницкого), произведения мировой драматургии (Шекспира, Ибсена), так и драмы русских классиков — Островского, Чехова, Горького. Автор монографии убедительно прослеживает, как сотрудничество с этим известным чешским режиссером и драматургом отражалось на творческом росте актрисы.

Немало интересных страниц посвящено также одной из наиболее удачных ролей М. Гюбнеровой в пьесе «Мораль пани Дульской». Темпераментность, страстность сочетались в ее игре с тонким психологизмом. Большая заслуга М. Гюбнеровой — контакт с межвоенным поколением деятелей чешского театра, так называемым театральным авангардом, чьи достижения связаны в первую очередь с И. Гонзлом и И. Фрейкой. Актриса тесно сотрудничала с прославленным «Освобожденным театром» — театральной секцией Деветсила, игравшего заметную роль в годы общего подъема чешского революционного искусства (20-е годы XX в.).

Удачно показана в монографии педагогическая деятельность М. Гюбнеровой (ее ученицы играли на сценах пражского Национального театра, многих чешских

городов, а также Белграда, Люблины, Дрездена, Берлина, Лондона). Особое место в книге отведено истории театрального костюма этого времени. Автор рассказывает и о взаимоотношениях Гюбнеровой со своими прославленными коллегами из Национального театра: В. Выдрой, С. Рашиловым, Э. Вояном и многими другими.

Не ограничиваясь анализом театральной пражской жизни конца XIX — первых десятилетий XX в., Л. Клосова охватывает и проблематику современной отечественной литературы и искусства, подробно останавливается, в частности, на публицистике этого времени, пытается рассмотреть чешское театральное искусство в широком контексте европейского искусства рубежа веков. Гюбнерова, указывает автор, не принадлежала к актерам, составившим закрытую театральную эпоху, но была свидетелем и полноценным создателем нескольких эпох (с. 213).

Монография Л. Клосовой — возмещение давнего долга чехословацкого театроведения по отношению к одной из выдающихся отечественных актрис, единственной в стране дважды удостоенной государственной премии. К безусловным достоинствам книги относится широкое использование различных документов: отрывков мемуаров, воспоминаний современников, корреспонденции, театральной и литературной критики, интервью, анкет, афиш, репертуарных списков, извлеченных автором из библиотек и архивов¹. Все это помогает Л. Клосовой ярко и эмоционально воссоздать жизнь М. Гюбнеровой, ее человеческий и художественный облик, убедительно проанализировать созданные ею на протяжении многих лет роли, рассказать о ее не всегда простых взаимоотношениях с деятелями центральной пражской сцены, приблизить современному читателю судьбу этой замечательной актрисы. Ее портрет дополняет богатая фотодокументация (166 фотографий).

Монография Л. Клосовой стала еще одной яркой страницей в богатой театроведческой литературе Чехословакии.

Тимова Л. Н.

¹ Использованы документы из театрального отдела Национального музея, литературного архива Музея чешской письменности, архива Национального театра, Кабинета истории чешского театра ЧСАН, театрального отдела Моравского музея в г. Брно, Архива г. Плзени, а также многочисленных частных архивов. Значительная часть материалов использована впервые.

Очередной выпуск ЭССЯ сохраняет основные особенности этого издания, отмеченные нами в предшествующей рецензии [1]. В новом выпуске немало интересных с этимологической точки зрения слов, относящихся к базисной лексике (*lěto, *lěvъ(жъ), *lědo, *lice, *lipa, *lisa, *listъ, *liti, *l'ubiti, *l'udъ), причем для некоторых из них предложены новые историко-этимологические толкования, и для всех — существенные и, часто, оригинальные уточнения. Ряд статей бесспорно заинтересует не только славистов, но и специалистов в области индоевропейского языкознания. Так, например, s. v. *lisa, по сути дела, предлагается новое толкование и.е. *w|pek' — /*wloupek' — 'лиса' (из *wel- 'драть, рвать' и *pek' — 'драть, дергать, щипать'), близкое по морфемному составу — но не по семантическому обоснованию — к недавно предложенному [2]. Исходя из аналогий с парами типа лат. *facies* — *facere*, чеш. *tvář*, польск. *twarz* — **tvoriti*, предлагается оригинальная этимология *likъ, *lice как производного от *liti в значении 'формовать литьем'.

Словник 15-го выпуска представляется весьма полным. Тем не менее, некоторые минимальные дополнения все же возможны. Так, наряду с последовательностью частиц *li že, отмечаемой словарем, можно было бы указать и на *li ko/*li къ (?польск. *lik* 'всегда', русск. ли-ко, частица утверждения, логического выделения [3, s. 741; 4, с. 46]). Видимо, статус праславянского имело и не указанное в словаре слово *liša (болг. *лиша* 'лишай', с.-хорв. *лиша* тж., польск. диал. *lisza* тж. [5, с. 443; 6, с. 515; 7]). Не исключена также реконструкция *lizavica (польск. *lizawica* 'соль для лизания, даваемая скоту', русск. *лизавица* 'улитка, слизняк' [3, s. 756; 4, с. 43]).

С достаточной полнотой в выпуске представлен и материал отдельных славянских языков. Однако и здесь возможны некоторые дополнения, что кажется естественным: осуществляемый авторским коллективом грандиозный проект не может не содержать определенного количества пропусков. Некоторые из них (по болгарскому, сербохорватскому, польскому, украинскому и русскому) мы заполняем ниже.

*lětiti I: болг. *летя* 'скитаться зиму и лето, не возвращаясь домой' [5, с. 377].

*letiti III: польск. *lecic* 'делать теплым (охлаждая горячее или согревая холодное)' [3, s. 699].

*lětoorstъ: болг. *леторасъ* 'выросшее за год растение' [5, с. 591].

*lětovanъje: польск. *latowanie* действие по глаголу *latować* [3, s. 694].

*letъnica: польск. *letnica* 'одно из помещений в бане' [3, s. 728].

*lětъnikъ: с.-хорв. *лѣтнѣк*, *лѣтнѣк* 'летний дом' [6, с. 383].

*lěvač, *lěvačъka: болг. *левачка* 'женщина-левша' [5, с. 337], укр. *лівачка* 'женщина-левша; хата по левую сторону сеней (у гуцулов)' [8, с. 367], русск. *левачка* 'женщина-левша' [9].

*lěvъka: болг. *левка* 'искривленная деревянная или железная часть повозки' [5, с. 339].

*lěvъсь: польск. на *lewic* 'налево' [3, s. 725].

*levъъjъ: с.-хорв. *лѣван* 'ловкий, проворный' [6, с. 274].

*lědo/*lěda/*lědъ/*lědъ: польск. *lenda* 'маленькое поселение, хутор' [3, s. 715].

*lědъnik: болг. *ледник* 'растение *Ranunculus ficaria*' [5, с. 346].

*lęgota/*lęgotъ: польск. *lęgotka* 'вьющееся растение' [3, s. v.].

*lękanъje: польск. *lękanie* 'пугание' [3, s. 730].

*lętъjъjъjъ: болг. *лешен*. 'чечевичный' [5, с. 382].

*ligati II: укр. *лигати* 'хлепать' [8, с. 357].

*ligati III: с.-хорв. *лигати* 'двигать, трогать, качать, колебать' [6, с. 418], укр. *лигнути* 'ударить, хватить' [8, с. 357].

*lixovati (se): укр. *лихувати* 'злодействовать' [8, с. 365].

*lixovati: с.-хорв. *лихедвати* 'заниматься ростовщичеством' [6, с. 500], польск. *lichwować* 'давать в рост' [3, s. 785].

*lijateljъ: с.-хорв. *лијатѣлница* 'литейня' [6, с. 428].

*lin'акъ: польск. *liniak* 'заяц во время летней линьки' [3, s. v.].

*linъkъ: укр. *линок*, уменьш. от *лин*.

*liprakъ: с.-хорв. *лѣпѣк* 'липовая роща' [6, с. 461].

*lipovica: болг. *липовица* 'липа', мн. *Липовица* [5, с. 416].

*lipovъka: болг. *липовка* 'вид яблони, груши' [5, с. 416], с.-хорв. *лѣпѣвка* 'деревянная липа' [6, с. 464].

*l'irьje: укр. лип я 'липы' (собирает.) [8, с. 360].

*l'irьna: с.-хорв. Липна (имя) [6, с. 464].

*lisat'ьjь: с.-хорв. лисат 'рыжий' [6, с. 471].

*list'ьnikъ: польск. listnik 'название растения' [3, с. 751];

*l'ar'p'oti: укр. ляпнути 'хлопнуть, стукнуть' [8, с. 393].

*l'ask'p'oti: укр. ляснути 'хлопнуть, щелкнуть' [8, с. 393].

*l'ubasz': польск. lubas 'любownik' [3, с. 769].

*l'ubomil'ьnъj: с.-хорв. љубомилран 'миролюбивый' [6, с. 683].

*l'ubota: польск. lubotka 'название растения' [3, с. 770].

*l'ubъkъ: польск. lubek 'название птицы' [3, с. 769].

*l'ublivъj(ь) укр. любливий 'влюбчивый' [8, с. 386];

*l'uděpъj(ь): укр. людяний 'гуманный, человеческий' [8, с. 389].

*l'udinъj(ь): с.-хорв. Људин (имя) [6, с. 687].

*l'udišče: укр. людища, увелич. от люде [8, с. 388].

*l'udomil'ьj(ь): польск. ludomiły 'милый людям' [3, с. 773].

*l'unc'oti; укр. лунути 'хлынуть' [8, с. 389].

*l'ura: с.-хорв. Љупа (имя) [6, с. 698].

*l'utъpъj(ь): польск. lutny 'слабый' [3, с. 781].

*loхъ: польск. loch 'хам, грубиян' [3, с. 809].

В заключение еще раз подчеркнем высокие научные качества рецензируемого издания, каждый новый выпуск которого обогащает современную этимологическую мысль и наши знания о лексике праславянского языка.

Орел В. Э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Орел В. Э. Рец.: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 14.— Советское славяноведение, 1988, № 2.
2. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I—II. Тбилиси, 1984, с. 513.
3. Karłowicz J. et al. Słownik języka polskiego. Т. II. Kraków, 1952.
4. Словарь русских народных говоров. Вып. 17. Л., 1981.
5. Български етимологичен речник. Т. III. София, 1986.
6. Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Књ. XI. Београд, 1981.
7. Stawski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. Т. IV. Kraków, 1972, с. 288.
8. Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка. Т. III. Киев, 1909.
9. Словарь русских народных говоров. Вып. 16. Л., 1980, с. 306.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Мусяенко С. Ф. Творчество Зофьи Налковской. Минск, 1989, 205 с., ил.

Нарочницкая Л. И. Россия и отмена нейтрализации Черного моря, 1856—1871 гг.: К истории Восточного вопроса. М., 1989, 224 с., ил.

Огнянов Л. Войнишкото въстание, 1918. 2 изд. София, 1988, 214 с.

Освобождението на България: Кореспонденции и материали на руския печат, 1876—1879 / Подбор, увод и бележки: Бужапски Е. София, 1988, Т. 1. Отзвукът от Априлското въстание в Русия, 1876. 449 с., ил.

Николов Т. Спомени из моето минало / Съст., предг. и бележки: Пелтеков А. София, 1989, 423 с.

Октябрская революция и новая концепция литературы. К истории марксистской лит. критики европ. соц. стран. / Отв. ред. Шерлаимова С. А.; АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики. М., 1989, 352 с.

Пачкова П. Идейното развитие на поборниците след освобождението: Социологич. изследване. София, 1988, 177 с.

Петров З. Страници за поезията. София, 1988, 174 с.

Петрова Д. Самостоятелното управление на БЗНС, 1920—1923. София, 1988, 413 с.

Пичхадзе А. А. К лингвотекстологическому изучению славяно-русского Паримейника: (На материале паримейн. чтений кн. «Исход»). Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук / АН СССР. Ин-т рус. яз. М., 1988, 25 с., схем.

Радомирово Евангелие / Приред.: Угринова-Скаловска Р., Рибарова З. Скопје, 1988, 575 с., 2 л. факс. (Стари текстови / Ин-т за макед. јазик «Кресте Мисирков»).

Райнов А. Непреклонните: Документална проза. София, 1988, 268 с.

Реализм в литературах стран Центральной и Юго-Восточной Европы первой трети XX в.: Худож. поиски. Особенности развития / Отв. ред. Будагова Л. Н.; АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики. М., 1989, 269 с.

Речник на българската граматична терминология / Съст.: Славчев Станков В. и др. София, 1988. Ч. I (1835—1962), 211 с.

СОТРУДНИЧЕСТВО СОВЕТСКИХ И БОЛГАРСКИХ УЧЕНЫХ

Одним из результатов научного сотрудничества между Академией наук СССР и Болгарской академией наук явился выпуск библиографического указателя, отражающего совместные труды болгарских и советских ученых за 40-летний период — с 1946 по 1985 год, изданного на русском, болгарском, других европейских языках, а также на языках народов СССР [1].

Составитель указателя — преподаватель Государственного библиотечного института в Софии, выпускница Ленинградского государственного института культуры им. Н. К. Крупской Н. Костова. Большую помощь в работе оказали ей сотрудники библиотеки АН СССР Т. К. Тарасова, Н. В. Медведева, М. В. Сахарусова, специалисты-систематизаторы под руководством Н. Г. Атаршиковой, а также студенты ЛГИК Т. Зверева, Ю. Соколова, Ю. Престенская.

В указателе содержатся описания монографий, сборников научных трудов и статей, если в советском издании участвовал хотя бы один болгарский автор, а в болгарском — хотя бы один советский. Всего в пособие включены 1493 наименования работ практически по всем направлениям науки: марксизм-ленинизм (52 работы), физико-математические науки (508), химические науки (150), науки о Земле (269), биологические (236), технические (69), медицинские (16), сельскохозяйственные (9), исторические (54), экономические (41), государство и право, юридические науки (17), философия (13), социология (7), языковедение (26), литературоведение, фольклор (16), искусство и культура (10).

Как видим, наиболее успешно совместное сотрудничество советских и болгарских ученых развивалось в области физико-математических и биологических наук. Наименьшее же количество работ в указанный период приходится на социологию, сельскохозяйственные науки,

культуру и искусство. Практическая ценность данного указателя состоит, на наш взгляд, в том, что он отражает закономерности и в то же время — резервы углубления научного сотрудничества. Если в 40—50-е годы совместные работы были редкостью, то в 60-е их число увеличилось, а с начала 70-х годов они обрели планомерный и поступательный характер. Расширилась их проблематика.

Хронологическое расположение материала внутри разделов дает возможность проследить начало совместных исследований по тем или иным отраслям науки. Пионерами в этом смысле являются историки. Еще в 1946 и 1947 гг. в Болгарии издаются первые работы советских ученых Н. С. Державина и М. В. Левченко под редакцией болгарских историков. В 1948 г. вышел и первый сборник докладов советско-болгарской экспедиции по изучению почв Болгарии, а в 1949 г. была опубликована первая совместная работа по органической химии. Этими работами было положено начало совместным исследованиям, проложившим дорогу к широкому и плодотворному сотрудничеству двух стран. В 50-е годы все более уверенно стали заявлять о себе совместными исследованиями физики и геологи, представители сельскохозяйственной науки, биохимики и физиологи, зоологи, химики-технологи, ботаники и медики, гидрологи. В начале 60-х годов публикуют результаты творческого взаимодействия метеорологи, географы, языковеды, философы, экономисты, юристы, литературоведы, эмбриологи, цитологи, биофизики, астрономы и представители технических наук; в 1970 г. появились первые совместные работы по истории культуры и искусства.

В пособие не включены авторефераты диссертаций, описания открытий и изобретений, а также отчеты о научно-исследовательской работе. Материал сгруппирован в соответствии с основными раз

делами библиотечно-библиографической классификации, внутри разделов — в хронологии дат выхода работ, а в пределах одного года — по алфавиту заглавий. В указателе имеется вспомогательный указатель фамилий авторов, составителей и редакторов, отраженных в библиографических записях, списки сокращенных и полных названий периодических и продолжающихся изданий, использованных библиографических источников, принятых сокращений.

Весьма ценным является список статей

о развитии научного сотрудничества между центральными библиотеками АН СССР и БАН, который сослужит добрую службу ученым, проявляющим интерес к научному сотрудничеству двух братских стран.

Станчев М. Г., Годорова Е. Н.

ЛИТЕРАТУРА

1. Совместные труды болгарских и советских ученых. 1946—1985.— Библиогр. указ. Л., 1988, 171 с.

M. Šída, V. Dolínck, J. Durdík. Vrácné zbraně a zbroj. Ze abírek vojenského muzea v Praze. Praha, 1986, 216 s.

М. Шада, В. Долинек, Я. Дурдик. Ценное оружие и амуниция. Из собрания Военного музея в Праге

Оружиеведение в чистом виде и как отрасль славистики — наука междисциплинарная. Здесь и история и технология металлургического и машиностроительного производства, и метрология, и геральдика, и генеалогия, и эпиграфика, и музееведение.

Книга М. Шада, В. Долинека и Я. Дурдика о сокровищах фондов военного музея в Праге, с одной стороны, является продолжением целого ряда публикаций, посвященных в основном старому чехословацкому огнестрельному оружию [1], с другой — ставит и решает свои собственные задачи, связанные со строго очерченным кругом одной музейной коллекции и невозможностью широкого выбора.

Цель настоящего издания, по мнению авторов, — представить «некоторые экземпляры, которые ценны по своей древности, по своей редкости, по техническому решению или художественной обработке, или же по отношению к историческим событиям и личностям», а также те, «которые до сих пор не были представлены общественности ни в рамках музейных экспозиций, ни путем книгоиздания».

К каждой иллюстрации дается описательная статья, в которой представлено название, место и дата изготовления экземпляра, его автор (конструктор), краткое описание, линейные размеры, инвентарный номер, место хранения и изредка источник и дата поступления в хранилище. Настороженность вызывает отсутствие ссылок на предшествующие труды, отсылки к уже введенным

в научный оборот экземплярам оружия (из 37 единиц холодного оружия 19 ранее были представлены на открытках).

В первых двух главах собраны иллюстрации и аннотации к кольчугам, латам, шлемам, щитам, мечам, кинжалам, тесакам, палашам, секирам, пикам, саблям, рапирам, шпагам и арбалетам, которые уже по своей древности являются редкими и ценными предметами материальной истории. Подкупает обращение к таким боевым реликвиям славянских народов, как польская кольчуга, чешские тесаки и шпага и златоустовская сабля с рисунком на стали золотом Е. Н. Бушуева.

Правда, не совсем понятна логика авторов, поместивших во второй главе между рапирой и кинжалом, безусловно интересные в художественном отношении стремени с гербом рода Лобковичей (s. 54—55). На наш взгляд, уместнее было бы представить их в главе о доспехах.

В третьей главе книги помещены иллюстрации и данные о пороховницах, штуцерах, карабинах, ружьях, винтовках, скорострельных карабинах, пулеметах, пистолетах, револьверах, пневматическом оружии, маузере, пистолетах-пулеметах и пушках.

Здесь большое внимание уделено чешскому оружию (s. 74, 90—96, 103, 106—107), которое на протяжении нескольких веков украшало дворцы европейской аристократии и состояло на вооружении армий Центральной Европы. Уникальное собрание Военного музея — лучшее доказательство высочайшего мастерства

чехословацких оружейников, высокого развития оружейной технологии в Чехословакии — признанном центре по изготовлению сначала боевого, а затем и спортивного оружия. Есть тут и чехословацкое оружие новейшего времени — скорострельные карабины, пистолеты-пулеметы оружейных заводов в Брно и Праге.

Представлено в издании также русское и советское оружие, которое помогло братским славянским и другим народам отстаивать свою свободу и независимость.

Книга снабжена научно-справочным аппаратом, куда, помимо традиционных резюме на русском, английском, немец-

ком, французском языках и несколько устаревшего списка «главной использованной литературы» (всего 63 позиции), входят справочные таблицы с названиями частей и деталей доспехов и оружия различных типов.

Онуцин А. Н.

ЛИТЕРАТУРА

1. Durdik J., Mudra M., Sada M. Alte Handfeuerwaffen. Praha, 1977; Sada M. Ceskoslovenské ručné palní zbraně a kulometry. Praha, 1971; Wagner E., Drobná Z., Durdik J. Kroje, zbroja zbraně doby předhusitské a husitské. Praha, 1956.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Славянское и балканское языкознание: Просодия. Сб. ст. / Отв. ред. Зализняк А. А.; АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики. М., 1989, 251 с., ИЛ. Списаревска И. Д. Чипровското въстание и европейският свят. София, 1988, 224 с., 24 л. ил.

Српске народне приповетke и предања из Лесковачке области / Сакупио Ђорђевић Д. М.; Приред. Милошевић — Ђорђевић Н. Београд, 1988, 667 с., 4 л. ил.

Советский Союз — Народная Польша, 1974—1987: Документы и материалы / Редкол.: Логинов В. П. ..., Ярошек Х. (председатели) и др.; М-во иностр. дел СССР, М-во иностр. дел ПНР. М., 1989, 486 с.

Стари српски записи и натписи / Скупио их и средно Стојановић Љ.; Срп. акад. наука и уметности. Нар. библ. Србије. Матица срп. Београд, 1988, (Фототипска изд.) / Нар. библ. Србије; Кн. 13). Кн. 6. X, [375] с.

Тасев З. Жизненост и литература: Критика. София, 1988, 156 с.

Геофана Златарова: Цената на свободата: Един възрожденски род в спомените на Геофана Златарова / Съст., ред., археогр. обраб. и бележки: Филипова В., Златаров С. София, 1988, 262 с., 12 л. ил., факс.

Типология литературного процесса: (На материале рус. лит. XIX в.). Межвуз. сб. науч. тр. / Гл. ред. Фрадкина С. Я. Пермь, 1988, 136 с.

Тишев Д. Т. Д-р Райко Даскалов: Жизнен път и обществена дейност. София, 1988, 307 с., 28 л. ил.

Тодоров И. Над Ботевия стих: Текстологически изследвания. София, 1988, 404 с., 8 л. ил.

Трифонов С. Българското национално-освободително движение в Тракия, 1919—1934. София, 1988, 210 с.

Удальцов И. И. Историкография революции 1848—1849 гг. в чешских землях: новые чехословацкие исследования (1950—1985). М., 1989, 136 с.

Францыск Скарына і яго час: Энцыкл. даведнік / Рэдкал.: Шамякін І. П. (гал. рэд.) та ін. Мінск, 1988, 608 с., ил., факс., 1 л. к.

КУЛЬТУРА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ БОЛГАРИИ — ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ РАЗВИТИЯ

В рамках советско-болгарского сотрудничества по проблеме «Современная болгарская культура, ее развитие и международный контекст», осуществляемого Институтом славяноведения и балканистики АН СССР и Научным объединением искусствознания БАН и НИИ культуры при Комитете культуры НРБ и БАН, в Софии 18—19 октября 1988 г. проходила первая научная встреча-симпозиум на тему «Культура социалистической Болгарии — общие закономерности и специфические черты развития (процессы, этапы, результаты)».

В симпозиуме участвовали с болгарской стороны представители НИИ культуры директор Института проф. Д. Филипов, сотрудники Х. Бонев, М. Динева, А. Гергова, М. Вылкова, Е. Николова, Б. Иванов и представитель Научного объединения искусствознания БАН проф. М. Класанов, с советской стороны — сотрудники Института славяноведения и балканистики АН СССР М. Б. Ешич, Н. Н. Пономарева, О. А. Северная, Ю. И. Смирнов.

На обсуждение было вынесено пять проблем теоретического, историко-методологического и социокультурного характера, имеющих принципиальное значение для исследования культуры социализма вообще и социалистической культуры Болгарии, в частности: культура в процессе строительства социалистического общества (теоретические и историко-методологические проблемы); изучение болгарской культуры периода социализма в СССР и Болгарии; культурная революция в Болгарии (особенности и достижения); культурное наследие как исторический базис развития социалистической культуры Болгарии; болгарская культура социалистического общества (процессы, результаты, новые проблемы). Развернувшаяся на встрече дискуссия сосредоточилась вокруг важнейших из них.

Раскрытие различных точек зрения проявилось при обсуждении доклада М. Б. Ешича («Культура в процессе строительства социалистического общества»), который поделился своими соображениями по вопросам методологии изучения истории культуры в процессе строительства социалистического общества, затронув ряд теоретико-методологических вопросов истории культуры в регионе Центральной и Юго-Восточной Европы. Автор заострил внимание на определении двух понятий в обсуждаемой проблематике: «социалистическое общество» и «культура социалистического общества». Тезис о социализме как переходном этапе от классового к бесклассовому обществу, а также его задачах и целях вызвал активный обмен мнениями по проблеме современного состояния социалистического общества. Выступавшие болгарские коллеги (М. Динева, Х. Бонев и др.), говоря о классовой сущности социалистического общества в Болгарии, отмечали наличие в нем чрезвычайно дифференцированной социальной структуры, критерии деления которой пока остаются недостаточно четкими. Именно в силу этого, по их мнению, исследование социокультурности не должно быть подчинено изучению только одного параметра культурной среды (производственного), а должно включать целый комплекс разнообразных показателей.

В докладе М. Б. Ешича высказывалось понимание культуры социалистического общества как дифференцированной, внутренне сегментированной, национальной по форме и содержанию и одновременно интернациональной культуры, основным содержанием которой является духовное освоение действительности (т. е. творчество, тиражирование, усвоение), что дает возможность изучать процессы в их реальном бытии. Опираясь на такое содержание понятий, автор предложил некоторый методологический инструментарий для

изучения истории культуры социализма (типологизация, неравномерность, асинхронность), определив и место культуры социалистической Болгарии в типологической структуре культуры региона.

Не отрицая значимости данной методологической посылки, Д. Филипов, М. Вылкова, А. Гергова отметили проблематичность предложенной методологии, в частности, принципа типологизации в изучении культуры вообще и предложили считать типологию лишь рабочим инструментом, аргументируя свою точку зрения национальной спецификой историко-культурного развития стран, в частности, Болгарии, трудно поддающейся какой-либо типологизации вообще.

В этом контексте заинтересованный обмен мнениями состоялся при обсуждении понятия «культурность» (населения, социальных классов, слоев, индивидов) как одного из важнейших теоретических и операционных понятий при конкретных исторических и социологических исследованиях культуры. Болгарские ученые (Х. Бонев, М. Динева), исходя из опыта конкретных социокультурных исследований отдельных регионов страны, предлагали широкую трактовку этого понятия, в которое они включают, помимо образования и просвещения, культуру сферы быта, производственной среды, поведения, потребления и другие характеристики.

Плодотворная дискуссия возникла и при рассмотрении другой ключевой проблемы симпозиума — культурного наследия. Доклад А. Герговой и Е. Николовой «Культурно-историческое наследие и современная болгарская культура», охвативший довольно широкий круг теоретико-методологических и историко-культурных проблем (категориальный аппарат, генезис, прерывность и целостность болгарской культурной истории, культурно-историческое наследие в современности и др.), стимулировал обсуждение вопроса о соотношении национальной и народной культуры в культурном наследии.

Ю. И. Смирнов выразил несогласие с точкой зрения докладчиков о прерывности истории болгарской культуры в период турецкого рабства. Подчеркнув необходимость дифференцировать понятия, он убедительно показал, что в отношении народной культуры, в силу ее невосприимчивости к культуре господствующих классов, такой прерывности не наблюдалось. В докладе «Народная культура Болгарии и ее место в современности» Ю. И. Смирнов осветил развитие народ-

ной культуры в условиях социализма. Культуре социализма присуще наличие нескольких соотносящихся друг с другом культур, одной из которых является народная культура, по числу своих носителей доминировавшая до конца 50-х годов. Она имеет как естественную форму бытования, так и культурную. Последняя и есть принадлежность национальной культуры. Собственно фольклор не является национальной культурой, своим происхождением он связан прежде всего с эпохой до становления болгарской нации.

Обсуждая вопрос о перспективах развития народной культуры, А. Гергова, в отличие от Ю. Смирнова, который говорил о процессе отмирания традиционных форм фольклора в их естественной форме бытования, предложила рассматривать его как процесс трансформации, появления новых форм народной культуры, а Х. Бонев высказал предположение о возможном возвращении народной культуры в лоно национальной как приобщении к различным национальным формам в их аутентичности.

В направлении разграничения и соотношения понятий «народная», «национальная» и «общечеловеческая» культура шли обсуждения современного состояния культуры социализма в ее взаимодействии с мировой. Сфокусированная на человеке, культура социализма в ее реальном воплощении принесла не только завоевания, но и потери в плане развития личности (потеря индивидуальности, нравственные деформации и др.), — подчеркнула в своем выступлении Е. Николова.

Предметом обсуждения явились также и некоторые проблемы развития современной болгарской художественной культуры.

Анализ жанрово-стилевого разнообразия современной болгарской драматургии, представленный в докладе Н. Н. Пономаревой и сообщение И. А. Садовской об основных тенденциях развития болгарской кинематографии дали повод для размышлений над основными направлениями и процессами в области конкретных сфер художественной культуры, а доклады Х. Бонева и М. Динева затронули проблему потребления художественной культуры, выделили новые методологические принципы, на которые болгарские социологи опираются в своих исследованиях. Среди них — преодоление узкого понимания функций средств массовой коммуникации (кино, телевидение) лишь как трансляции культуры, введение корре-

ляций с социально-демографическими характеристиками населения, интегральный анализ содержания и методов отражения искусства. Анализируя систему потребления художественной культуры, исследователи выделяют прежде всего нравственную проблематику, отмечая кризисность ее состояния в настоящее время, особенно в молодежной среде.

Проблематика изучения болгарской социалистической культуры в советской историографии, ее основные вехи, направления, итоги и перспективы рассматривались в докладе О. А. Северной.

Состоявшаяся в Софии встреча показала глубокую заинтересованность советских и болгарских специалистов в обсуждаемой проблематике и взаимном сотрудничестве в интересах дальнейшего, основанного на новых принципах и подходах изучения болгарской социалистической культуры, дала возможность представить современный уровень культурологических направлений, открыла новые перспективы для дальнейших обсуждений и дискуссий на предстоящей в 1989 г. второй встрече в Москве.

Сезерная О. А.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Чижов А. П. Деятельность российских революционеров в Болгарии (1878—1917 гг.): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук / Гос. ком. СССР по нар. образованию. Харьк. гос. ун-т им. А. М. Горького. Харьков, 1989, 16 с.

Этимология: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Трубочев О. Н.; АН СССР. Ин-т рус. яз. М., 1988. 1985 / Редкол.: Варбот Ж. Ж. (отв. ред.) и др. 196 с.

Vakoš V. Filozofické myslenie na Slovensku v medzivojnovom období. Br., 1988, 279 s., 8 l. il.

Bibliografia české lingvistiky... / Zprac. Nováková M., Lešková Z. Praha, 1988. ...1986. [3], XI, 235 s.

Budziński F. Szkoły polskie nad Balatonem w okresie II wojny światowej. Warszawa, 1988, 215 s., 8 ark. il.

Burkot S. Polskie podrózpisarstwo romantyczne. Warszawa, 1988, 451 s.

Cimek H. KPP wobec Drugiej Rzeczypospolitej (1918—1938). Warszawa, 1988, 179 s.

Cimek H. Legalne chłopskie partie rewolucyjne w Drugiej Rzeczypospolitej. Białystok, 1988, 159 s., 9 ark. il.

Chmielewski P. Kultura i ewolucja. Warszawa, 1988, 408 s.

Czubiński A. Spory o II Rzeczypospolitą: Ewolucja poglądów publicystyki i historiografii pol. na temat przyczyn odbudowy i znaczenia niepodległego państwa dla narodu pol. Wyd. 2 popr. i rozsz. Poznań, 1988, 94 s., il.

Dmowski R. Polityka polska i odbudowanie państwa / Przedmowa do obecnego wyd. i koment. opatrł. Wituch T. Warszawa, 1988.

T. 1. 354 s.

T. 2. 346 s.

Dzieje gospodarcze Polski do roku 1939 / Zientara B., Mączak A., Ichnatowicz I. Landau Z., 3 wyd. Warszawa, 1988, 552 s., m., 40 ark. il.

Dziewiętnastowieczność: Z poetyk pol. i ros. XIX wieku. Pr. poświęcone X Międzynar. kongr. slawistów w Sofii / Pol. akad. nauk, Inst. słowianoznawstwa. Pod red. Czapiejewicza E., Grajewskiego W. Wrocław etc., 1988, 411 s.

8 марта 1989 г. исполнилось 85 лет видному советскому ученому, композитору, общественному деятелю *Игорю Федоровичу Бэлзе*.

Научная, педагогическая, творческая деятельность И. Ф. Бэлзы началась 65 лет назад чтением курса лекций по истории славянской музыки в Киевской государственной консерватории. С середины 20-х годов публикуются и исполняются и его первые музыкальные сочинения.

Разносторонний композиторский опыт И. Ф. Бэлзы несомненно сказался в его исследовательской деятельности, помог глубоко проникнуть в творческую лабораторию отечественных и зарубежных композиторов. Перу И. Ф. Бэлзы принадлежат замечательные монографии и статьи о наследии Глинки и Мусоргского, Бородина и Чайковского, Танеева и Римского-Корсакова, Скрябина и Рахманинова, Баха и Моцарта, Бетховена и Листа, Верди и Вагнера.

Особый, уникальный вклад И. Ф. Бэлза внес в изучение музыкальной культуры славянских народов, прежде всего польского и чешского. Классикой европейского музыковедения стала его многократно переиздававшаяся на различных языках монография о Шопене (первое издание 1960 г.). Не одно поколение студентов советских и зарубежных консерваторий и музыкальных училищ, специалистов, занимающихся проблемами художественной культуры славян, обращается к многотомным «Историям» польской и чешской музыки, написанным И. Ф. Бэлзой. Активная публикаторская работа И. Ф. Бэлзы, щедро вводившего в научный и культурный оборот массы архивных материалов, хранящихся в архивохранилищах и музеях Советского Союза, Польши, Чехословакии, Франции, существенно расширила современные представления об истинных границах и достижениях славянской музыки.

В своих обобщающих трудах по истории музыкальной культуры западнославянских народов И. Ф. Бэлза последовательно использовал комплексный метод анализа явлений музыкальной культуры, рассматривая их на широком историко-культурном и общественно-политическом фоне, в тесной связи с национальной жизнью, с развитием литературы и смежных видов искусства. Поэтому его музыкальные «Истории» во многом представляют собой «портреты» национальной культуры славянских народов в XVIII, XIX и XX вв.

И. Ф. Бэлза убедительно доказал ту неоспоримую ныне истину, что славянские народы всегда творили и творят свою самобытную музыку, глубоко своеобразную, оригинальную, и что ее идейно-эмоциональные богатства обусловили весомость вклада славянского искусства в мировую художественную культуру.

Широта интересов И. Ф. Бэлзы столь поразительна, что избежать слова «энциклопедичность» невозможно. Когда в середине 60-х годов Бэлза стал председателем Дантовской комиссии АН СССР и ответственным редактором регулярно издаваемых «Дантовских чтений», стало ясно, что советская дантология обрела новое дыхание и снова утвердила себя на международной арене. А отечественную Пушкиниану нельзя представить себе без психологически безупречного исследования документально-исторической обоснованности трагедии Пушкина «Моцарт и Сальери». В последние годы пристальный интерес ученого привлекает «поразительный талант» М. А. Булгакова. Событием научной жизни признано в свое время исследование, напечатанное в сборнике «Контекст 1978» «Генеалогия „Мастера и Маргариты“», в котором автор, проследив исторические, литературные, нравственно-философские истоки «закатного романа» Булгакова (как называл его сам писатель), убедительно показал глубину и оригинальность идейно-этической концепции произведения, своеобразии трактовки главных героев.

И. Ф. Бэлза активный и принципиальный общественно-культурный деятель. Многие годы он возглавлял историко-культурные исследования в Институте славяноведения и балканистики АН СССР, где работает почти четыре десятилетия, он член Пушкинской комиссии, член Бюро Научного совета по истории мировой культуры, заместитель председателя Центрального правления Общества советско-польской дружбы, одним из основателей которого является.

На страницах ведущих газет и журналов часто появляются статьи И. Ф. Бэлзы, посвященные насущным проблемам культурной жизни нашей страны — достаточно вспомнить его недавние выступления в защиту творческого наследия М. Булгакова.

За свой вклад в развитие музыкальной славистики И. Ф. Бэлза был удостоен звания почетного доктора Карлова университета в Праге и Музыкальной Академии имени Шопена в Варшаве, избран членом ряда научных и музыкальных обществ. В 1987 г. Игорю Федоровичу была вручена Большая международная премия «Про симфоника». Он награжден советскими и зарубежными орденами.

Накануне славного юбилея газета «Советская культура» в статье с точным заголовком «Строитель культуры» писала об Игоре Федоровиче Балзе как о человеке могучего интеллекта, высоких устремлений, феноменальной эрудиции и жажды делиться своими знаниями. Высокая и заслуженная оценка, к которой, безусловно, присоединятся и читатели журнала «Советское славяноведение», на страницах которого часто и ярко выступал юбиляр.

Юрьев Р.

21 августа 1989 г. исполняется 60 лет лауреату Ленинской премии профессору, д-ру филол. наук, заведующему сектором структурной типологии славянских и балканских языков Института славяноведения и балканистики АН СССР Вячеславу Всеволодовичу Иванову.

Не каждое поколение ученых формируется и растет, имея перед глазами крупномасштабную, необычную личность ученого, с бережным вниманием относящегося к традиции, и одновременно человека яркой и в то же время непротиворечивой биографии.

Рано сформировавшиеся гуманитарные интересы, любовь к науке и культуре, к книге определили жизнь много болевшего, однако, кончившего с медалью школу мальчика, перечитавшего все книги из великолепной библиотеки отца — известного писателя Всеволода Вячеславовича Иванова.

В 1946 г. В. В. Иванов поступает на романо-германское отделение филологического факультета МГУ, которое окончил в 1951 г., написав дипломную работу по современному английскому языку.

В 1954 г. он представляет к защите диссертацию по хеттскому языку, будучи уже сложившимся ученым-индоевропейцем, специалистом в области славистики, индоевропейской мифологии и фольклора. Вяч. Вс. Иванов начинает преподавать в МГУ: основы индоевристики, хеттский, кельтологию и др. Его непосредственными учениками практически является все поколение проявивших себя в науке нынешних пятидесятилетних — среди сотрудников нашего Института достаточно назвать хотя бы А. А. Зализняка и В. А. Дыбо.

В 1957 г. Вяч. Вс. Иванов — заместитель главного редактора журнала «Вопросы языкознания», доцент кафедры общего языкознания МГУ. В 1957 г. он — делегат VIII Международного конгресса лингвистов в Осло. Число его курсов и спецкурсов расширяется. В 1958 г. он (совместно с В. Н. Топоровым) выступает с концептуально важным докладом о балто-славянских отношениях на IV съезде славистов в Москве.

В конце 1958 г. разыгрывается кампания по поводу публикации романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго». За отказ присоединиться к травле поэта и за его поддержку Вяч. Вс. Иванов был вынужден покинуть факультет как «не соответствующий должности». В 1989 г. ректорат МГУ принес свои извинения Вяч. Вс. Иванову, поздравив его с проваленным тридцать лет назад гражданским мужеством; тридцатилетней давности приказ отменяется. В 1989 г. Вяч. Вс. Иванов возвращается в МГУ, возглавив кафедру истории мировой культуры на философском факультете.

С 1959 по 1961 г. Вяч. Вс. Иванов работал заведующим группой машинного перевода в Институте точной механики и вычислительной техники АН СССР. Сказалась здесь и такая заметная черта личности ученого, как живой и неослабевающий интерес ко всему новому в науке, умение видеть сходное в разных областях знания. Вяч. Вс. Иванов становится Председателем лингвистической секции Научного совета по проблеме «Кибернетика» (председателем Совета был знаменитый академик и адмирал А. И. Берг). Именно благодаря усилиям группы ученых-новаторов (одним из первых здесь был Вячеслав Всеволодович) в гуманитарных институтах АН создаются секторы структурной лингвистики и соответствующие отделения в ряде университетов.

С 1962 г. по настоящее время Вяч. Вс. Иванов является заведующим сектором Института славяноведения и балканистики АН СССР.

За эти годы им написано более тысячи статей, десять монографий (некоторые совместно с В. Н. Топоровым). За двухтомную книгу «Индоевропейский язык и индоевропейцы» (130 п.л., совместно с Т. В. Гамкрелидзе) Вяч. Вс. Иванов стал в 1988 г. лауреатом Ленинской премии.

Вне Института Вячеслав Всеволодович — член многих редколлегий, председатель московской секции переводчиков Союза писателей, председатель лингвистической группы при Совете «Сознание» АН, член Британской Академии наук и Американского лингвистического общества и многое-многое другое.

В Институте деятельность Вячеслава Всеволодовича столь же объемна: он — главный редактор Ежегодника «Балто-славянские исследования», ответственный редактор многих коллективных трудов Института и сектора, организатор интересных и престижных для Института конференций.

Заканчивая краткое изложение шестидесятилетнего пути совсем молодого Вяч. Вс. Иванова, можно еще раз подчеркнуть две его доминантные черты: широту интересов и знаний, необъятную, даже невероятную эрудицию, и в то же время — радостную любовь ко всему новому.

Поэтому даже как-то странно желать дальнейших творческих успехов Вячеславу Всеволодовичу Иванову, у которого, несомненно, много интересного впереди.

Николаева Т.

CONTENTS

DISCUSSIONS

The polytical crysis of 1939 and the Central and South-East European States	3
---	---

ARTICLES

<i>Pop Ju. I.</i> The struggle between Marxism and opportunism in the Czech workers' movement of 1870s and 1880s. <i>Bialokozowicz B.</i> (Polska). Nikolay Yanchuk and his studies of the borderline contacts between the Poles and the Eastern Slavs. <i>Tsvetkova M. L.</i> On expressing the temporal characteristics by means of two language levels in Polish and Bulgarian. <i>Shalamova A. N.</i> Old Russian <i>дополна</i> and its relations	35
--	----

COMMUNICATIONS

<i>Medushevskiy A. N.</i> The Great French revolution and the modern Slavic studies. <i>Lipatov A. V.</i> «The Lord created you to be a writer»	79
---	----

FOUND IN ARCHIVES

<i>Makarov V. I.</i> On the problem of the Slavic Urheimat. Academician A. A. Shahmatov's letters to academician F. Je. Korsh	88
---	----

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

<i>Khevroлина V. M.</i> Л. И. Ровнякова. Борьба южных славян за свободу и русская периодическая печать (50—70-е годы XIX в.) Очерки. <i>Котова М. Ю.</i> А. Г. Машкова, Я. Штевчек, В. Петрик, И. Сулик. Словацкая литература (1945—1985). Проза. <i>Gugnin A. A.</i> В. А. Моторный, Г. К. Трофимович. Серболужицкая литература. История. Современность. Взаимосвязи. <i>Titova L. L.</i> Klosová. Život za divadlo. <i>Orel V. E.</i> Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 15 (*lětina — *lokačъ)	94
--	----

NOTES OF BOOKS

<i>Stanchev M. G., Todorova E. M.</i> The cooperation of Soviet and Bulgarian scientists. <i>Onuchin A. N.</i> M. Šáda, V. Dolínek, J. Dundík, Vzácné zbraně a zbroj: Ze sbírek vojenského muzea v Praze	104
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>Severnaya O. A.</i> The culture of the socialist Bulgaria: the general regularities and the specific features of the development.	107
--	-----

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 12.06.89	Подписано к печати 15.08.89	А-09925	Формат бумаги 70×103 ¹ / ₁₆
Высокая печать	Усл. печ. л. 9,8	Усл. кр.-отт. 12,1 тьс.	Уч.-изд. л. 11,2 Бум. л. 3,5
	Тираж 1188 экз.	Зак. 3094	Цена 1 р. 20 к.

Адрес редакции: 121069, Москва Г-69, Трубниковский переулок д. 30а.

Телефон 290-27-40

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

1 р. 20 к.

Индекс 70891